

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№ 7 2019 (ИЮЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Н. Боровов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

А.В. Романов

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:

109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10

Тел/факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

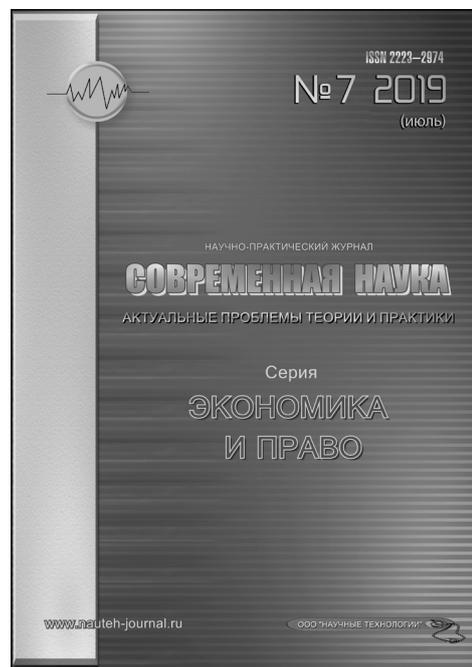
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK – 08.00.00, 12.00.00)

В НОМЕРЕ:

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ,
ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ
НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ,
ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ
ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ,
БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ, СТАТИСТИКА,
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА, ПРАВО

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 20.07.2019 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Боробов Василий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, профессор

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления, профессор

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор,
Институт государства и права РАН, г.н.с.

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор
Северо-Западного института (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета, профессор

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор
Национальный институт бизнеса, профессор

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор Институт
социально-экономических проблем народонаселения
РАН, г.н.с.

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор Российская таможенная академия, профессор

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор
Института экономики РАН, в.н.с.

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса, директор

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., Институт
социально-экономических проблем народонаселения
РАН, в.н.с.

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н., профессор
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского, зав.
каф.

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, профессор

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины
и биотехнологии им. К.И. Скрябина, доцент

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор
Российский государственный гуманитарный университет,
зав. кафедрой

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор Санкт-
Петербургский университет МВД России, профессор

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, профессор

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор Научно-
исследовательского финансового института Минфина РФ,
рук. центра

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент
Российская таможенная академия, доцент

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор
Московский университет МВД России, профессор

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н., профессор
Всероссийский государственный университет юстиции,
профессор

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации,
профессор

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор РАНХ
и ГС при Президенте РФ, зав.каф.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Экономическая теория

- Шепелин Г. И.** — Эволюционная модель целостной экономической системы. Принципы математического моделирования
Shepelin G. — An evolutionary model of holistic economic systems. Principles of mathematical modeling 5

Экономика и управление народным хозяйством

- Гасиев Т. Х.** — Особенности антикризисного управления в сельском хозяйстве
Gasiev T. — Features of crisis management in agriculture 16

- Горюнова О. Б., Золотова С. В., Водорезова Е. С.** — Оптимизация подхода к определению потребительских свойств и показателей качества косметических солей для ванн
Gorjunjva O., Zolotova S., Vodorezova E. — Optimization of an approach to define consumer properties and quality indicators of cosmetic salts for bathing. 20

- Ефимова Н. П., Гаджигороев Г. Ш.** — Средства собственников как источник улучшения жилищных условий при проведении капитального ремонта многоквартирных домов
Efimova N., Gadzhigoriev G. — Funds of owners as a source of improvement of living conditions during the overhaul of apartment buildings 27

- Игнатская Л. Я.** — Повышение качества кадрового обеспечения управления предприятием: проблемы и решения
Ignatskaya L. — Improving the quality of enterprise management: problems and solutions. 36

- Лукьянова А. В.** — Развитие и повышение конкурентоспособности малого предпринимательства на основе информационных технологий и социально-ориентированной деятельности
Lukyanova A. — Development and improvement of competitiveness of small entrepreneurship on the basis of information technologies and social-oriented activities 40

- Никишова М. И.** — Искажения в процессе принятия решений совета директоров
Nikishova M. — Distortions in the decision-making process of the board of directors 48

- Чжан Гося** — Тенденция развития сотрудничества в сфере трансграничной электронной коммерции между Китаем и Россией
Zhang Guoxia — The development trend of cooperation in the field of cross-border e-commerce between China and Russia 53

Финансы, денежное обращение и кредит

- Корнышев О. О.** — Альтернативные источники привлечения инвестиций в малый и средний бизнес: их преимущества и недостатки
Kornyshev O. — Alternative sources of attracting investments in small and medium business: their advantages and disadvantages. 59

- Трифонов Д. С.** — Зарубежная практика инвестирования в инновации: к опыту предприятий сельскохозяйственного машиностроения
Trifonov D. — Foreign practice of investment in innovations: to the experience of agricultural engineering enterprises 64

Бухгалтерский учет, статистика

- Лихтарова О. В.** — Совершенствование критериев оценки устойчивого развития экономического субъекта на основании требований стейкхолдеров
Likhtarova O. — Improving the criteria for assessing the sustainable development of an economic entity based on the requirements of stakeholders. 69

Мировая экономика

- Боташев Р. А., Батчаев М. Х.-К.** — Роль государства в развитии научно-технического прогресса (опыт США и России)
Botashev R., Batchaev M. — The role of the state in development of scientific-technical progress (experience of the USA and Russia) 74

Гурков Р. А. — Российско-индийское сотрудничество в сферах науки, образования и высоких технологий <i>Gurcov R.</i> — Russian-Indian cooperation in the spheres of science, education and high technologies	81
Сомов Е. Н., Наабер Ю. Р. — Развитие инновационных систем государств ЕАЭС <i>Somov E., Naaber Yu.</i> — The development of innovation systems of the EAEU member states	86
Право	
Аристархов Д. А. — Об особенностях взаимодействия следователя и оперативных работников при расследовании преступлений <i>Aristarkhov D.</i> — About the peculiarities of the interaction of the investigator and operational workers in the investigation of crimes	91
Воронов А. М., Сморчкова Л. Н. — Административная реформа в контексте Основного закона. Некоторые итоги правовой регламентации <i>Voronov A., Smorchkova L.</i> — Administrative reform in the context of the Basic law. Some results of a legal regulation.	95
Горчак М. О. — Основные направления снижения дискриминации труда на российских предприятиях <i>Gorchak M.</i> — Main directions of reducing discrimination of labor at Russian enterprises	100
Зацепин М. Н., Зацепин А. М., Филиппова О. В. — Вопросы повышения эффективности системы профилактики преступлений против безопасности предпринимательства в РФ <i>Zatsepin M., Zatsepin A., Filippova O.</i> — Issues of increasing the effectiveness of the system of prevention of crimes against the security of entrepreneurship in the Russian Federation	103
Каматесов П. А. — Назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа по преступлениям с публичным объектом посягательства <i>Kamatesov P.</i> — The purpose of measures of criminal-legal character in the form of a judicial fine for the crime of public threat	107
Колесников Ю. А., Мельников В. Ю. — Теоретические основы правоохранительной деятельности государств <i>Kolesnikov Yu., Melnikov V.</i> — The theoretical foundations of the law enforcement of the states	112
Коннов И. А. — Гражданско-правовые средства противодействия коррупции в Российской Федерации <i>Konnov I.</i> — Civil-legal means of counteraction of corruption in the Russian Federation	117
Николашвили К. И. — Концептуальные подходы к исследованию источников бюджетного права <i>Nikolashvili K.</i> — Conceptual approaches to the study of the sources of budget law	121
Парфенюк Н. В. — Особенности систематики норм об исполнении обязательств по государственному (муниципальному) контракту <i>Parfenyuk N.</i> — Features the taxonomy of norms on the enforcement of obligations under the state (municipal) contract	126
Тыщенко Г. В., Беденков В. В. — Позитивистский подход к осмыслению принципов права <i>Tyschenko G., Bedenkov V.</i> — Positivist approach to understanding the principles of law.	133
Федорин В. Е. — Особенности исполнения наказания в виде принудительных работ <i>Fedorin V.</i> — Features of the execution of punishment in the form of forced labor	137
Филимонов А. А. — Сравнительный анализ применения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в России и странах Азиатско-тихоокеанского региона <i>Filimonov A.</i> — Comparative analysis of the use of punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities in Russia and the countries of the Asia-Pacific region.	140
Фирсов В. Г. — Основания, условия и порядок избрания меры пресечения в виде домашнего ареста <i>Firsov V.</i> — Grounds, conditions and procedure for the election of a preventive measure in the form of house arrest	146
Шуралёв А. В. — История следствия и следственных органов в России <i>Shuralev A.</i> — The story of the investigation and the investigating authorities in Russia	153
Информация	
Наши авторы. Our Authors.	157
Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале	159

ЭВОЛЮЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ЦЕЛОСТНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ. ПРИНЦИПЫ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Шепелин Геннадий Ильич

К.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, Москва
line75@yandex.ru

AN EVOLUTIONARY MODEL OF HOLISTIC ECONOMIC SYSTEMS. PRINCIPLES OF MATHEMATICAL MODELING

G. Shepelin

Summary. In this paper, we develop an evolutionary-economic theory based on models a holistic economic system with a complete life cycle based, in turn on the spiral of social development. The spiral model of development, with two thousand years of history, is analyzed as an entity, with its perfection. Analysis abstract-a generalized spiral development within a fully closed system allows you to select the initial education, which is the basis for creating an evolutionary development model, highlighting the stages of the life cycle.

Using the simple model of production as the basic framework, we review its development in the framework of the expanded reproduction. Finally, it discusses an integrated model of evolutionary-economic development. The article analyzes the implementation model of the example of the Soviet economy in the period from 1947. until its collapse.

Keywords: evolutionary development, spiral development, spiral of social development, a holistic model of the economic system, life cycle evolutionary economic development, the stages of evolutionary development, an integral model of evolutionary-economic development..

Аннотация. В работе развивается эволюционно-экономическая теория, базирующаяся на модели целостной экономической системы, имеющей законченный жизненный цикл и основывающейся на спирали общественного развития. Модель спирали развития, имеющая двухтысячелетнюю историю, анализируется как образование, обладающее своей завершенностью. Анализ абстрактно-обобщенной спирали развития в рамках полностью замкнутой системы позволяет выделить исходное образование, являющееся первоосновой для создания эволюционной модели развития с выделением стадий жизненного цикла.

Используя модель простого производства в качестве базовой основы, мы рассматриваем ее развитие в рамках расширенного воспроизводства. В заключение рассматривается интегрированная модель эволюционно-экономического развития. Анализируется реализация модели на примере экономики СССР в периоде с 1947 г. и до ее распада.

Ключевые слова: эволюционное развитие, виток развития, спираль общественного развития, модель целостной экономической системы, жизненный цикл эволюционно-экономического развития, стадии эволюционного развития, интегральная модель эволюционно-экономического развития.

На современном этапе развития научного знания отсутствует достаточное количество теорий, охватывающих полностью законченный жизненный цикл эволюционного развития глобальных экономических систем. Если бы в экономической науке была бы глубоко разработана теория целостных эволюционно-экономических систем, включая теорию «зарождения» и в особенности теорию «распада», мы бы, возможно, не были бы свидетелями катастрофического разрушения величайших экономик современности.

Вследствие этого особенно актуальным является рассмотрение целостной эволюционно-экономической системы, имеющей законченный жизненный цикл своего развития, с такими стадиями, как зарождение, становление, развитие и распад.

Идеи эволюционной экономики нашли свое отражение в трудах таких экономистов 18–20 веков, как Й. Шумпетер, Т. Веблен, С. Нельсон, Р. Уинтер [1] и др. Имеющиеся на сегодняшний день модели развития содержали в основном эмпирические показатели и не включали

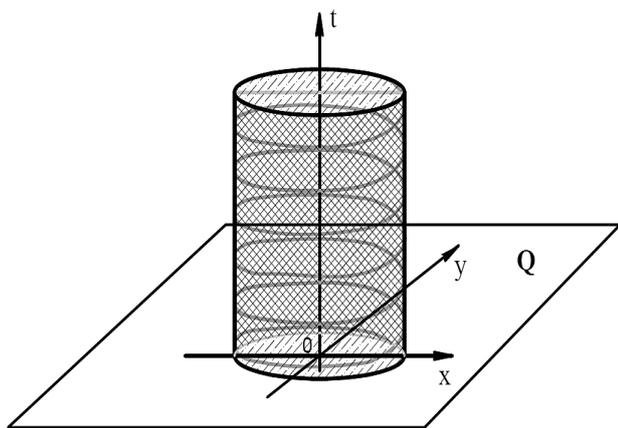

Рис. 1. Классическое представление целостной спирали общественного развития

рассмотрение эволюционно-экономической системы целиком, что не позволяло достаточно полно исследовать экономику как целостный феномен. Модель В. Леонтьева «затраты-выпуск» отражала состояние этапа «функционирование экономики» с позиции сбалансированности и равновесия экономических систем [2]. Футуристические предсказания ученых «Римского клуба» в 1960-х...1970-х гг. позволили начать исследования в рамках «распада экономических систем» [8]. В теории К-циклов Н.Д. Кондратьева, посвященной исследованию «длинных волн», рассматривалось эволюционирование показателей производства в рамках этапов «становления и функционирования» экономических систем [3]. Концепция В.И. Маевского дала исследователям понятие развития с учетом периодической перестройки предприятий в зависимости от необходимости их перевооружения [4]. Упрочнению эволюционной парадигмы экономической науки способствовала разработка Г.Б. Клейнером системной экономической теории, в рамках которой выполнены работы по анализу и структуризации множества экономических систем [5]. Аналитика ведущих российских ученых-экономистов касалась рассмотрения отдельных аспектов экономического развития, но не эволюционно-экономической системы в целом [6]. Поэтому важно выделить и очертить сферу деятельности эволюционной экономики как целостного феномена.

Преимущество предлагаемой концепции заключается в стабильности исходной идеи, получившей научное подтверждение, начиная от античных времен и по настоящее время, базирующейся на объяснении явлений эволюционно-экономической системы как целостного развивающегося феномена.

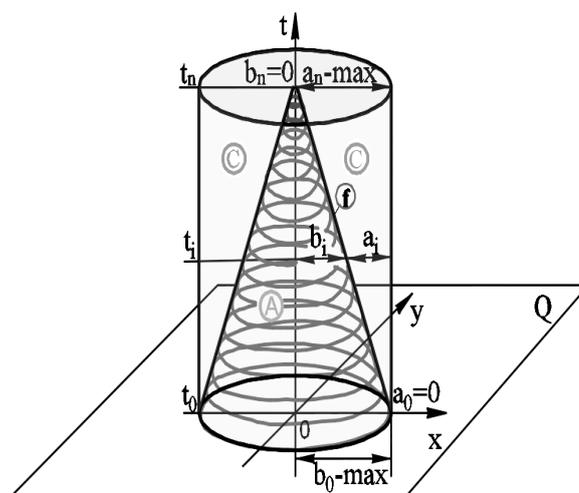

Рис. 2. Целостная спиралевидная модель эволюционного развития в рамках замкнутой системы

Часть 1. Обоснование модели эволюционного развития экономической системы в условиях простого производства

1.1. Спираль как концептуальный базис модели эволюционного развития экономической системы

Спиралевидная модель развития и ее отдельная составная часть — полностью законченный виток спирали — в настоящем исследовании принимаются в качестве основы, образующей систему эволюционно-экономического развития.

Виток спирали (как отдельная составная часть модели) представляет собой общность формирующихся и развивающихся элементов экономической системы, повторяющаяся в рамках временного цикла. В основе единства элементов экономической системы лежит объект исследования, а элементами витка могут выступать экономические показатели, такие как: явления социально-экономической жизни и т.д. Теория о цикличности развития (как совокупности постоянно повторяющихся витков) своим появлением обязана древним грекам.

Непрерывная последовательность эволюционно-экономических витков, следующих друг из друга, формируется в самостоятельное спиралевидное образование, представляющее собой развивающуюся систему. Традиционно такая система рассматривается в качестве основы развития человеческого общества, подчиняющегося общим законам диалектики, согласно которым всякий процесс развития имеет начало и конец.

Понятие категории «спираль развития» давалось многими учеными в различные исторические периоды, что сделало спираль развития абстрактно-обобщенной общепризнанной категорией, базирующейся на опыте многих веков. Спираль развития — это система, начинающаяся и завершающаяся в определенном временном интервале. Спираль развития, в основе которой лежат повторяющиеся циклы и постепенная эволюционная изменчивость [7] позволяет сформировать концептуальное представление о спиралевидном развитии однотипных экономических элементов. Кроме того, спираль развития можно рассматривать в качестве сущностной основы единого цельного эволюционного организма социальных систем (рис. 1). Адаптируя все вышесказанное применительно к спирали эволюционного развития, можно резюмировать, что спираль эволюционного развития допустимо использовать в качестве концептуальной основы при моделировании схемы развития общества как единой целостной системы, имеющей свое начало и завершение (рис. 2).

В последующем в рамках настоящего исследования спираль развития будет рассматриваться как целостная изолированная система, наделенная собственной внутренней структурой, конкретная последовательность абстрактно-обобщенных однотипных явлений, вытекающих друг из друга.

Условные обозначения к рис. 1, 2:

$b_{o-max}, a_{n-max}, t_{o-n}$ — ограничительные пределы исследуемой системы;

Ot — ось времени;

t_o — начало эволюционирования спирали;

t_i — промежуточный этап в развитии спирали;

t_n — завершение развития спирали;

Ox, Oy — оси координат (горизонтальные) на плоскости Q , которые позволят определить параметры ресурса;

f — касательная, показывающая темпы роста спирали;

A — внутренний объем спирали (позволяет просмотреть сокращение внутриспирального ресурса при определенных условиях);

C — внешний объем спирали в замкнутой системе, показывающий рост выработанного ресурса;

a_i — радиус витка спирали, показывающий в количественных данных выработанный ресурс в горизонтальной плоскости;

b_i — радиус витка спирали, показывающий в количественных данных внутриспиральный ресурс в горизонтальной плоскости.

Для осуществления дальнейшего исследования уточним также понятия таких категорий, как «модель» и «эволюция». Так, под моделью в контексте исследования будет пониматься мысленный или знаковый образ моде-

лируемого объекта, необходимый для изучения свойств такого объекта. Эволюция, в свою очередь, в контексте данного исследования — это целенаправленное и необратимое самостоятельное развитие целостных эволюционно-экономических систем во временном промежутке между зарождением и распадом.

1.2. Особенности классической абстрактно-обобщенной модели развития в изолированной системе (рис. 1)

Для выявления особенностей классической модели проведем простейший анализ, заключающийся в рассмотрении витков и самой спирали в абстрактно-обобщенном виде. Так как развивающаяся спираль имеет свое начало, то в соответствии с основными законами диалектики она должна иметь и завершение этапа своего развития. В отрыве от социально-экономического содержания, выделим следующие особенности спирали в рамках изолированной развивающейся системы:

1. Наличие единообразной внешней среды.
2. Полная изолированность анализируемой системы от внешней среды.
3. Плавное, целенаправленное и необратимое самостоятельное развитие, имеющее начало и конец.
4. Наличие первоначальных составляющих (например, изначальный ресурс), вводящих в закрытую систему единоразово.
5. Фиксированное общее количество изначального ресурса. Как в спирали в целом, так и в плоскости каждого ее витка проявляется «закон сохранения энергии».
6. Каждый виток равномерен в своем развитии (между витками равные шаги).
7. Фиксированный диаметр витков на протяжении всего эволюционного движения в спирали.

1.3. Спираль развития, как целостная замкнутая эволюционная система (рис. 2)

Развивающаяся в рамках замкнутой системы спираль имеет свое начало и завершение. В процессе эволюции первоначальный ресурс саморазвивающейся спирали расходуется равномерно на процессы движения и эволюционного развития в пределах замкнутой, закрытой системы.

Однако, в отличие от классической модели спирали, в которой все витки имеют одинаковые ресурсы и диаметр, в рассматриваемой модели ресурс каждого последующего витка спирали становится все меньше и меньше. При этом диаметр каждого последующего оборота спирали уменьшается равномерно и пропорционально уменьшению ресурса внутри каждого витка. Иными словами, ресурс каждого последующего витка спирали

уменьшен по сравнению с ресурсом предыдущего витка. Рассмотрим, как все вышесказанное отображается графически. Так, если виртуально отобразить весь объем ресурса (энергии движения) в секторе А (рис. 2), то спустя определенное время на уровне t_n такой объем полностью преобразуется в продукт без остатка (сектор С рис. 2).

В буквальном смысле сказанное означает, что весь виртуальный ресурс, который заключен внутри «оболочки» спирали (сектор «А» рис. 2), через определенный временной период полностью перейдет в сферу вне спирали (сектор «С» рис. 2) — теоретико-графическое тело спирали со временем исчезает, в то время как ресурс спирали полностью преобразуется в выработанный продукт.

Вместе с тем, логично было бы предположить, что продукт на каждом горизонтальном срезе спирали (сектор «С» — размерность — a_l) вместе с внутренним ресурсом спирали (сектор «А» — размерность — b_l) в совокупности представляют собой неизменный объем энергии, равный стартовому ресурсу.

На рисунке 2 оси координат O_x и O_y показывают параметры ресурса внутри спирали на виртуальной плоскости Q (например, труд и капитал).

Боковая наклонная спирали $f(t_0-t)$, показывающая темпы роста, при приближении к уровню t_n , также исчезает.

1.4. Адаптация целостной эволюционно-экономической модели к условиям простого производства (рис. 3)

Для осуществления дальнейшего исследования эволюционной модели адаптируем разработанную на рисунке 2 графическую модель применительно к области экономики:

1. Эволюционно-экономическая модель представляет собой целостную, самостоятельно развивающуюся однонаправленную экономическую систему, имеющую циклы собственного зарождения и завершения.
2. Наличие различных участников производства материальных благ — на графике (рис. 3) такие участники представлены в качестве абстрактно-обобщенного образования.
3. При замкнутом эволюционно-экономическом развитии начальный (стартовый) объем исходных ресурсов, факторов производства (ограниченных первоначальной величиной введенных мощностей), который используют производители. Среди таких факторов производства: труд,

товары, сырье, материалы, земля и пр., которые впоследствии расходуются.

4. Снижению темпов роста производства продукта в эволюционно-экономической системе способствует уменьшение объема факторов простого производства (рис. 3).
5. Прибавочная стоимость отсутствует в условиях простого производства.
6. Процесс расходования факторов производства (представленный на графике) выражен уменьшением диаметра витков спирали. Динамичному уменьшению факторов производства соответствует пропорциональное увеличение объема произведенного продукта. Так постепенно переносится на сам продукт вся стоимость основных фондов.
7. Предполагается, что в экономических системах имеется определенный объективный предел развития темпов роста, который определяется природными свойствами систем, а также условиями внешней среды. Речь идет о том, что витки спирали, условно сжимаясь, приближаются к своему пределу, отстоящему от вертикальной оси O_t на определенном расстоянии ($b_{max} - a_{max} = r_{lim}$), которое определяется свойствами самого производства. Если темпы роста существенно возрастают и начинают пересекать боковую наклонную этой границы ($b_{max} - a_{max}$), то неизменно происходит смена структуры системы или ее разрушение. И наоборот, при существенном снижении темпов роста экономическая система аналогичным образом перестанет существовать. Исходя из этого можно сделать вывод, что всякая эволюционно-экономическая система имеет предельные границы своего оптимального развития.
8. Одновременно выделим следующее: в том случае, если уменьшаются факторы производства на графике в закрытой изолированной системе (сектор «А»), то величина выработанного продукта увеличивается на такую же величину (сектор «С») в рамках горизонтальной плоскости каждого витка.

Если непосредственно рассматривать экономическую систему, то предполагаем, что уменьшение факторов производства (сектор «А») пропорционально увеличивает выработанный объем продукта (сектор «С»).

Исходя из этого предположения можно сделать вывод, что на каждом временном срезе экономического развития происходит макроэкономическое равновесие системы.

9. Для дальнейших расчетов модели эволюционно-экономического развития и ее описания до-

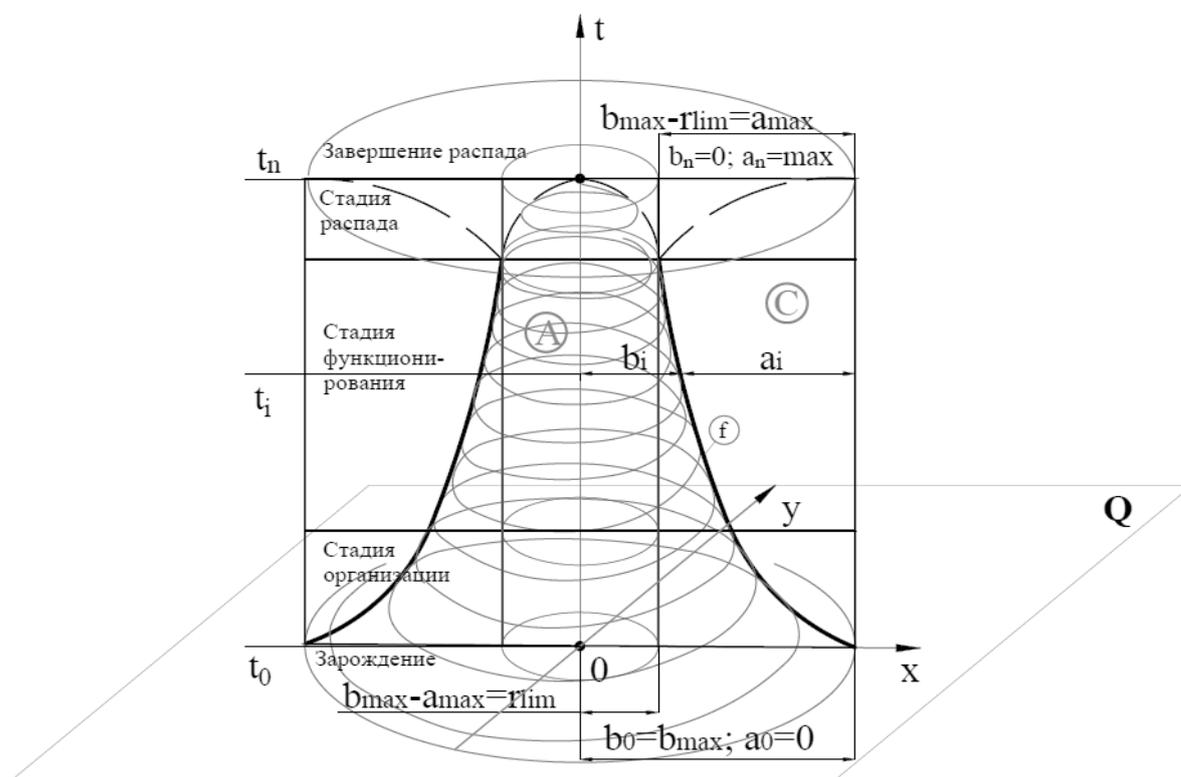

Рис. 3. Целостная модель эволюционно-экономического развития в рамках замкнутой системы (простое производство)

пускается применение формулы производственной функции:

$$Q = F(Y, Z) \quad (1.1.)$$

где U — реальный объем производства за некоторый период времени;

F — совокупная производственная функция;

Y — запасы капитала;

Z — количество работников, задействованный в конкретном (данном) периоде.

10. На орбите спирали каждая точка показывает величину произведенного продукта, определяемую в секторе «С» с помощью векторов Ox - Oy - Oz , а факторов производства — в секторе «А» также с помощью этих же векторов. Это в дальнейшем позволяет их математически рассчитывать. Следует предположить, что соотношение между величиной произведенного продукта и факторами производства осуществляется через производственную функцию (F).

11. Сам переход факторов производства (сектор «А»), которые можно охарактеризовать через исполь-

зование векторов Ox - Oy - Oz за область спиралевидного тела в область объема выработанных ресурсов (сектор «С»), можно трактовать через рыночные механизмы купли-продажи.

Условные обозначения к рис. 3:

b_{0-max} , a_{n-max} , t_{0-n} — пределы исследуемой экономической системы,

Ot — временная ось;

t_0 — начало процесса эволюции модели;

t_i — промежуточный этап развития модели;

t_n — завершение эволюционирования модели;

f — касательная, отображающая темпы экономического роста;

Ox , Oy — горизонтально направленные оси координат на плоскости Q , которые помогают вычислить параметры ресурса (например, запасы капитала, количество работников и пр.);

A — внутренний объем экономической модели, показывающий уменьшение ресурса внутри спирали с помощью виртуальных данных;

C — внешний объем спирали, дающий представление о росте выработанного продукта;

a_i — радиус спирали, показывающий величину выработанного ресурса на оси Ox ;

b_i — радиус спирали, показывающий величину ресурса внутри спирали на оси Ox ;

$b_{max} - a_{max} = r_{lim}$ — предельный радиус (внутренний) спирали, при переходе за который касательной (f) произойдет распад системы.

1.5. Построение стадий «жизненного цикла» модели эволюционно-экономического развития в условиях простого производства

Как уже было неоднократно отмечено ранее, общие законы диалектики позволяют выделить у экономической системы стадию начала (зарождения) и стадию завершения. Исходя из этого необходимо выделить стадии эволюционно-экономического «жизненного цикла» модели.

Эволюционно-экономическая система характеризуется несколькими граничными свойствами, включая внешние и внутренние границы системы. Графически внешние границы системы — это ее внешние параметры ($b_o = b_{max}$), а внутренние границы — это критический объем ресурса « $b_{max} - a_{max} = r_{lim}$ » (рис. 3), а также вход и выход.

Жизненный цикл экономической системы условно можно дифференцировать на пять стадий, впоследствии которые можно описать математически:

I стадия — стадия начала (зарождения) экономической системы;

II стадия — стадия становления (организации) экономической системы;

III стадия — стадия существования экономической системы;

IV стадия — стадия распада экономической системы;

V стадия — конечная граница распада.

Начиная со II стадии появляется необходимость в разработке и применении соответствующих программ преобразования или совершенствования экономической системы. Необходимость применения таких программ может быть вызвана, например, отсутствием макроэкономического равновесия или слишком низкими темпами экономического развития. Важно отметить, что выделение и разработка этапа преобразования, выполняющего роль дополнительной части целостной модели эволюционного развития экономической системы, представляется наиболее серьезной и сложной задачей для исследователей.

Произведенная нами в рамках настоящей статьи периодизация развития целостной эволюционно-экономической системы позволяет представить такую систему в качестве единого образования, которое обладает своей собственной внутренней структурой и собственными законами развития.

Подтверждением эволюционной модели развития экономической системы на практике в рамках простого производства могут быть определенные показатели, среди которых, например, темпы экономического развития в рамках стадий жизненного цикла. В реальности абсолютно изолированные экономические системы, которые функционируют в рамках простого производства, а также развиваются без получения прибавочной стоимости, не существуют.

Проведенное в настоящей работе исследование позволяет сделать следующие краткие выводы:

1. Каждый отдельный процесс экономического развития, который возможно описать в качестве спиралевидного развития, имеет свое начало и завершение.
2. Имеющееся представление о ритмичной повторяющейся цикличности событий, которое приобрело устойчивое понимание в качестве «спирали развития», допустимо рассматривать в условиях простого производства как абстрактно-обобщенную эволюционно-экономическую модель саморазвития целостной системы.
3. Общность статистических показателей, которые соответствуют боковой наклонной кривой графика, допустимо рассматривать в качестве темпов экономического развития, которые присущи эволюционной модели экономической системы (рис. 3).
4. Темпы экономического развития любой из мировых стран за конкретный временной промежуток являются подтверждением тенденций развития, которые вытекают непосредственно из характера самой эволюционной модели [9].
5. Статистические показатели стран, находящихся на тех или иных этапах экономического развития, являются подтверждением наличия стадий «жизненного цикла» в развитии эволюционно-экономических систем.

Часть 2.

Расширенное воспроизводство

За основу при анализе эволюционно-экономического развития в рамках расширенного воспроизводства необходимо использовать модель простого производства. При вводе отдельных факторов можно наглядно проследить то, как ведет себя модель в условиях расширенного воспроизводства.

2.1. Характеристики модели развития в условиях расширенного воспроизводства

1. В условиях расширенного воспроизводства необходимо исходить из возрастания потенциала каждого последующего витка спирали. В данном

случае действует прирост потенциала, который выражается формулой 2.1.

$$W_{\text{потенциал нововитка}} = W_{\text{потенциал старовитка}} + \Delta W_{\text{одновитковый приростпотенциала}} \quad (2.1.)$$

ΔW — одновитковый рост экономического потенциала, порождающий рост размеров системы. С точки зрения графической интерпретации — рост диаметра траектории витка.

В основе вышеназванного показателя лежит механизм расширенного воспроизводства, который рассчитывается по формуле: Д-Т-Д'.

2. Расширение системы с теоретической точки зрения и графические параметры системы возможно будут увеличиваться до размеров с заранее заданными исследователями предельными условиями. Графическое возрастание параметров модели зависит от внешних и внутренних свойств анализируемых систем.
3. На практике прирост потенциала (W) вызывает разрастание экономической системы, и, как следствие, расширение анализируемой модели развития. В свою очередь, неравномерное развитие прироста потенциала (W) или его недостаток вызывают макроэкономическую нестабильность в экономике.

2.2. Эволюционно-экономическая модель развития в рамках расширенного воспроизводства

Сложность и широта рассматриваемой области исследования не позволяют в ограниченных рамках настоящей статьи детально проанализировать все особенности эволюционно-экономической модели развития в условиях расширенного воспроизводства, поэтому рассмотрим здесь лишь отдельные ее аспекты.

1. Реальный рост, в основе которого лежит увеличение объемов факторов производства, выработанного продукта, рост народонаселения и др., можно выразить с помощью формулы: Д-Т-Д'. Реальный рост в графической интерпретации можно рассматривать в виде увеличения размеров системы, в частности, диаметра спирали. На графике это проявляется в расширении «наружу» наклона траектории кривой «f», обозначающей темпы экономического роста.
2. В то же время вышеназванный рост одновременно сопровождается естественными процессами сокращения, рассмотренными в рамках простого производства. Важно отметить, что существуют и другие объективные причины, которые способствуют сжатию экономики.

Из вышесказанного следует, что экономическая система (а, соответственно, и модель эволюционного развития) то расширяется (под действием возрастающих факторов производства), то сужается (под действием естественных процессов развития в рамках простого производства). Указанный процесс одновременного расширения-сужения обеспечивает реализацию макроэкономического равновесия. Соотношение тенденций расширения и его сужения (сокращения) позволяет на первоначальном этапе составить реальную картину макроэкономического равновесия, а в дальнейшем — картину процесса эволюции всей системы расширенного производства.

3. Процесс расширения-сужения присущ, как правило, каждой стадии эволюционного развития экономической системы (рис. 3). При этом каждая стадия развития обладает своими индивидуальными особенностями. Так, например, стадии II (стадия становления) будут соответствовать недостаточно тесные экономические отношения, которые графически выражаются в слабой взаимосвязи внутренних витков спирали. Так как на этом этапе диспропорции из-за недостаточной развитости производства и слабости связей между звеньями не обязательно должны распространяться на всю систему, то и нарушения экономического равновесия не всегда приводят к катастрофическим результатам. Вместе с тем, уже на стадии III (существования) большое количество производственных связей определяет глубокую взаимозависимость экономической системы, что часто порождает достаточно сильные и разрушительные нарушения макроэкономического равновесия.
4. Полагаем, что поскольку исходные факторы расширенного производства физически ограничены, то в последующем процесс расширенного воспроизводства возможно моделировать на принципах функционирования простого производства.
5. Исходя из того, что для зарождения экономической системы (стадия I) необходим конкретный набор факторов производства, для реализации таких факторов необходимо расширить состав стадий, выделив дополнительно еще одну стадию — «обеспечивающую».

2.3. «Обеспечивающая стадия» в эволюционном развитии экономической системы (I-я, II-я...n-я итерации, рис. 4)

1. Момент начала экономического развития (t_0) не равен нулю, поскольку начинается с заранее созданных производственных возможностей.
2. Условия начала функционирования эволюционно-экономической системы развития зависят

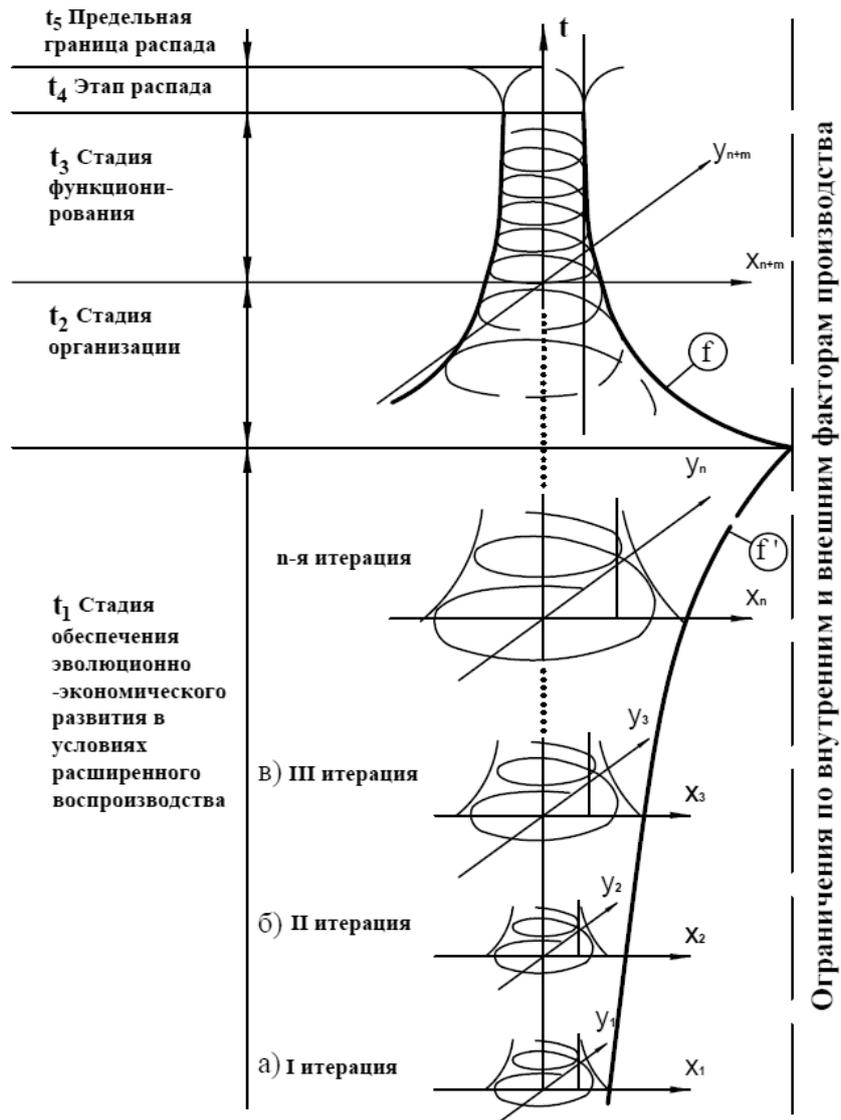

Рис. 4. Схема интегрированного варианта модели эволюционно-экономического развития в условиях расширенного воспроизводства

от внутренних и внешних благоприятных условий.

3. Изначально в экономической системе должны иметься предпосылки, например, в виде оптимального соотношения факторов производства, которые в графической интерпретации необходимо рассматривать в качестве исходных образований, которые движутся в расширяющейся спирали (рис. 4). В пределах системы формируется не только «виртуальное тело спирали», но и боковая наклонная — «f», отображающая графически темпы экономического роста.

Рост кривой — «f» (темпы роста) осуществляется до конкретного предела, который формируется внешни-

ми ограничителями (природные, социальные, политические и пр.), а также внутренними критериями (детерминируемые факторы производства).

4. В момент времени — «t₂» начинает осуществляться развитие экономической системы. Мы полагаем, что впоследствии старт такого развития может описываться в приближенном виде эволюционно-экономической моделью простого производства из-за конечной истощенности факторов производства.
5. То, насколько активным будет начало старта, зависит от соотношения внутренних и внешних условий. Так, в зависимости от причины старта эволюционно-экономического развития опре-

деляются характер и темпы стартовой и последующих стадий развития экономической системы. Важно отметить, что в некоторых случаях может происходить даже эволюционный регресс.

6. Для того, чтобы создать обоснованные предпосылки для активного эволюционного развития, необходимо время.
7. Проанализированная в настоящем разделе обеспечивающая стадия имеет свои элементы развития.

2.4. Интегрированная модель эволюционного развития экономических систем (рис. 4)

Поскольку исследуемый нами объект достаточно сложный и обширный, в рамках настоящей статьи проанализируем в первую очередь только касательную — «f-f'» в рамках предлагаемой модели эволюционного развития.

1. Рост объемов общественного производства имеет свои пределы, которые ограничены внешними (естественными и природными) параметрами и внутренними критериями (факторы производства (труд, капитал и др.)).

Исходя из вышесказанного, сделаем вывод, что графическая модель эволюционно-экономического развития характеризуется наличием пределов своего расширения по осям: Ох-Оу-От.

2. В случае, если процесс естественного роста и развития экономической системы в условиях расширенного воспроизводства стабилизировался по причине конечной исчерпанности факторов производства, а также и-за невозобновляемости природных ресурсов, для моделирования экономической системы допустимо использовать простейший вариант модели — «простое производство».
3. Консолидированная система, которая включает в себя обеспечивающую стадию и эволюционную модель простого производства, может рассматриваться в качестве интегрированного варианта модели эволюционного развития экономических систем в условиях расширенного воспроизводства (рис. 4). Вид огибающей кривой «f-f'» анализируется в перспективе. На практике форма и кривизна касательной «f'» может принимать иной характер и отличаться от теоретической формы. Так как математическое исследование кривой «f-f'» требует дополнительных специальных разработок, то в настоящий момент (рис. 4) мы дадим лишь направления её развития.

2.5. Прикладные аспекты модели эволюционно-экономического развития на примере советской экономики в период начиная с 1945 года и до распада Советского Союза (рис. 5)

Экономическое развитие России в различные исторические периоды осуществлялось различными темпами [10]. Так, в 50-е годы прошлого века пятилетки в СССР характеризовались высокими темпами экономического развития. Однако в начале 70-х годов прошлого века темпы экономического роста начали замедляться, а уже 80-е годы стали «застойными годами» советской экономики за счет стремящихся к минимуму темпов экономического роста. Завершил стагнацию экономики в 1991 распад СССР. Анализ графика темпов роста экономики СССР в период 1947–1991 гг., проведенный на основании статистических источников [9], позволил сделать следующие выводы (рис. 5):

1. Предвестником стадии обеспечения в развитии экономической системы является период 1945–1950 г.г.
2. Стадия обеспечения наблюдается в период с 1950–1960-е годы. Такая стадия сама по себе создает базу для развития эволюционно-экономической системы и характеризуется только абсолютным ростом промышленного производства. На основе вышеописанного развития в СССР была даже выдвинута цель — к 1980-м годам построить основы коммунизма. Однако ввиду того, что темпы роста расти перестали (вопреки планам российских экономических школ), пришлось видоизменять цели общества.
3. Стартовое начало (I стадия), согласно предлагаемой теории, необходимо относить к началу 60-х годов прошлого века. Одновременно с ним в развитии этапа «зарождения» могут быть такие внутренние и внешние причины, как: политическая ситуация, организационные факторы, технико-технологическая, энергетическая составляющая, последствия военных конфликтов и т.д. Также необходимо иметь ввиду относительное наличие неизменно-постоянных внешних условий.
4. Стадия становления (II стадия) — это стадия с высокими, но падающими темпами экономического роста, начиная с середины 1960-х годов, даже несмотря на то, что на данном этапе продолжается широкомасштабное и системное освоение факторов производства (в том числе привлечение рабочей силы из села и т.д.).
5. Этап существования (III стадия), который начался в 70-х годах прошлого века, характеризовался достаточно невысокими экономическими показателями, а в дальнейшем — системным падением темпов экономического роста.

Рис. 5. График темпов роста экономики СССР в период 1947–1991 гг.

Таким образом, первоначально достаточные темпы экономического роста (II стадия), начинают заметно уменьшаться, переходя в стадию «существование» (III стадия). Замедление темпов экономического роста можно объяснить как объективной тенденцией, которая проистекает из объективных законов эволюционно-экономического развития, так и особенностями экономической системы, существовавшей в СССР, сопровождающейся относительной изолированностью СССР от других мировых стран, низкой производительностью, слабыми темпами внедрения достижений научно-технического прогресса, слишком высокими бюджетными затратами страны и др. Необходимо также отметить слишком короткий период стадии существования страны, если сравнивать СССР с другими государствами.

- б. Распад Советского Союза в 1991 году согласуется с объективными зависимостями, которые описываются моделью эволюционно-экономического развития (стадия IV, стадия V). Ввиду того, что на настоящий момент пока не разработана теория распада эволюционно-экономических систем, то это является предметом будущих научных исследований.

Важно отметить, что границы, которые соответствуют стадиям жизненного цикла системы, носят относительный характер.

Определенное несоответствие теоретических и фактических параметров, характеризующих эволюционно-экономическую модель расширенного воспроизводства, можно объяснить плохо изученными внешними и внутренними причинами (рис. 5):

Полагаем, что в дальнейшем необходимо скрупулезно сформировать и систематизировать весь перечень

причин и факторов, которые максимально влияют на теоретическую форму эволюционно-экономической модели расширенного воспроизводства, а также ее практическую реализацию.

Основные результаты исследования

В результате исследования формируется концептуальное представление о целостной модели эволюционного развития экономических систем. Разработанная модель отражает экономическую область человеческой деятельности, которая имеет предельные границы своего начала и завершения, рассматриваемую с системной, глобально-кибернетической стороны и позволяющую математически моделировать экономическую систему в целом.

Отдельные исследования по данной теме уже были опубликованы ранее [14]. Однако мы полагаем, что разрабатываемое в настоящей статье научное направление представляет собой составную часть единой теории экономических систем. Поэтому здесь уместно отметить разработки современных исследователей, например, видного ученого-экономиста Клейнера Г.Б. о единой теории экономических систем [15]. Такое понимание позволяет рассматривать эволюционное развитие экономических систем как целостные образования, имеющие свое начало и завершение.

В рамках сформулированной целостной эволюционно-экономической модели можно выделять и классифицировать законы, зависимости, соответствующие как системе целиком, так и отдельным этапам ее эволюционно-экономического развития. Конкретными итогами работы считаем следующее:

1. Обоснование и формулировка концептуальной целостной модели эволюционного развития экономических систем.

2. Теоретико-методологическое обоснование объективных тенденций эволюционно-экономического развития целостных систем.
3. Выделение стадий жизненного цикла эволюционного развития экономических систем, включая обеспечивающую стадию, условное зарождение, становление, функционирование, распад и конечную границу распада.
4. Теоретическое обоснование тенденций темпов роста производства, которое произведено в соответствии со стадиями эволюционно-экономического развития.
5. Разработанная модель создает концептуальную основу для понимания и моделирования эволюционно-экономических систем как целостных образований, которая позволяет прогнозировать экономическое развитие, а также более эффективно управлять социально-экономическими процессами и др.
6. Для обслуживания целостной эволюционно-экономической модели общественного развития необходима соответствующая теория, а также область научного знания, включающая самостоятельные виды экономической науки согласно стадиям эволюционного цикла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. — М., 1982.
2. Шумпетер Й. Теория экономического развития. — М.: Прогресс, 1982.
3. Леонтьев В. В. Экономика затрат-выпуска. — М., 1966.
4. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. — М.: Экономика, 2002.
5. Маевский В. И. Введение в эволюционную экономику. — М.: Япония сегодня, 1997.
6. Клейнер Г. Б. Институциональные факторы долговременного экономического роста // Экономическая наука современной России. — 2000. — № 1. — С. 5–20.
7. Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Рук. Авт. колл. Д. С. Львов / Отдел экономики РАН. — М.: Изд. Экономика, 1999.
8. Титов П. М. Общая теоретическая экономика. — М., Екатеринбург: Калан, 2011.
9. Мартишин Е. М. Эволюционные механизмы экономической системы. — Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2015.
10. См. напр.: Ленин В. И. ПСС, т. 29, стр. 322 «Философские тетради», Диалектика, Изд. 5е. — М., 1969.
11. Meadows D.H., Meadows D. L., Randers J., «The limits to growth» N.V., 1972, p.11–14.
12. Народное хозяйство СССР. Статистические сборники. — М.: Финансы и статистика, 1945–1990.
13. Шепелин Г.И. «Особенности моделирования общественного развития». — М.: Изд. Sokolov & Fedorov, 1993.
14. Шепелин Г.И. Спираль развития как основа эволюционной экономики. — М.: Альтаир, 2016.
15. Шепелин Г. И. Эволюционная модель целостной финансовой системы. Принципы математического моделирования // Финансы: теория и практика. — 2018. — Т. 22. — № 2 (104). — С. 134–147.
16. Клейнер Г. Б. Новое направление в экономической науке: на пути к единой теории экономических систем // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2008. — Т. 100. — С. 175–202.

© Шепелин Геннадий Ильич (line75@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

FEATURES OF CRISIS MANAGEMENT IN AGRICULTURE

T. Gasiev

Summary. The article is devoted to the consideration of the features of crisis management in agriculture. In the process of research, specific features are identified that influence the list of functions and methods of managing enterprises of the agro-industrial complex in conditions of instability. Separate emphasis was placed on the public and private components of crisis management, highlighted methods, forms and tools of influence.

Keywords: agriculture, crisis, management, support..

Гасиев Тимур Хаджимуратович

*Аспирант, Московский Государственный
Университет Прикладной Биотехнологии
timurgasiev@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей антикризисного управления в сельском хозяйстве. В процессе исследования обозначены специфические черты, которые влияют на перечень функций и методов управления предприятиями АПК в условиях нестабильности. Отдельный акцент сделан на государственной и частной составляющей антикризисного управления, выделены методы, формы и инструменты воздействия.

Ключевые слова: сельское хозяйство, кризис, управление, поддержка.

В конце 2000-х годов возник и стремительно распространился мировой финансово-экономический кризис, который под влиянием активизации глобализационных процессов глубоко проник и охватил экономики многих стран мира, как развитых, так и развивающихся, и побудил к обострению устаревших опасностей и кризисных явлений, а также возникновению новых вызовов и новых проблем [1].

В данном контексте особенно повышается роль антикризисного управления, позволяющего вывести экономическую систему из кризиса, локализовать опасности, уменьшить риски и минимизировать возможные негативные последствия и потери, как на макро, так и на микроуровне.

Указанные проблемы являются очень чувствительными и значимыми для сельского хозяйства. Поскольку вопрос эффективного антикризисного управления как в отдельно взятом хозяйстве, так и в АПК страны в целом, значительно усложняется в условиях турбулентности и неопределенности на рынке, следствием которых является нестабильная конъюнктура аграрного производства и диспаритет цен, денежный «голод» и кризис неплатежей, жесткая фискальная политика по отношению к предпринимательству, низкий уровень дотаций для поддержки сельского хозяйства и т.д. [2].

Очевидно, что в таких условиях, для которых характерными являются не только временные трудности в деятельности большинства сельскохозяйственных предприятий, но и состояние глубокого непреодоли-

мого кризиса, обычные инструменты менеджмента уже не работают.

Механизмы антикризисного управления аграрными предприятиями, в большинстве случаев, базируются на общеизвестных подходах, однако их основным недостатком является то, что они не позволяют учитывать специфику деятельности и особенности данной сферы хозяйствования. Как показывают исследования, довольно большое количество с/х предприятий вообще не разрабатывают систему антикризисных мер, что приводит к периодическим потерям собственных экономических выгод, а это, в свою очередь, отражается как на конечном результате хозяйственной деятельности субъекта хозяйствования, так и на эффективности функционирования национального продовольственного рынка в целом. С другой стороны, ситуацию усугубляет отсутствие обоснованных направлений государственной политики в аграрном секторе национальной экономики.

Антикризисное управление нацелено на обеспечение адаптации деятельности предприятия к постоянно меняющимся условиям внешней среды, а также на извлечение выгод из новых возможностей [3]. При этом ключевым концептом при использовании данной парадигмы менеджмента является отказ от неперспективных направлений деятельности и определение наиболее выгодных векторов развития предприятия, способных обеспечить его прибыльное функционирование и процветание. Эффективное антикризисное управление позволяет предприятию стабильно развиваться, не допуская при этом вероятности его ликвидации.

Исходя из этого, актуальной проблемой на сегодняшний день является поиск и внедрение в широкую практику таких форм и методов управления в сельском хозяйстве, использование которых позволило бы не доводить дело до кризисного состояния и способствовало бы подготовке и реализации программы эффективно противостояния вызовам нестабильного рынка.

Итак, широта и неоднозначность различных аспектов исследуемой проблематики, значимость ее в концепции устойчивого развития сельского хозяйства любой страны на современном этапе определили выбор темы данной статьи.

Научные основы, направленные на объяснение возникновения и течения кризисных явлений в функционировании и развитии социально-экономических систем различных экономических уровней, которые создают теоретические основы формирования систем и механизмов антикризисного управления, исследовались в классических работах мировой научной мысли: Дж. М. Кейнса, М. Д. Кондратьева, М. Фридмана, Й. Шумпетера и в современных работах отечественных ученых: И. А. Александрова, В. Бодрова, Н. А. Кизима, А. Н. Ковалюка, В. И. Кошкиной и др.

Высоко оценивая имеющиеся наработки и достижения, необходимо отметить, что отдельные аспекты антикризисного управления предприятием, особенно с учетом специфики влияния негативных последствий глобализационных процессов, остались мало изученными, а, следовательно, не получили дальнейшего развития механизмы противодействия кризисным явлениям, инструменты их смягчения и предотвращения повторения с привлечением методов и средств государственно-го и корпоративного управления.

С учетом указанного, в современных условиях хозяйствования необходимо дальше развивать функции, стратегии и направления антикризисного управления предприятиями агропромышленного комплекса. Также отдельно следует анализировать методологические аспекты и концептуальные подходы к антикризисному управлению предприятиями сельского хозяйства.

Таким образом, цель статьи заключается в определении особенностей антикризисного управления в сельском хозяйстве.

Специфические черты сельскохозяйственного производства (зависимость от природно-климатических условий, длительность финансового и производственного циклов, сезонность в создании запасов и осуществлении расходов, незавершенность кругооборота части активов) определяют его менее благоприятное

положение, по сравнению с другими отраслями экономики, и характеризуют данный сектор народного хозяйства, как рискованное производство, что негативно отражается на процессах управления агропромышленными предприятиями [4]. Указанные особенности определяют важное значение эффективного функционирования финансово-кредитной инфраструктуры, которая призвана обеспечивать создание условий для постоянного финансирования с/х производства и социальной сферы села, предоставление бюджетных и заемных средств для их развития в системе хозяйственного механизма АПК.

Таким образом, можно отметить, что антикризисное управление в сельском хозяйстве имеет свою специфику по сравнению с производственными предприятиями.

По мнению автора, под антикризисным управлением в сельском хозяйстве следует понимать набор рычагов, методов и инструментов, нацеленных на недопущение проявления кризисных явлений и создание условий для развития АПК, как важного составляющего механизма обеспечения продовольственной, экономической и инновационной составляющих национальной безопасности.

С учетом указанного, можно утверждать, что главной особенностью антикризисного управления на сельскохозяйственных предприятиях является встречный характер антикризисного управления на самом субъекте хозяйствования и антикризисного государственного регулирования на макро- и мезоуровне, которое выражается в разработке целевых программ, формировании правовой базы, бюджетной кредитной, страховой, налоговой системы, системы государственной поддержки производителей, что обеспечивает условия не только для выхода из кризиса предприятиям агропромышленного комплекса, но и для их роста.

На уровне государства можно выделить следующие основные направления антикризисного управления в сельском хозяйстве:

- ♦ развитие системы прогнозирования и сбалансирование платежеспособного спроса населения и предложения на продовольственном рынке;
- ♦ усовершенствование деятельности аграрных фондов и бирж с развитием их инфраструктуры и созданием государственных продовольственных и финансовых резервов в объемах, которые необходимы для гарантированного обеспечения стабильного функционирования аграрного рынка;
- ♦ оперативное использование финансовых и товарных интервенций на определенные виды продукции в случае их дефицита на аграрном рынке;

Таблица 1. Механизмы экономического оздоровления предприятий с/х

Внешние механизмы	Внутренние механизмы
1. Лизинг и факторинг для привлечения основных средств производства 2. Привлечение кредитов и займов 3. Привлечение инвесторов в состав участников предприятия 4. Выпуск акций в результате процедур реорганизации 5. Увеличение финансирования отрасли	1. Создание эффективной системы управления предприятием 2. Полное использование производственных мощностей предприятия 3. Разведение продуктивных пород животных и выращивание высокоурожайных зерновых культур 4. Внедрение ресурсосберегающих технологий 5. Рост качества и конкурентоспособности продукции 6. Поиск новых покупателей, налаживание устойчивых каналов сбыта продукции на рынке.

- ◆ ежегодное обоснование минимальных и максимальных цен для эффективного проведения интервенций с учетом инфляции и индексов цен;
- ◆ создание системы государственного мониторинга аграрного рынка с целью оперативного принятия решений по вопросам принятия мер, касающихся его регулирования и создания условий для свободного доступа всех участников к информации [5];
- ◆ улучшение механизма государственной поддержки производства основных видов сельскохозяйственной продукции для обеспечения продовольственной безопасности страны;
- ◆ Введение экспертной оценки будущего урожая с применением современной техники и технологических исследований и расчетов;
- ◆ расширение статистической отчетности для проведения достоверной оценки емкости внутреннего аграрного рынка и экспортного потенциала.

На уровне агропредприятия или интеграционного формирования антикризисное управление включает в себя совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых, объединенных в едином хозяйственном цикле, организационно — производственных структур, которые осуществляют функции менеджмента и маркетинга на основе заранее разработанной программы развития хозяйства, с учетом оптимальной иерархичности горизонтальных и вертикальных связей в управляющих звеньях, обеспечивающих достижение стратегических целей развития предприятия [6].

По мнению автора, основой антикризисного управления предприятий агропромышленного комплекса является процесс, который динамично развивается, и характеризует переход на новый качественный уровень на основе экономического роста под влиянием факторов внешней и внутренней среды. В данном случае, представляется, что для эффективного проведения антикризисных мер предприятиям сельскохозяйственной отрасли целесообразно использовать механизмы

оздоровления. В таблице 1 предложен перечень данных механизмов.

Еще одной мерой, без которой, по мнению автора, невозможно проведение антикризисного управления является создание эффективной информационной системы, позволяющей оперативно предоставлять прогнозные данные о состоянии рынка АПК, выявлять внутренние и внешние угрозы устойчивого развития.

Таким образом, подводя итоги, отметим, что эффективная реализация антикризисного управления в сельском хозяйстве возможна в условиях синергетического единства внешних и внутренних механизмов оздоровления, а также вследствие создания эффективной информационной системы.

Можем отметить, что для успешного внедрения антикризисного управления в деятельность сельскохозяйственных товаропроизводителей важно, наряду с осознанием его необходимости и соответствующим ресурсным обеспечением, решить ряд других существенно значимых вопросов:

1. Улучшить качество информации для своевременного и полного обеспечения всех этапов принятия решений по преодолению кризисной ситуации.
2. Повысить способность менеджмента предвидеть и быстро реагировать на появление признаков кризиса. Неожиданность кризиса и негативный характер его последствий требуют от управленческого контура неотложного анализа информации. Любые проявления кризисной ситуации должны быть своевременно замечены, немедленно рассмотрены и учтены.
3. Осуществлять стратегическое планирование, которое в условиях динамично изменяющейся среды, является важнейшим фактором устойчивости и развития предприятия. Выбор эффективной стратегии должен осуществляться в соответствии с внутренними параметрами предприятия,

его положением на рынке и с учетом динамики внешней среды в целом.

4. Предвидеть объем и периодичность расходов на осуществление антикризисных мероприятий при формировании бюджета и финансового плана сельскохозяйственных предприятий.
5. Работа в направлении предупреждения и преодоления кризиса требует напряженной деятельности и участия значительного количества сотрудников всех уровней управления и является

сложной задачей для руководства. Поэтому использование в кризисных ситуациях знаний, умений и опыта специальных менеджеров относится к важным факторам успеха преодоления кризиса.

6. Осуществлять профилактику кризисных ситуаций по следующим направлениям: финансово-хозяйственная деятельность; качество управления предприятием; инновационная активность; мониторинг внешней и внутренней среды предприятия, критерии принятия решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сулумов С.Х., Ильясова К.Х. Механизмы антикризисного управления предприятия АПК // ФГУ Science. — 2018. — № 2(12). — С. 162–165.
2. Зубарев И.С. Антикризисное управление предприятиями сельского хозяйства // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2018. — № 7. — С. 51–54.
3. Лысенко О.И., Северин В.М. Управление сельскохозяйственным предприятием в условиях кризиса // Аллея науки. — 2018. — № 9. — С. 475–478.
4. Адуков Р.Х. Государственное управление должно обеспечивать полноценную реализацию потенциала села // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. — 2018. — № 7. — С. 183–189.
5. Бураева Е.В. Государственная поддержка регионального АПК: необходимость и основные направления // Аграрная Россия. — 2019. — № 3. — С. 35–40.
6. Farm Management In Peasant Agriculture / Michael Porter Collinson. CRC Press, 2019. — 298 p.

© Гасиев Тимур Хаджимуратович (timurgasiev@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский Государственный Университет Прикладной Биотехнологии

ОПТИМИЗАЦИЯ ПОДХОДА К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ СВОЙСТВ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВА КОСМЕТИЧЕСКИХ СОЛЕЙ ДЛЯ ВАНН

OPTIMIZATION OF AN APPROACH TO DEFINE CONSUMER PROPERTIES AND QUALITY INDICATORS OF COSMETIC SALTS FOR BATHING

**O. Gorjunjva
S. Zolotova
E. Vodorezova**

Summary. Current standard requirements for the quality of cosmetic salts for bathing do not fully reflect the expectations of consumers. Such properties as the intensity and nature of the smell of the salt in the package, the saturation of colour and smell of the salt solution, the presence of sufficiently large crystalline fractions of salt, making its complete dissolution difficult for some time — all of this leads to a decrease of quality and consumer properties. All these things certainly also affect consumer preferences, but they are not included in the current standards. In this article proposals are made to expand the nomenclature of quality indicators of salts for bathing, as well as proposed and tested possible methods of their determination.

Keywords: cosmetic products for bathing, cosmetic salts, salt solutions, consumer properties and quality indicators, colour saturation, odor intensity, inclusions of natural origin, dispersed composition .

Горюнова Ольга Борисовна

*К.т.н., доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
goryunova-olga@yandex.ru*

Золотова Светлана Валентиновна

*К.т.н., доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
goldoni@yandex.ru*

Водорезова Екатерина Сергеевна

*Ассистент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Lab447@yandex.ru*

Аннотация. Принятые в настоящее время стандартные требования к качеству косметических солей для принятия ванн не в полной мере отражают ожидания потребителей. Такие свойства как интенсивность и характер запаха соли в упаковке; насыщенность цвета и запаха солевого раствора, приготовленного для принятия ванны; наличие достаточно крупных кристаллических фракций в составе соли, затрудняющих ее полную растворимость в течении определенного времени, — все это приводит к снижению качества и потребительских свойств и, безусловно, влияет на потребительские предпочтения, но в действующие стандарты не включено. В работе на основе анализа стандартных требований к косметической продукции для принятия ванн формулируются предложения по расширению номенклатуры показателей качества солей для ванн, а также предлагаются и апробируются возможные методики их определения.

Ключевые слова: косметическая продукция для принятия ванн, соли косметические, солевые растворы, потребительские свойства и показатели качества, насыщенность цвета, интенсивность запаха, включения природного происхождения, дисперсный состав.

Современная практика оценки качества косметических солей для ванн. Введение в проблему

Сегодня на парфюмерно-косметическом (далее ПК) рынке в сегменте средств ухода за кожей в широком ассортименте представлены косметические соли для ванн, представляющие собой природные океанические или морские соли, которые могут содержать биологически активные вещества (в том числе экстракты растений и эфирные масла), красители, отдушки, поверхностно-активные вещества (ПАВ) и другие добавки, обеспечивающие их потребительские свойства [1].

Основное отличие косметических солей от лечебных обусловлено их функциональным назначением. Лечебные

соли реализуются главным образом через аптеки и используются для профилактики и лечения различных заболеваний. Косметические соли предназначены для ухода за кожей и могут оказывать на нее очищающее, тонизирующее, омолаживающее и регенерирующее воздействие; принятие ванн с косметическими солями способствует общему расслаблению, созданию хорошего настроения, укреплению иммунитета, ароматизации кожи [2].

Природная соль не имеет запаха. Косметические соли ароматизируют за счет введения ароматических эссенций, эфирных масел или парфюмерных отдушек, которые в составе обозначаются словом Parfum. Основу современного ассортимента составляют соли с натуральными цветочными ароматами (роза, жасмин, ландыш, лаванда, цветочный букет); фруктово-ягодными

Таблица 1. Показатели качества косметических солей для ванн [8]

Наименование показателя	Характеристика показателя
Внешний вид	Однородная кристаллическая масса без посторонних включений
Цвет	Свойственный цвету изделия данного наименования
Запах	Свойственный запаху изделия данного наименования
Водородный показатель pH	4,5–9,0

(зеленое яблоко, персик, лимон, апельсин, виноград, малина и др.), с морскими и свежими ароматами, с «зелеными» — травяными ароматами. Также популярны так называемые съедобные или гурманские ароматы (ванильно-сливочные или шоколадно-ванильные); и фантазийные, например, парфюмерные композиции с сандалом [3].

В отличие от лечебных, косметические соли для ванн окрашивают в различные цвета: розовый, зеленый, голубой, фиолетовый и другие. В маркировке применяемые красители обязательно указываются в соответствии с международными требованиями, например, CI 19140, CI 14720, CI 42090 [4].

Для потребителей особое значение в ассортименте солей имеет форма выпуска. По внешнему виду косметические соли для ванн представляют собой смесь кристаллов, порошок, гранулы, могут быть изготовлены в виде таблеток, фигурок, шариков и бомбочек (в том числе «шипучих»). Кристаллы природной соли различаются по форме, размеру и массе. Как правило, кристаллы косметической соли, из одной упаковки (баночки, пакета и др.), как и пищевой поваренной соли, можно разделить на несколько фракций (две и более: мелкие, средние и крупные кристаллы) [5, 6]. Порошок соли состоит из однородной, мелкодисперсной массы. Гранулированная соль (в том числе и микрогранулированная) представляет собой шарики одинакового диаметра.

Косметические соли представлены продукцией различных ценовых категорий. Основу составляют соли для домашнего применения в основной категории масс-маркет; премиальная продукция представлена, преимущественно, профессиональной продукцией, например, для проведения SPA — процедур [7].

Качество косметических солей должно соответствовать требованиям ГОСТ 32851–2014 (табл. 1).

Как видно из таблицы 1, стандартные требования к качеству косметических солей для ванн включают всего 4 показателя. Три из них относятся к соли в твердом состоянии и характеризуют ее органолептические свойства и один — к приготовленному солевому раствору. Последний показатель (водородный показатель pH), ко-

торый определяется в растворе соли, является не только показателем качества, но и показателем безопасности. Он введен в требования ТР ТС 009/2011 «О безопасности парфюмерно-косметической продукции» [10].

Однако, этих показателей недостаточно при определении потребительских свойств косметических солей для ванн и выявлении потребительских предпочтений при их покупке. Функциональные свойства продукта и соответственно степень удовлетворенности потребителей, в первую очередь, будут зависеть от правильности приготовления солевого раствора. Именно характеристики солевого раствора, по мнению авторов статьи, и являются определяющими качество и безопасность косметических солей.

Для получения раствора из косметической соли со свойствами, заявленными производителем, продукт должен в течение определенного времени достаточно легко растворяться в определенном количестве воды, без солевого остатка из кристаллов и природных включений.

Кроме того, сегодня в отрасли большое значение отводится разработкам парфюмерных отдушек для косметической продукции. С этой точки зрения, запах соли и ее раствора должен соответствовать современным модным тенденциям и предпочтениям мужской и женской аудитории потребителей в ароматах данных средств. Особое значение имеет подбор ароматов для детского ассортимента солей для ванн. Запах не должен быть слишком интенсивным или навязчивым, не должен раздражать потребителя, который принимает солевую ванну в среднем в течении 15–20 минут (исходя из маркировки косметических солей рекомендуемое время принятия ванны до 30 минут). Запах не должен оставаться на коже на длительное время.

Тоже относится и к цвету солевого раствора. Он не должен быть насыщенным, чтобы не окрашивать кожу человека при принятии ванны и не окрашивать внутренние стенки самой ванны (дополнительный уход за ванной и дополнительные расходы).

Из всего выше сказанного следует, что требования к качеству косметических солей необходимо оптими-

Таблица 2. Характеристика объектов исследования

№	Наименование	Назначение	Состав (из маркировки)	Особенности упаковки
1	Соль для ванн «Рецепты бабушки Агафьи»	Успокаивающая	Морская соль, экстракт сосновой живицы, парфюмерная композиция.	Пластмассовая банка с крышкой, 800 г
2	Соль для ванн «Aroma Resort»	Расслабляющая	Сульфат натрия, розовая вода, масло авокадо, сок апельсина, сок персика, сок моркови, экстракт киви, экстракт плодов томата, глицин, кремний, BG, полусорбет-20, глицерин, вода, этанол, парфюмерная отдушка, краситель красный-227, краситель синий-1.	Одноразовая упаковка (саше), 40 г
3	Соль для ванн «Natura Siberica»	Омолаживающая	Морская соль, женьшень дальневосточный, софора японская, календула, мелисса, масло даурского шиповника, витамин Е, витамин С.	Пластмассовая банка с крышкой, 700 г
4	Соль для ванн «Organic shop»	Расслабляющая	Органическое масло розы, масло шиповника, морская соль, красная свекла.	Пластмассовая банка с крышкой, 250 г
5	Соль для ванн «ДИВА»	Релаксационная	Морская природная соль, натуральное эфирное масло, пищевой краситель.	Фигурный пластмассовый флакон с колпачком, 500 г
6	Соль для ванн «Аптечка Агафьи»	Для снятия усталости	Хлорид натрия, морская соль, лаурил сульфат натрия, лимонная кислота, CI 42051, CI 19140, CI 15985, CI 42090	Пластмассовая банка с крышкой, 600 г
7	Соль для ванны «SPA by LARA»	Расслабляющая	Морская соль, глицерин косметический, экстракт грейпфрута, CI 14720, CI 15985	Пластиковый флакон с колпачком, 600г
8	Соль для ванны «Каждый день»	Для снижения переутомления	Соль природная хлорид натрия, отдушка, CI 19140, CI 42090	Полимерный пакет, 500г
9	Соль для ванн «Соль древнего моря»	Лечебно-профилактическая, тонизирующая	Хлористый натрий, кальций-ион, магний-ион, сульфат-ион, калий ион и др.	Полимерный пакет, 1000 г

зировать за счет определения дополнительных показателей, которые являются основными при определении потребительских свойств косметических солей для ванн и главным образом влияют на потребительские предпочтения при выборе продукции покупателем.

Предлагаются к рассмотрению следующие показатели качества:

1. Степень и время растворения соли с учетом оставшегося нерастворенного солевого осадка;
2. Наличие/отсутствие в растворе примесей природного происхождения;
3. Интенсивность запаха солевого раствора;
4. насыщенность цвета солевого раствора.

Объекты и методы исследования

В качестве объектов исследования были взяты девять образцов солей для ванн разных производителей. Образцы № 1–8 — это косметические соли для ванн; образец № 9 — лечебно-профилактическая соль, взятая для сравнения. Характеристики исследуемых солей для ванн представлены в таблице 2.

Изучение кинетики растворения солей проводили на соляных растворах, приготовленных из взятых для

исследования объектов, следующим образом. В 150 мл воды растворяли 7 г (1 чайную ложку) соли при температуре 36–38 °С (температура стандартная, указывается на упаковке в рекомендациях для потребителей) и периодическом перемешивании стеклянной палочкой. Время и характер растворения солей определяли через: 2, 5, 10 и 15 минут.

После каждого режима растворения соли определялись следующие показатели:

1. Оставшееся количество нерастворенного солевого осадка;
2. Наличие в осадке примесей минерального происхождения;
3. Интенсивность окрашивания раствора соли.

Не растворившейся осадок соли выделялся фильтрованием. Для этого бумажный фильтр, предварительно взвешенный на электронных весах, размещали в стеклянной воронке и ее вставляли в горло стеклянной плоскодонной колбы объемом 150 мл. Аккуратно пользуясь стеклянной палочкой, небольшими порциями переливали содержимое стакана на фильтровальную бумагу, а затем собранный осадок на фильтре высушивали при комнатной температуре и взвешивали на электронных весах.

Таблица 3. Шкала интенсивности запахов косметических средств

Интенсивность запаха, балл	Характеристика запаха	Описание проявления запаха
1	Очень слабый запах	Запах практически отсутствует, нежный, легкий, приглушенный, спокойный, тонкий.
2	Слабый запах	Запах приятный, узнаваемый, нерезкий, расслабляющий.
3	Заметный запах	Запах, легко замечаемый и способный вызывать определенные отзвы. Легкий, ненавязчивый, приятный, яркий, запоминающийся.
4	Отчетливый запах	Запах, обращающий на себя внимание, вызывающий определенный отзыв. Слишком навязчивый, приторно-сладкий, душный.
5	Сильный запах	Запах слишком интенсивный, резкий, вызывает неприятные ощущения.

По количеству нерастворенного осадка судили о характере растворения исследуемых образцов.

Интенсивность цвета солевого раствора определялась органолептически в стеклянных тонкостенных стаканах, объемом 100 мл. А также по изменению цвета фильтра при определении кинетики растворения исследуемых образцов.

Для определения интенсивности запаха солевого раствора была использована специальная «Шкала интенсивности запахов косметических средств», разработанная авторами ранее [3] на основе шкалы интенсивности запаха пластмассовых игрушек, описанная в разделе 5.3.2 СанПиН 2.4.7.007–93. [9] и широко используемая нами для сравнительного анализа интенсивности запахов различных видов косметической продукции (табл. 3).

Интенсивность запаха солевого раствора определяли органолептическим методом непосредственно в растворе и нормировали в баллах в соответствии с описанием. Запахи косметической соли для ванн должны быть приятными и ненавязчивыми, иметь умеренную интенсивность аромата.

Высокая интенсивность аромата снижает не только общую потребительскую оценку качества соли, но и влияет на общее психологическое состояние человека, принимающего ванну в течение 15–30 минут, поэтому было принято, что запах косметической соли для ванн (как и многих видов ПК продукции) по интенсивности аромата должен быть заметным, но умеренным и характеризоваться от 1 до 3 баллов.

Обсуждение результатов оценки потребительских свойств

В результате изучения кинетики растворения солей для ванн установлено, что характер растворения исследуемых образцов практически одинаков, за исключением образца № 2.

При непосредственном контакте соли с теплой водой (36–38 °С) при постоянном медленном перемешивании стеклянной палочкой уже в первую минуту наблюдалось обесцвечивание кристаллов и окрашивание водного раствора соли. Последующее растворение уже практически прозрачных кристаллов в первые 2 минуты приводило к образованию мутного окрашенного солевого раствора и осадка из нерастворенных кристаллов на дне колбы. При этом раствор соли, содержащей в составе ПАВ, (обр. № 6) был более мутными (и с невысоким слоем пены), по сравнению с растворами солей, не содержащих ПАВ.

Масса солевого осадка (и размеры кристаллов соли) заметно уменьшались в процессе увеличения времени растворения до 5 мин. В растворах, полученных при растворении однородных мелкодисперсных солей, к этому времени осадок практически отсутствовал (образцы № 2, № 6 и № 7).

Растворение солей с многофракционным гранулометрическим составом кристаллов, в том числе с крупными кристаллами, следующие 10–15 минут, ожидаемо приводила к уменьшению осадка соли, определяемого на бумажных фильтрах после фильтрования раствора. Дольше всего растворялись соли многофракционного неоднородного состава, в которых присутствуют кристаллы размером до 10 мм и более (образцы № 3 и № 9), их растворение происходило на протяжении всего эксперимента, то есть в течение 15 минут.

Необходимо отметить, что помимо не растворившихся кристаллов в осадке соли (обр. № 9 и обр. № 3) присутствуют частицы включений природного происхождения (камешки и песок), которые освободились из кристаллов после их растворения (рис. 1, а и б). В растворе соли обр. № 6 присутствуют частички можжевельных шишек (рис. 1, в). Наличие таких включений, снижает потребительские свойства соли, так как они могут травмировать кожу человека, а также поцарапать внутреннюю поверхность ванны.

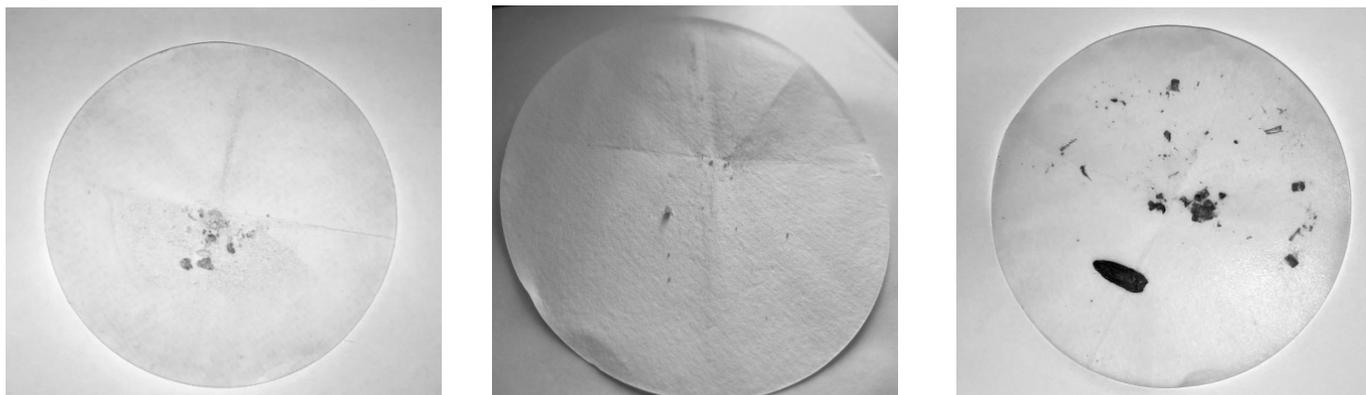

Рис. 1. Осадок на фильтре после растворения солей: справа на лево: образцы № 9; № 3; № 6

Рис. 2. Интенсивность цвета растворов после растворения в течении 5 мин и фильтрования (справа на лево: образцы № 2, № 8, № 6, № 7)

Таким образом, активное растворение всех солей происходит в течение первых 5-ти минут (особенно с однородным гранулометрическим составом), а далее идет «дорастворение» солей первоначально характеризующихся, как неоднородные соли с многофракционным кристаллическим составом (в т.ч. с крупными кристаллами размером 10 мм и более).

Для сравнительной оценки качества и потребительских свойств солей для ванн мы предлагаем ввести показатель «время растворения» и характеризовать его растворением 10 г соли в 100 мл воды, подогретой до 38 °С до полного растворения. А также показатель «степень растворения», который может быть охарактеризован отношением массы сухого нерастворимого остатка к 10 г соли после растворения в 100 мл воды, подогретой до 38 °С в течении 5 минут.

При растворении интенсивность цвета получаемого раствора может быть различной, но, как правило, цвет

раствора обычно менее интенсивен, чем цвет исходных кристаллов. На рисунке 2 представлены солевые растворы некоторых исследуемых солей для ванн. Из рисунка видно, что цвет раствора образца № 2 отличается высокой интенсивностью.

Самый насыщенный цвет имеет раствор соли обр. № 2, затем идут обр. № 5, № 8, № 6, № 1, № 3, № 4, № 7 и неокрашенный фильтрат — обр. № 9.

При фильтровании солевого раствора образец № 2 (соль «Арома resort») наблюдалось интенсивное окрашивание фильтров в розовый цвет. Изменение цвета фильтров (приобретение желтого оттенка) были отмечены также после фильтрования образца № 3. При фильтровании других образцов интенсивного окрашивания фильтров не наблюдалось.

Способность растворов окрашивать соприкасающиеся с ним поверхности приводит к снижению потреби-

Таблица 4. Результаты определения интенсивности запахов солей и их водных растворов

№	Интенсивность запаха соли, балл	Интенсивность запаха раствора, балл	Описание запаха раствора
1	3	2	Свежий хвойный запах; соответствует указанному в маркировке запаху сосновой живицы; приятный, запоминающийся.
2	3	2	Приятный, цветочный запах (лаванда); запоминающийся, не навязчивый.
3	4	3	Запах интенсивный цветочно-фруктовый; навязчивый, приторный.
4	5	5	Запах цветочный (роза); очень насыщенный, воспринимается как синтетический, слишком навязчивый, душный; вызывает неприятные ощущения.
5	4	3	Запах цветочный (весенний букет); интенсивный, немного навязчивый.
6	5	4	Интенсивный запах древесины хвойных деревьев с присутствием ноты смолы
7	3	2	Свежий цитрусовый с приятным ароматом грейфрута, что соответствует маркировочным данным
8	3	3	Запах свежий хвойный ненавязчивый
9	-	-	Запах отсутствует

тельских свойств, так как может оставить след на коже человека и на внутренних стенках ванны.

В таблице 4 представлены результаты по определению интенсивности запахов солей и их водных растворов.

Как видно из таблицы 4 образцы косметических солей № 1–8 имеют запахи от 3 до 5 баллов. Образец № 9 (соль лечебно-профилактическая) не имеет запаха, что соответствует стандартным требованиям к лечебно-профилактической продукции.

Интенсивность запахов солей в водных растворах снизилась и составила 2–3 балла, что соответствует принятой норме для косметических средств. Исключение составляет образец № 4, запах которого не изменился — он оставался навязчивым, приторно сладким с интенсивностью, оцененной в 5 баллов. Необходимо помнить, что процедура принятия ванны длится от 15 минут, и в течение всего времени интенсивный запах будет раздражать потребителя. Есть вероятность, что и после принятия ванны он будет некоторое время оставаться на коже, «преследовать» его.

Заключение

В результате проведения оценки качества описанных образцов (табл. 2) установлено, что все образцы соответствуют стандартным требованиям по показателям ГОСТ 32851–2014. Однако, введение дополнительных показателей, предлагаемых авторами, позволяет проранжировать образцы и сделать вывод, что наилучшими потребительскими свойствами характеризуется образец № 1, а образцы № 2 и № 4 имеют заметные недостатки.

Исходя из вышесказанного предлагается расширить номенклатуру показателей при определении уровня качества косметических солей для ванн следующими показателями: время до полного растворения соли, степень растворения соли (отсутствие солевого осадка из не растворившихся кристаллов и инородных включений природного происхождения); отсутствие в растворе окрашивающей способности и запах солевого раствора. Эти же показатели предлагается использовать и при оценке потребительских предпочтений данного вида продукции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паршикова В. Н.: Товароведение и экспертиза парфюмерно-косметических товаров: учебное пособие. / В. Н. Паршикова, О. Б. Горюнова, Т. И. Чалых. — Красноярск, 2010. — 405 с.
2. Евсеева С.Б., Сысуев Б. Б. Использование природных минеральных солей в современных косметических рецептурах: ассортимент продукции, характеристика сырья и особенности технологии. // Фармация и фармакология. — 2016. — Том.4 — № 2. — С. 4–25.
3. Горюнова О.Б., Морозова Е. В., Золотова С. В. Ароматы косметических гелей для душа и потребительские предпочтения при выборе продукции. // Товаровед продовольственных товаров. — 2016. — № 3. — С. 61–69.

4. Водорезова Е.С., Горюнова О. Б. Характеристика современного ассортимента и качества косметических солей для ванн. / Материалы круглого стола с международным участием «QUALITY AND SAFETY OF CONSUMER GOODS». — Экономический университет Варны, Болгария, 1 июня 2017. — С. 197–205.
5. Горюнова О.Б., Водорезова Е. С., Чалых Т. И. Влияние гранулометрического состава на качество и потребительские свойства косметических солей для ванн. / Сборник статей IV Международной конференции «Проблемы идентификации, качества и конкурентоспособности потребительских товаров» (2 декабря 2015 года) / Юго-Зап.гос.ун-т, ЗАО «Университетская книга», Курск, 2015. — С. 73–77.
6. ГОСТ 51574–2000 «Соль поваренная пищевая». — М., Госстандарт, 2000.
7. Золотова С.В., Горюнова О. Б. Критерии отнесения парфюмерно-косметической продукции к товарным категориям класса люкс и премиум. / Modern Economy Success. — 2017. — № 4. — С. 5–11.
8. ГОСТ 32851–2014. Продукция косметическая для принятия ванн. Общие технические условия. — М: Стандартинформ, 2015.
9. СанПиН 2.4.7.007–93. «Производство и реализация игр и игрушек» — М.: Госкомсанэпиднадзор РФ, 1993.
10. ТР ТС 009/2011. О безопасности парфюмерно-косметической продукции. — Утвержден решением Комиссии Таможенного союза от 23 сентября 2011 г. № 799.

© Горюнова Ольга Борисовна (goryunova-olga@yandex.ru),

Золотова Светлана Валентиновна (goldoni@yandex.ru), Водорезова Екатерина Сергеевна (Lab447@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

СРЕДСТВА СОБСТВЕННИКОВ КАК ИСТОЧНИК УЛУЧШЕНИЯ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМОВ

FUNDS OF OWNERS AS A SOURCE OF IMPROVEMENT OF LIVING CONDITIONS DURING THE OVERHAUL OF APARTMENT BUILDINGS

*N. Efimova
G. Gadzhigoriev*

Summary. this article describes a mechanism to improve the quality of living conditions of citizens, as the overhaul of the common property of apartment buildings. In the framework of the analysis of the structure of sources of coverage of capital repairs, the problem of building an effective financial mechanism for the sphere of housing and communal services in the provision of capital repairs of apartment buildings, in particular, sustainable financial support for the activities of regional operators of capital repairs.

Keywords: housing and communal services, capital repairs, apartment buildings, housing conditions, regional operator, system of capital repairs, housing.

Ефимова Нина Павловна

Д.э.н., профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Гаджигорев Гаджигоро Шахрутдинович

*Соискатель, Российский государственный социальный университет
gadji05@bk.ru*

Аннотация. в данной статье рассмотрен такой механизм повышения качества жилищных условий граждан, как проведение капитального ремонта общего имущества многоквартирных домов. В рамках анализа структуры источников покрытия расходов на капитальный ремонт рассмотрена проблема построения эффективного финансового механизма сферы жилищно-коммунального хозяйства при предоставлении услуги капитального ремонта многоквартирных домов, в частности устойчивое финансовое обеспечение деятельности региональных операторов капитального ремонта.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, капитальный ремонт, многоквартирные дома, жилищные условия, региональный оператор, система капитального ремонта, жилье.

Стратегической целью государственной жилищной политики продекларировано обеспечение доступности жилья для всех категорий граждан, а также соответствие объема комфортного жилищного фонда потребностям населения, результатом которой должен стать качественно новый уровень состояния жилищной сферы, соответствующей мировым стандартам [3].

Чтобы оценить масштабы решения поставленной задачи вернемся в историю. Если в 70-х и 80-х годах прошлого века жилые здания в среднем капитально ремонтировались раз в 30 лет, то в 90-х и 2000-х — реже, чем раз в 100 лет [5]. При сохранении таких объемов капитального ремонта жилищного фонда в ближайшее десятилетие в России порядка 300–400 млн. кв. метров жилищного фонда могло прийти в состояние, непригодное для проживания людей.

С внесением изменений в законодательство Российской Федерации с 2008 года началась реализация региональных программ по проведению капитального ремонта общего имущества многоквартирных домов, которая коренным образом изменило ситуацию по восстановлению и улучшению состояния жилья.

Изменилась структура источников финансирования капитального ремонта жилых домов. Финансирование общего имущества капитального ремонта жилых домов стало осуществляться за счет средств Фонда ЖКХ, средств региональных и местных бюджетов, средств собственников жилых помещений и арендаторов нежилых помещений в многоквартирных жилых домах, привлеченные инвестиционные и кредитные ресурсы.

Структура источников покрытия расходов на капитальный ремонт в рамках региональных программ в период с 2008–2013 годы представлена на рисунке 1.

Как следует из данных, представленных на рисунке, за период с 2008 по 2013 годы на финансирование региональных программ капитального ремонта общего имущества многоквартирных домов было направлено 70% средств Фонда ЖКХ от их общего объема.

В общей сложности на финансирование работ по капитальному ремонту многоквартирных домов в 2014 году израсходовано 37,5 млрд. рублей, в том числе 7,0 млрд. рублей — средства Фонда ЖКХ, 18,3 млрд. рублей — средства региональных и местных бюджетов и 12,2 млрд. рублей — средства собственников помеще-

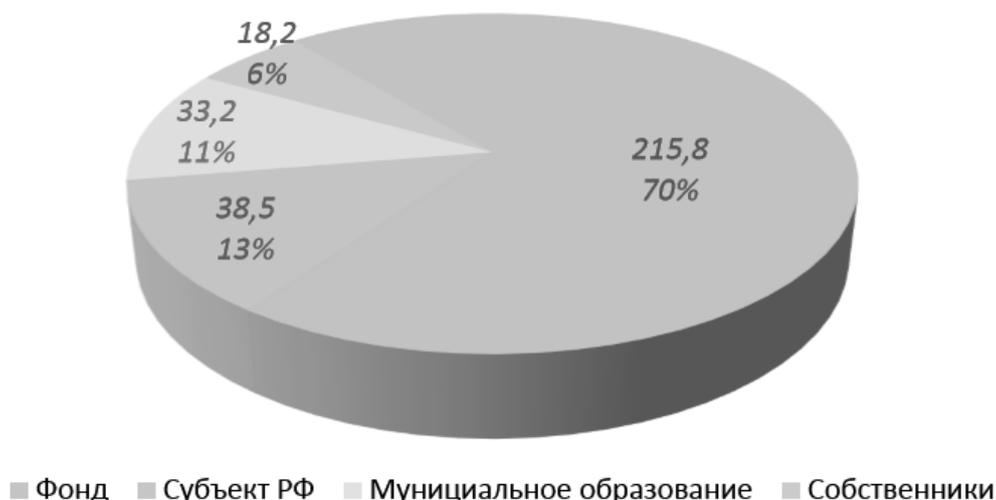

Рис. 1. Структура источников финансирования расходов на капитальный ремонт в период с 2008–2013 годы, млрд. рублей [8]

ний. Капитальный ремонт был проведен в 8 тыс. домов общей площадью 34,6 млн. кв. м., где проживает 1,4 млн. человек [8].

В 2015 году объем финансирования мероприятий по капитальному ремонту многоквартирных домов за счет средств Фонда ЖКХ, средств бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов и средств собственников помещений в многоквартирных домах составил 16,5 млрд. рублей.

Анализ источников финансирования в 2017 году показывает, что средства собственников являются основой финансирования работ по проведению капремонта многоквартирных домов, а региональный оператор — фактически основной моделью формирования фондов капитального ремонта (рисунок 2).

На 2018 год общая стоимость работ в соответствии с утвержденными краткосрочными планами составляла 258 334, 79 млн. рублей, это, в основном, средства собственников помещений. За 9 месяцев 2018 года приняты работы согласно актам приемки в сумме 87 418,12 млн. рублей, или 33,83% планируемого годового объема.

Региональные программы капитального ремонта общего имущества многоквартирных домов на 30 лет утверждены во всех субъектах РФ.

В программы включено 737 440 тыс. многоквартирных домов общей площадью 2 426 930 тыс. кв. м. Общее количество домов, включенных в региональные программы, в разрезе федеральных округов представлено на рисунке 3.

По состоянию на 1 января 2017 года «котловой» способ накопления взносов на капитальный ремонт на счете регионального оператора используется в 658,5 тыс. многоквартирных домов (89,5% от общего числа домов, включенных в программы капитального ремонта) [12].

Визуально выбор способа аккумулирования средств на капитальный ремонт многоквартирных домов представлен на рисунке 4.

Данные, приведенные на рисунке 4, свидетельствуют о том, что абсолютное большинство собственников формирует средства на капитальный ремонт в «общем котле», то есть на счете у регионального оператора и чуть более половины от оставшихся — на специальном счете, владельцем которого также является региональный оператор.

Еще одним важным обстоятельством, влияющим на оценку деятельности регионального оператора, является информированность населения об организации капитального ремонта, а также уровень вовлеченности граждан в процесс принятия решений о проведении капитального ремонта. Так, только

12% жителей многоквартирных домов участвовало в принятии решения на собрании жильцов о выборе способа формирования фонда капитального ремонта.

Согласно законодательству, для тех собственников, которые не определились со способом формирования фонда капитального ремонта, был автоматически выбран способ накопления средств на счете регионального оператора («общий котел»).

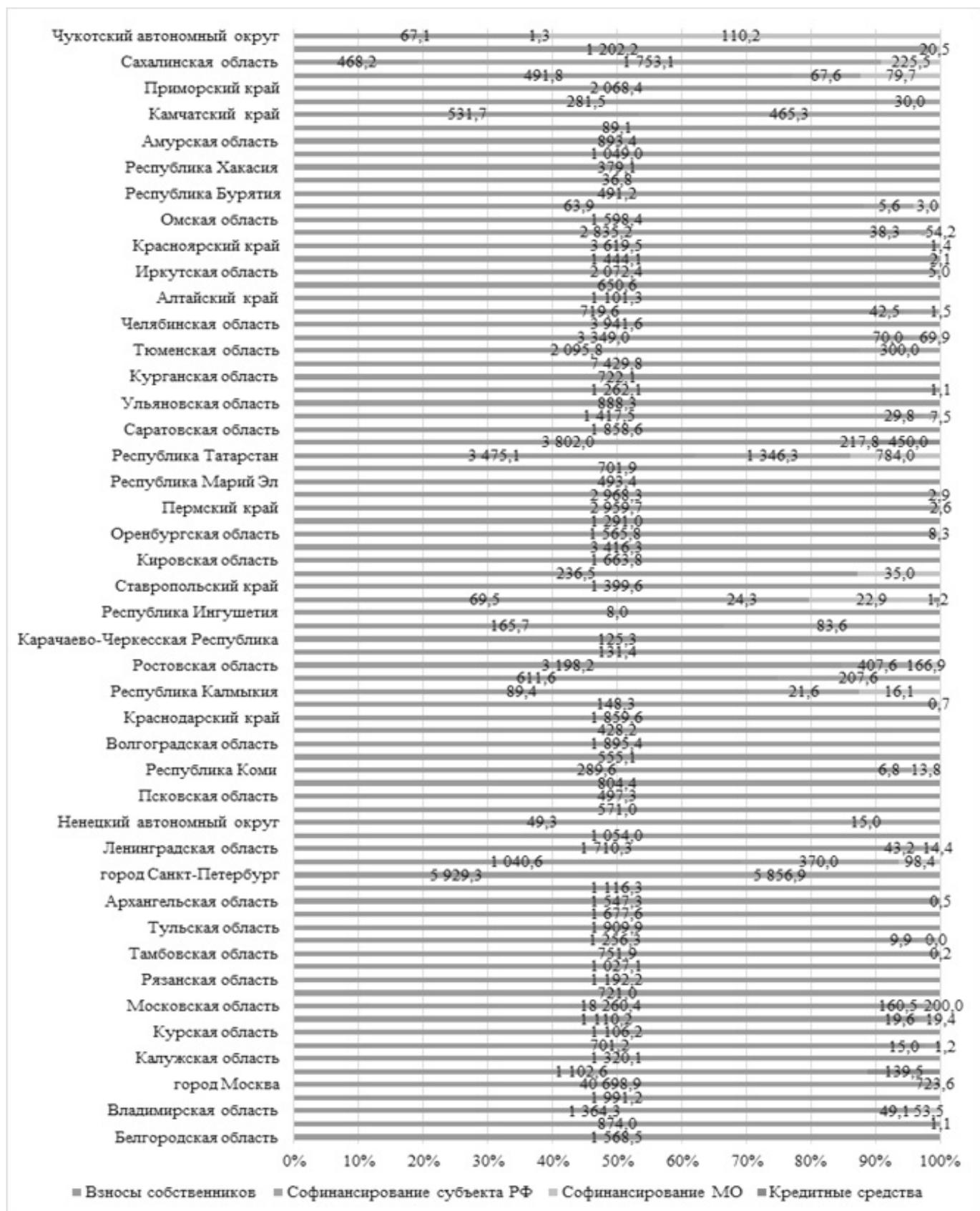

Рис. 2. Структура источников финансирования работ по капитальному ремонту в 2017 году в разрезе субъектов РФ, млн. рублей [7].

Рис. 3. Общее количество домов, включенных в региональные программы, в разрезе федеральных округов

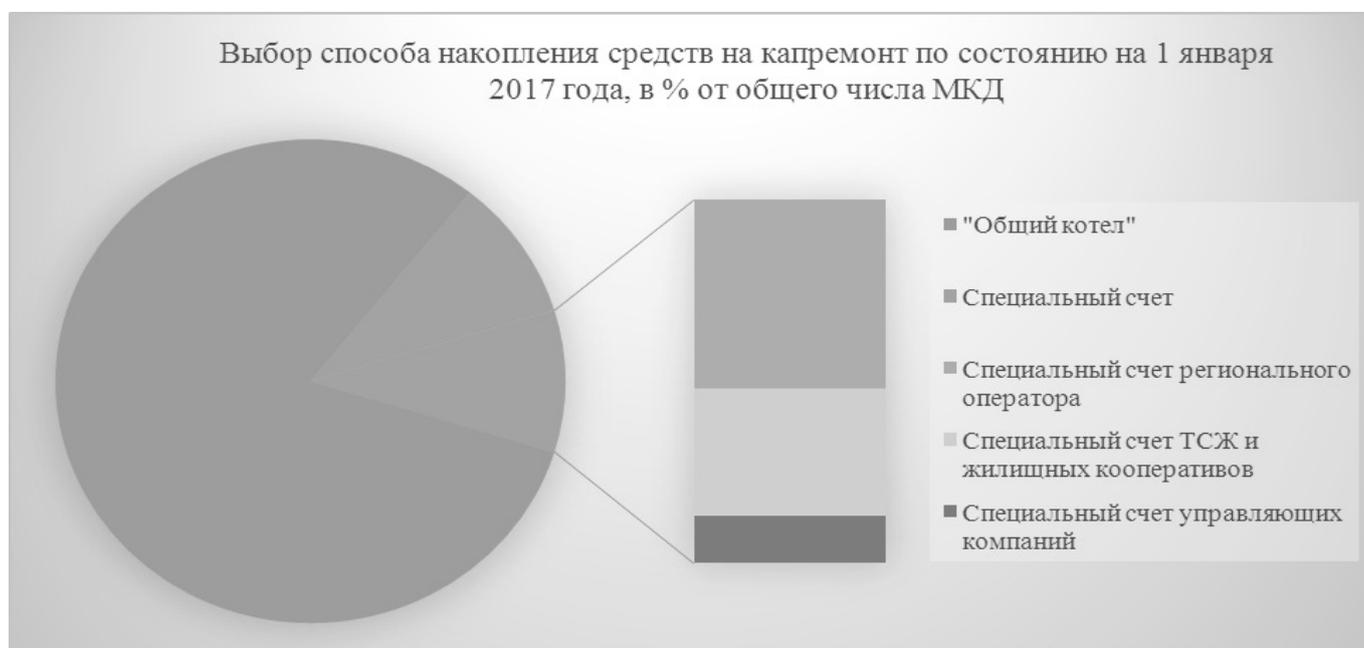

Рис. 4. Выбор способа накопления средств на капитальный ремонт по состоянию на 1 января 2017 года, в% от общего числа МКД [12]

Рис. 5. Собираемость средств собственников за год в среднем по России, % [12]

Решение проблемы построения эффективного финансового механизма сферы жилищно-коммунальных услуг при проведении капитального ремонта многоквартирных домов является одной из самых насущных.

Неэффективный финансовый механизм обуславливает возрастание риска финансовой стабильности деятельности регионального оператора, поскольку при выборе собственниками счета регионального оператора возрастает его ответственность за проведение капитального ремонта, а также возникает риск перехода в дальнейшем собственников со счета регионального оператора на специальный счет.

Преобладание модели проведения капитального ремонта через систему региональных операторов актуализирует изучение механизмов достижения ими финансовой стабильности. Оценка стабильной финансовой деятельности регионального оператора по оплате расходов на проведение капитального ремонта общего имущества в жилых домах является первостепенной задачей.

В статье 185 Жилищного кодекса РФ финансовая обеспеченность функционирования регионального оператора регламентирована как объем средств, предоставляемых за счет средств фондов капитального ремонта, сформированных собственниками помещений в многоквартирных домах, который определяется нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации в зависимости от объема взносов на капитальный ремонт, поступивших региональному оператору за предшествующий год, и (или) прогнозируемого объема поступлений

взносов на капитальный ремонт в текущем году с учетом остатка средств, не использованных региональным оператором в предыдущий год [1].

Минимальный взнос, уплачиваемый собственниками жилья на капитальный ремонт, в среднем составляет 7,64 рубля за кв. м. в месяц, при этом он в значительной степени дифференцирован (от 1,52 рублей за кв. м. по отдельным типам домов в Хабаровском крае до 17 рублей/кв. м. в городе Москве).

Поскольку основным источником финансового обеспечения капитального ремонта, в большинстве субъектов РФ, начиная с 2015 года, являются средства собственников, то уровень финансовой обеспеченности напрямую зависит от уровня собираемости средств.

Уровень собираемости средств собственников в 2014–2017 годах представлен на рисунке 5.

Как можно видеть из диаграммы, собираемость средств собственников в 2017 году относительно 2014 года увеличилась на 41,7%, однако уровень собираемости в размере 92,1% не является достаточным для осуществления программ капитального ремонта. Несмотря на указанную положительную тенденцию увеличения собираемости, следует констатировать тот факт, что темпы роста собираемости средств еще не находят на должном уровне.

За 9 месяцев 2018 года уровень собираемости взносов составил в среднем 92,63%, собрано 129 614,5 млн.

Рис. 6. Собираемость взносов на капитальный ремонт по федеральным округам и в среднем по РФ за 2016 и 2017 годы, в% [12]

Рис. 7. Соотношение начисленных взносов собственников на капитальный ремонт за 2017 год по федеральным округам (в %)

Таблица 1.

Федеральный округ	Начислено взносов собственников на капитальный ремонт с начала отчетного периода, млн. руб	Собрано средств собственников на капитальный ремонт с начала отчетного периода, млн. руб	Стоимость работ (услуг), выполнение которых предусмотрено в текущем году в соответствии с заключенными договорами подряда, млн. руб	Стоимость работ (услуг), выполненных по капитальному ремонту в отчетном периоде, млн. руб	Собираемость средств собственников на капитальный ремонт, %	Соотношение стоимости работ (услуг), предусмотренных к выполнению, и собранных средств, %	Соотношение стоимости работ (услуг), выполненных по капремонту в отчетном периоде, и стоимости работ, предусмотренных к выполнению, %	Соотношение стоимости работ (услуг), выполненных по капремонту в отчетном периоде, и собранных средств собственников, %
Центральный федеральный округ	68708,24	61829,02	53822,57	45919,42	89,99%	87,05%	85,32%	74,27%
Северо-западный федеральный округ	13392,84	11325,04	15362,38	12834,3	84,56%	135,65%	83,54%	113,33%
Южный федеральный округ	9122,42	6904,08	4431,11	3516,71	75,68%	64,18%	79,36%	50,94%
Северо-кавказский федеральный округ	3324,76	1921,97	1867,25	1696,12	57,81%	97,15%	90,84%	88,25%
Приволжский федеральный округ	28841,29	23679,62	21833,26	16804,2	82,10%	92,20%	76,97%	70,96%
Уральский федеральный округ	17057,66	14972,97	14501,46	11108,57	87,78%	96,85%	76,60%	74,19%
Сибирский федеральный округ	16044,12	12774,42	7575,15	7282,82	79,62%	59,30%	96,14%	57,01%
Дальневосточный федеральный округ	6094,87	4884,04	9216,59	6694,06	80,13%	188,71%	72,63%	137,06%

рублей. Низкий уровень собираемости зафиксирован в Республике Северная Осетия — Алания (17,4%), Республике Ингушетия (29%), Кабардино-Балкарской Республике (32,9%), Республике Дагестан (39,1%).

Чтобы понять обеспеченность средствами регионального оператора, рассмотрим более подробно текущую ситуацию собираемости средств собственников жилья на капитальный ремонт. Так, объем начисленных взносов собственников жилья на капитальный ремонт за 2017 год составил 186 323,3 млн. рублей (на 23 737,1 млн. рублей, или на 14,6% больше, чем в 2016 году).

При этом собираемость взносов по стране составила 92,11% (на 8,3% больше, чем в 2016 году), среднее значение по собираемости было превышено в Центральном, Приволжском и Уральском федеральных округах (рисунок 6).

Традиционно наиболее низкий показатель собираемости взносов на капитальный ремонт показывает Северо-Кавказский федеральный округ, за ним следует Южный федеральный округ, собираемость взносов в котором составила 81,18%, что связано с включением в состав ЮФО города Севастополь и Республики Крым, в которой данный показатель равен 48,73%. [13]

Наибольшие показатели собираемости взносов на капитальный ремонт показывают Центральный, Приволжский и Уральский федеральные округа, где региональные системы капитального ремонта в большинстве субъектов были введены еще осенью 2013 года.

На рисунке 7 отражено распределение общего объема взносов, собранных за 2017 год на капитальный ремонт, в разрезе федеральных округов.

Исходя из данных, представленных на диаграмме, можно сделать вывод о том, что большую часть взносов формирует Центральный федеральный округ, так как здесь сконцентрирована значительная часть населения страны, а, следовательно, и значительная часть многоквартирных домов.

Таким образом, в 60% многоквартирных домов, исходя из диаграмм выше, собираемость взносов собственников меньше, чем в среднем по стране.

Все это также формирует риски финансовой обеспеченности региональных операторов по проведению капитального ремонта домов. Убедительным примером тому служит отчет Контрольно-счетной палаты Новосибирской области, которая проверяла капитальный ремонт многоквартирных домов в 2017 году и первом полугодии 2018 года. Аудиторы сделали вывод, что стоимость работ, предусмотренных программой, рассчитанной на период с 2014 по 2043 годы, превышает объем плановых поступлений взносов на капитальный ремонт (исходя из минимального размера взносов 7,05 руб. на кв. м в месяц). Дефицит средств для полного выполнения программы составляет по Новосибирской области 91,4 млрд. рублей [6].

По итогам 9 месяцев 2018 года финансовое обеспечение региональных систем капитального ремонта находится на недостаточном уровне. Показатель обеспеченности составляет 66,9%. Данный показатель рассчитан как отношение прогнозного бюджета программ (5 104 млрд. рублей) к прогнозной стоимости обязательных работ по программам (10 283,9 млрд. рублей).

Несмотря на проблемы с финансированием реализации программ капитального ремонта, стоимость работ (услуг), которые запланированы субъектами Российской Федерации для проведения капитального ремонта, стоимость капитального ремонта значительно меньше объема средств, перечисленных собственниками жилья на капитальный ремонт.

В разрезе федеральных округов соотношение численных, собранных средств собственников, стоимости предусмотренных к выполнению работ и стоимости

выполненных работ по капитальному ремонту домов в 2017 году, представлено в таблице 1.

В данной таблице использованы цветовые схемы для обозначения наибольших и наименьших показателей: цветовой диапазон от зеленого к красному, соответственно.

Рассмотрим более подробно собираемость и расходование средств в региональных операторах по федеральным округам.

Центральный федеральный округ является лидером по собираемости средств собственников на капитальный ремонт — 89,99%. Наибольший процент собираемости (98,21% и 98,23% соответственно) демонстрируют Рязанская и Белгородская области, тогда как значение собираемости средств собственников в Москве — 93,62% [13]. Самый низкий показатель — 74,05% у Тульской области [13]. При этом объем средств, предусмотренных на выполнение работ по капитальному ремонту, составляет только 87,05% от собранной суммы (в целом по ЦФО).

Кроме того, расходятся данные по стоимости предусмотренных региональными программами планами работ и стоимостями фактически выполненных работ: на 14,68% стоимость выполненных работ в 2016 году меньше стоимости запланированных к выполнению работ.

Необходимо отметить, что при анализе лучших практик региональных операторов по организации работ по проведению капитального ремонта и организации служб внутреннего контроля, были выявлены следующие положительные моменты:

- ♦ региональный оператор Рязанской области использует различные каналы для просвещения граждан о программах капитального ремонта (в том числе, ролики на телевидении) [10];
- ♦ региональный оператор города Москва получает дополнительный доход для проведения программ капитального ремонта от возврата лома черных металлов: сумма возвратных средств от сдачи лома черных металлов, принятых к зачету в 2015 году, составила 57 121,31 тыс. рублей [11];
- ♦ жителям, готовым самостоятельно накапливать средства на специальных счетах, региональным оператором Москвы была оказана максимальная поддержка: на портале «Активный гражданин» проведено голосование, по результатам которого оказана адресная помощь в проведении общих собраний собственников [13].

Таким образом, основным источником повышения жилищных условий за счет проведения капитального ремонта общего имущества многоквартирных домов, начиная с 2015 года, являются средства собственников помещений.

Основной способ формирования фондов капитального ремонта домов, как показывают данные, является

счет регионального оператора. Ежегодно наблюдается рост собираемости средств собственников помещений на проведение капитального ремонта.

При этом финансовое обеспечение систем капремонта составляет около 70%, что является свидетельством недостаточности средств для завершения капремонта всех домов, включенных в программы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N188-ФЗ (ред. от 03.04.2018) // Консультант Плюс. [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. N1662-р «О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» Консультант Плюс. [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/
3. Жилищное хозяйство в России. 2016: Стат. сб./ Росстат.— М., 2016.
4. Сазонов П. А. Экономический анализ инвестиционного обеспечения капитального ремонта многоквартирных домов: Дис. ... канд. экон. наук. Н.Н., 2014. 16 с.
5. «Дефицит средств по капремонту МКД в Новосибирской области оценен в 91,4 млрд. рублей», Коммерсант, 26 июля 2018 г. [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3696306>
6. Жилищно-коммунальное хозяйство // Статистика Росстата [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086922125
7. Общероссийский народный фронт. Центр народная экспертиза. Доклад о результатах анализа состояния системы капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах // Сайт ОНФ.— Режим доступа: http://onf.ru/sites/default/files/projects_docs/doklad-po-kapitalnomu-remontu.pdf
8. Годовой отчет Фонда содействия реформированию ЖКХ за 2017 год // Официальный сайт ГК — Фонда содействия реформированию ЖКХ [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://fondgkh.ru/workresult/cat/godovyie-otchetyi-fonda/>
9. Организация системы внутреннего контроля и управления рисками в специализированных некоммерческих организациях по проведению капитального ремонта общего имущества многоквартирных домов (региональных операторов): методическое пособие для региональных операторов по организации системы внутреннего контроля / ГК — Фонд содействия реформированию ЖКХ.— М.: Фонд содействия реформированию ЖКХ, 2016.— 240 с.
10. Отчет о деятельности регионального оператора по капитальному ремонту Рязанской области [Электронный ресурс] // Сайт регионального оператора.— Режим доступа: <http://fcryazreg.ru/otchetnost/>
11. Отчет о деятельности регионального оператора по капитальному ремонту города Москва [Электронный ресурс] // Сайт регионального оператора.— Режим доступа: <http://fond.mos.ru/otchetnost/>
12. Оперативная информация о состоянии капитального ремонта [Электронный ресурс] // Сайт «Реформа ЖКХ». — Режим доступа: <https://www.reformagkh.ru/overhaul/hel>
13. Данные по капитальному ремонту — Отчет Фонда содействия реформированию ЖКХ [Электронный ресурс] // Сайт ГК Фонд содействия реформированию ЖКХ.— Режим доступа: http://fondgkh.ru/wp-content/uploads/2016/05/God_ot4et_13_05_razvorot-na-sayt-1.pdf

© Ефимова Нина Павловна, Гаджигороев Гаджигоро Шахрутдинович (gadji05@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЕМ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

IMPROVING THE QUALITY OF ENTERPRISE MANAGEMENT: PROBLEMS AND SOLUTIONS

L. Ignatskaya

Summary. Background. The problem of personnel selection and placement was actual for the major decision of the productive and economic problems of the enterprise and economy of Russia always. Competence of management is a multidimensional and multifactorial phenomenon which is result of objective and subjective factors which are necessary for considering and correcting according to dynamically changing purposes of a society and industrial activity. Article considers tendencies of change of qualitative characteristics of modern managers, considered typical problems and offered ways of the decision of problems.

Methods. In the course of research have been used methods of reception of the primary and secondary information has been used: methods of sociological researches, methods of the logic, statistical analysis.

Result. Researches have revealed typical problems of Enterprise management and offered directions of improvement quality of management.

Conclusion. Development of the new approach to selection of managers will raise quality and competence of the management. It will promote increase of management efficiency by the enterprises of Russia.

Keywords: Competence, personnel strategy, the system approach, policy of selection of shots, adaptation .

Игнатская Людмила Ярославна

*К.э.н., доцент, Воркутинский филиал Ухтинского государственного технического университета, РФ,
г. Воркута
lignat56@yandex.ru*

Аннотация. Предмет. Проблема подбора и расстановки кадров всегда являлась актуальной для решения важнейших производственно-экономических задач предприятия и экономики России в целом. Компетентность управления — это многомерное и многофакторное явление, которое является результатом влияния большого количества объективных и субъективных факторов, которые необходимо учитывать и корректировать в соответствии с динамично меняющимися целями общества и производства. В статье рассматриваются тенденции изменения качественных характеристик современных менеджеров, актуализируются типичные проблемы и рассматриваются некоторые пути решения проблемы.

Цели. Авторское исследование проблемы качественной динамики управления кадров. Выработка адекватной стратегии коррекции организационных и социально-психологических компетенций менеджеров.

Методология. В процессе исследования проблем кадрового обеспечения управления предприятий, были использованы методы получения первичной и вторичной информации: методы социологических исследований, методы логического, статистического анализа.

Результаты. Выявлены типичные проблемы кадрового обеспечения управления предприятием и предложены направления работы по повышению качества менеджмента.

Выводы. Сделан вывод о том, что выработка качественно нового подхода к подбору и расстановке управленческих кадров будет способствовать повышению компетенций менеджеров, что будет способствовать повышению эффективности управления предприятиями России.

Ключевые слова: Компетентность, кадровая стратегия, системный подход, политика подбора кадров, адаптация, срабатываемость.

Российская экономика решает серьезные задачи внедрения новых технологий в сферу производства и управления, создания новых отраслей, диверсификации производственной деятельности, активизирует потенциал долговременных стратегий. Но человеческий фактор, качество управления обществом и производством может нивелировать все усилия.

Российский менеджмент прошел значительный путь своего становления от бюрократическо-номенклатурного способа формирования управленческих кадров

к управленцам, работающим в условиях рыночных отношений, но проблем не стало меньше.

Наиболее значимой проблемой современного российского менеджмента является проблема качества управленческих кадров, удовлетворяющих требованиям и к профессиональному уровню, и к нравственным составляющим руководителей, способными стать реальными лидерами для работников своего трудового коллектива. Чем дальше от центра и чем более локализован регион, тем труднее просматривается научный подход к подбору и расстановке кадров.

Случайные кадры в управлении деморализуют производственные отношения, приводят к поляризации и антагонистическим отношениям на предприятии, которое транслируется и на общество в целом.

Стремление к карьерному росту назначенцев на должности руководителей разного уровня часто не является проявлением желания достижения высоких целей для предприятия, нацеленностью на самореализацию через результаты, а является способом удовлетворения личностных материальных или моральных (начальственных) амбиций или способом личностного самоутверждения.

Эти тенденции являются устойчивыми и отмечаются респондентами при проведении социологических исследований.

Проводя опросы среди работников четырех базовых предприятий, расхождения в оценках не значительны.

На вопрос: «Как Вы оцениваете профессиональные компетенции своего непосредственного руководителя?» — были получены результаты:

- «отлично» — от 0 до 4%
- «хорошо» — от 15 до 18%
- «удовлетворительно» — от 52 до 68%
- «неудовлетворительно» — от 0 до 9%
- «затрудняюсь ответить» — от 10 до 15%

Отмечается странная тенденция, что в большинстве ответов, оценивающих уровень профессиональных компетенций более высоких уровней управления, отрицательные оценки увеличивали свое значение:

На вопрос: «Как Вы оцениваете профессиональные компетенции руководителя Вашего предприятия?» — были получены результаты:

- «отлично» — от 0 до 2%
- «хорошо» — от 12 до 15%
- «удовлетворительно» — от 50 до 72%
- «неудовлетворительно» — от 10 до 15%
- «затрудняюсь ответить» — от 13 до 20%

Эти результаты могут быть обусловлены не обязательно недостаточной компетентностью топ-менеджера, отрицательная оценка может быть результатом излишней дистанцированности управляющей и управляемых подсистем, преобладание неформальных источников информации.

Оценки личностных качеств непосредственных руководителей и топ-менеджеров имеют большой разброс в оценках респондентов. Это объясняется индивидуализацией стиля управления, в зависимости от характера,

нравственных ориентиров и умения общаться с подчиненными. Но 24% опрошенных оценили своих руководителей на оценку «неудовлетворительно», 43% — «удовлетворительно», и только 10% респондентов оценили личностные качества менеджеров «хорошо».

Приведенные результаты опроса указывают на наличие важнейшего фактора интеграции производственного коллектива — отсутствие авторитета руководителей, несовпадение понятий руководитель и лидер. Фактор отсутствия взаимного уважения между управляемой и управляющей подсистемой приводит к поляризации коллективов и снижению удовлетворенности трудом в обеих подсистемах.

Ранжирование факторов, влияющих на степень удовлетворенности трудом, выделило своеобразную иерархию в системе предпочтений. Были предложены для оценки весовой значимости следующие факторы: размер заработной платы, приятное общение в коллективе, уважение со стороны руководителя, благоприятные условия труда, «социальный пакет», организационная культура предприятия, возможности карьерного роста.

Иерархия предпочтений отразила наиболее актуальные для работников проблемы: наибольшее значение для удовлетворенности трудом имеют заработная плата (95%), за ним по значимости по рейтингу «социальный пакет» — 73%, уважение руководителя занимает третью строчку в рейтинге (72%), опережая другие, не менее значимые факторы. Этот результат подчеркивает значимость роли руководителя в положительной мотивации труда работников.

Снижающееся качество управленческих кадров обусловлено многими факторами и издержками кадровой политики, в том числе, утратой своей роли и миссии кадровых служб. Одним из важнейших факторов низкого уровня компетентности менеджеров является недооценка роли кадровой стратегии и политики на всех уровнях управления, системы отбора и развития управленческих кадров. Кадровая политика носит зачастую конъюнктурный характер: от политики статичной возрастной номенклатуры в управлении перешли к вовлечению в процесс управления предприятиями излишне молодых и авантюрных кадров. Практика последних лет показывает, что политика подбора и расстановки кадров на руководящие должности в большей степени ориентирована на американский опыт назначения кадров, ориентированных на быстрый успех. Если бы проводился научный анализ результатов кадровых назначений по всем критериям эффективности управления, вряд ли он был бы утешающим.

Последнее десятилетие характеризовалось массовым притоком на руководящие должности специали-

стов, сразу после вузов, со студенческой скамьи, без социальной и профессиональной адаптированности, без опыта работы, без адекватного самовосприятия и чувства социальной перцепции.

Кроме проблемы незрелости управленческих кадров следует отметить в практике даже крупных, государственных корпораций и компаний ориентацию на протекционизм в подборе кадров менеджеров. Протекционизм и «своячество» при назначении на должности не только не изжили себя как неэффективный подход к кадровой политике, порождающий негативное восприятие назначения в коллективе, но и приобрел устойчивую тенденцию роста.

Отсутствие психологической и правовой культуры, недостаточные знания механизмов управления социальными системами сформировали генерацию руководителей, практика управления которых основывается на волюнтаризме, пренебрежительном отношении к подчиненным, демонстрации превосходства, отсутствию нравственных и поведенческих ограничений. Результаты опроса (приведены выше) подтверждают эти оценки.

Большой разбег в оплате труда между топ-менеджерами и управленцами более низких рангов усиливает эти тенденции, формируя у молодых руководителей устойчивое ощущение собственной элитарности и звездности. Нравственная и личностная незрелость приходит в противоречие с большими полномочиями. В молодом специалисте с начала карьеры закладывается ложное представление о вседозволенности и собственной значимости, деформируя личность самого руководителя, что формирует новую генерацию управленцев на долгие десятилетия с ущербной системой ценностей.

Эти факторы препятствуют формированию благоприятного морально-психологического климата в коллективах, установлению отношений доверия и единой нацеленности коллектива на достижение единой цели, на осознание значимости и заинтересованности каждого на достижение результатов.

Ситуация усугубляется выраженной тенденцией снижения уровня интеллектуальности, образованности и общей культуры общества. Наблюдая изменения личностных характеристик контингента, обучающегося в высшей школе, приходит печальное осознание факта, что интеллектуальность, интеллигентность, эрудированность, оптимизм и духовность студентов становятся явлениями редкими, почти уникальными. Значительная масса студентов (будущих руководителей!) мотивированы на легкий успех, на поиск причин

собственных неудач во внешних причинах, а не в личностных проблемах. Эти обстоятельства актуализируют значимость создания соответствующих механизмов отбора руководящих кадров всех уровней, используя, в том числе, и имеющийся теоретический опыт научного менеджмента. Как никогда становится актуальным подбор и отбор кадров через системы тестов, профессиограмм, испытательного срока, оценки по методу «360».

Есть необходимость обратить внимание на подбор кадров, ориентированный не только на личностные характеристики претендента на руководящую должность, но и на композицию коллектива, которым придется управлять. Благоприятная композиция группы складывается в том случае, если трудовой коллектив сочетает в себе наличие опытных, зрелых работников, работников среднего возраста и молодых работников примерно в равном соотношении, что позволит обеспечивать преемственность, накопление лучшего профессионального и социального опыта, органичные взаимоотношения, безболезненную передачу положительного опыта и знаний в группе. Начинаящий руководитель должен знать особенности коллектива и учитывать их в практике управления.

К сожалению, кадровые службы не занимаются изучением микрогрупп производственных коллективов, составлением их профилей, поэтому встреча нового руководителя и коллектива всегда представляет собой лотерею, а процессы срабатываемости затягиваются на годы.

Как показывает опыт изучения работы большинства кадровых служб, проблемы ротации кадров обусловлены отсутствием планомерной работы по формированию и подготовке кадрового резерва. Даже при наличии кадрового резерва, он представляет собой формализованный вариант, не имеющий большого значения для реальных кадровых перемещений и ротаций. Исследования эффективности использования кадрового резерва показывают, что уровень выдвижения на вакантные должности резервистов не более 10 процентов от списочного состава. 90 процентов назначенцев на вакантные должности не являются кандидатурами, находящимися в резерве, а часто рекрутируются извне.

Кадровые службы не реализуют планомерную работу по подготовке претендента на должность через механизмы стажировок, практику дублирования (ассистирования) должности, на которую планируется работник в перспективе, не изучается потенциал личности как будущего руководителя, тем более не осуществляется коррекция видимых ограничений и проблем в модели поведения резервиста.

Необходимо упорядочить и структурировать процесс отбора кадров. Этот процесс должен быть транспарентным для всех — и для претендента на должность, и для коллектива. Назначение на руководящую должность должно быть только на конкурсной основе при наличии четко определенных и формализованных критериях оценки рассматриваемых кандидатур. Приоритетными аспектами оценки личности претендента на должность должны быть профессиональные компетенции, организаторские способности, психологические и коммуникационные характеристики личности, определяемые и оцениваемые на основе всесторонней тестовой оценки.

Коллектив должен иметь возможность влиять на вариативность выбора, а преимущество должно быть за кандидатом, имеющим опыт работы и опыт взаимодействия с коллективом, куда он приходит в качестве руководителя.

Задачи совершенствования подготовки и использования руководящих кадров предприятия должны решаться не только на уровне кадровых служб предприя-

тий, но и формировать систему кадрового мониторинга и развития кадров. Система развития персонала предприятия должна быть ориентирована на такие цели, как:

- ◆ повышение квалификации — получение дополнительных знаний и навыков;
- ◆ обеспечение кадрового резерва — подготовка будущих руководителей;
- ◆ формирование в процессе обучения навыков использования принципов, мотивирующие организацию труда;
- ◆ расширение инновационного потенциала сотрудников обеспечение взаимозаменяемости сотрудников, на различных рабочих местах;
- ◆ обеспечение повышения идентификации сотрудников со своей организацией.

Расширяя интеллектуальный, профессиональный и административный потенциал работников, увеличивается база выбора кадрового резерва, конкурентность, стремление кадров к саморазвитию. Только мощный кадровый потенциал способен решать серьезные производственные задачи, стоящие перед предприятиями России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веснин В. Р. Управление персоналом: учебник. — М.: Проспект, 2007.
2. Данилова Е. В. Управление знаниями как фактор развития персонала 2009
3. Завьялова Е. К. Особенности управления человеческими ресурсами инновационно-активных компаний // Вестник СПбУ. Сер.8. Менеджмент. — 2012. — Вып.2. — С. 78–106.

© Игнатская Людмила Ярославна (lignat56@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ И ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА ОСНОВЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT OF COMPETITIVENESS OF SMALL ENTREPRENEURSHIP ON THE BASIS OF INFORMATION TECHNOLOGIES AND SOCIAL-ORIENTED ACTIVITIES

A. Lukyanova

Summary. The article deals with the development and improvement of the competitiveness of entrepreneurship in socially-oriented activities. An approach to assessing the level of competitiveness of the business structure, taking into account the indicators of socially-oriented activities, is proposed.

Keywords: competitiveness, entrepreneurship development, information technology, socially-oriented activities .

Лукьянова Анна Васильевна

Д.э.н., профессор, Финансовый университет при
правительстве Российской Федерации
avlukyanova@fa.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития и повышения конкурентоспособности предпринимательства в социально-ориентированной деятельности. Предложен подход к оценке уровня конкурентоспособности предпринимательской структуры с учетом показателей социально-ориентированной деятельности.

Ключевые слова: конкурентоспособность, развитие предпринимательства, информационные технологии, социально-ориентированная деятельность.

В последнее время политики и специалисты по менеджменту начали уделять в большей степени внимание ориентации общества на решение социальных вопросов предпринимательскими структурами в существующих условиях функционирования экономики. Такую социальную деятельность называют социальной ответственностью предпринимательства.

В данной статье термин «социально-ориентированная деятельность» применяется для описания внешней социальной активности предпринимательских структур.

Любые социальные программы или проекты — это попытка достижения баланса между социально-значимыми требованиями общества и интересами предпринимательства. В рамках развития конкурентоспособности регионов

Правительство РФ в качестве одного из основных направлений указывает развитие социальных отраслей, путем предоставления возможности малому бизнесу почувствовать и развивать бизнес в социально-значимых отраслях.

Анализ участия малого предпринимательства в социально-значимых отраслях в 2018 г. показывает не высокую долю заинтересованности бизнеса в развитии данного направления (рис. 1, рис. 2.).

Взаимосвязь основных элементов социальной ответственности и социально-ориентированной деятельности субъектов малого предпринимательства в целях повышения территориальной конкурентоспособности показана на рисунке 3.

Направленность программ и проектов с точки зрения степени участия в социально-ориентированной деятельности в территориальном развитии позволяет сочетать интересы предпринимательства и общественно значимые цели, а также повышают рейтинг конкурентоспособности как самих предприятий, так и регионов за счет развития новых инновационных направлений оказания услуг и производства инновационных продуктов.

Концепция социально-ориентированной деятельности предпринимательства, определяет общие тенденции социализации экономического развития. Создавая предпосылки для устойчивого развития, социально-ориентированная деятельность, в долгосрочной перспективе, способна приносить ощутимые экономические выгоды, как в отдельной предпринимательской структуре, так и в региональной экономике, и в стране в целом.

Любая предпринимательская структура сталкивается с ценностными основами рационального конкурентного поведения и становится участником взаимодействия

Рис. 1. Доля субъектов малого предпринимательства в социально-значимых отраслях в РФ в 2018г

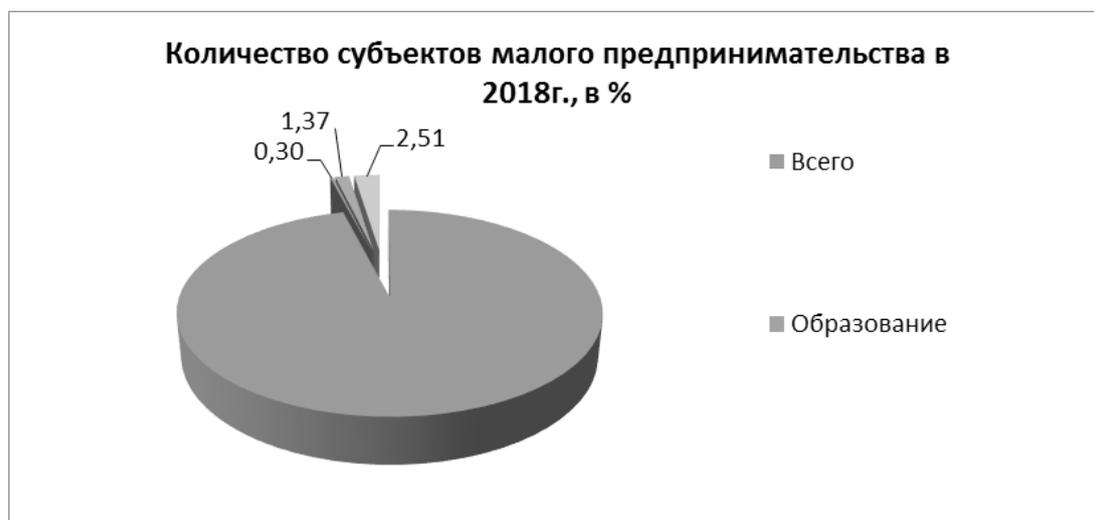

Рис. 2. Доля объемов выручки субъектов малого предпринимательства в социально-значимых отраслях в РФ в 2018г

с конкурентами, партнерами, поставщиками и обществом. Предпринимательская структура оценивает свое окружение на доступной ему эмпирической и теоретической базе, а затем, ориентируясь на полученные оценки, приступает к управлению собственным конкурентным поведением. По мнению Ф. Хайека каждый индивид становится звеном во множестве цепочек передач, и по этим цепям он получает сигналы, позволяющие ему приспособлять свои планы к обстоятельствам, которые он не знает [7].

На этой основе образуются цепочки ценности, под которыми понимаются устойчивые и взаимовыгодные связи. Впервые система цепочка ценностей была сформулирована М. Портером, который определил, что «цепочка ценностей фирмы — это система взаимозависи-

мых видов деятельности, между которыми существуют связи» [6]. Он так же показал, что «цепочка ценности отдельной фирмы, применяемая при конкуренции в данной отрасли, входит в более крупную систему деятельности, которую можно назвать системой ценности». Для каждой предпринимательской структуры очень важно не выпадать из цепочек ценности, особенно из тех, которые признаются социально-значимыми.

Добиваясь конкурентного преимущества, предпринимательская структура должна быть поддержана и поставщиками сырья, материалов, запасных частей, комплектующих изделий, информационных ресурсов, и предпринимательскими структурами, обеспечивающими каналы сбыта, и обществом, предоставляющим потребителям и трудовые кадры.

Рис. 3. Взаимосвязь элементов социально-ориентированной деятельности субъектов малого предпринимательства в повышении территориальной конкурентоспособности

Непременным условием создания и поддержания конкурентного преимущества каждой отдельной предпринимательской структурой является создание, утверждение и сохранение своего положения в цепочке ценностей по сравнению с другими предпринимательскими структурами. Связи между видами деятельности предпринимательских структур возникают тогда, когда метод какого-либо вида деятельности влияет на стоимость или эффективность других.

Чем длиннее ряд партнеров и конкурентов, признающих конкурентные преимущества данной предпринимательской структуры, тем устойчивее ее конкурентное положение, тем выше оцениваются ее конкурентные преимущества со стороны непосредственных конкурентов и общества.

Изменение технологий, появление новых запросов покупателей, появление нового сегмента отрасли, изменение стоимости компонентов производства, все эти новации создают возможности для разработки нового товара, развитие производства, внедрения новых способов маркетинга, доставки и улучшения сопутствующих услуг.

Особую значимость при оценке конкурентоспособности предпринимательских структур приобретает

оценка уровня автоматизации и внедрения IT технологий в бизнес процессы.

Данные преимущества связаны с решением вопросов нивелирования рисков, связанных с постоянно растущим объемом документов, появлением новых партнеров, необходимостью постоянного взаимодействия сотрудников и обеспечение выполнения сквозных процессов.

Социально-ориентированная деятельность позволяет повысить репутацию и имидж предпринимательской структуры, как среди конкурентов, так и среди поставщиков, партнеров и местного сообщества, что позволяет назвать социально-ориентированную деятельность одним из конкурентных преимуществ предпринимательской структуры, которое в конечном итоге приведет к ее устойчивому положению на рынке.

Постоянное балансирование предпринимательских структур, конкурирующих между собой и с общим окружением, между свободой выбора и зависимостью в выборе конкурентных действий и их проведения вызвано наличием внешнего и внутреннего векторов социальной активности. Внешний вектор социальной активности инициативно направлен от окружения каждой

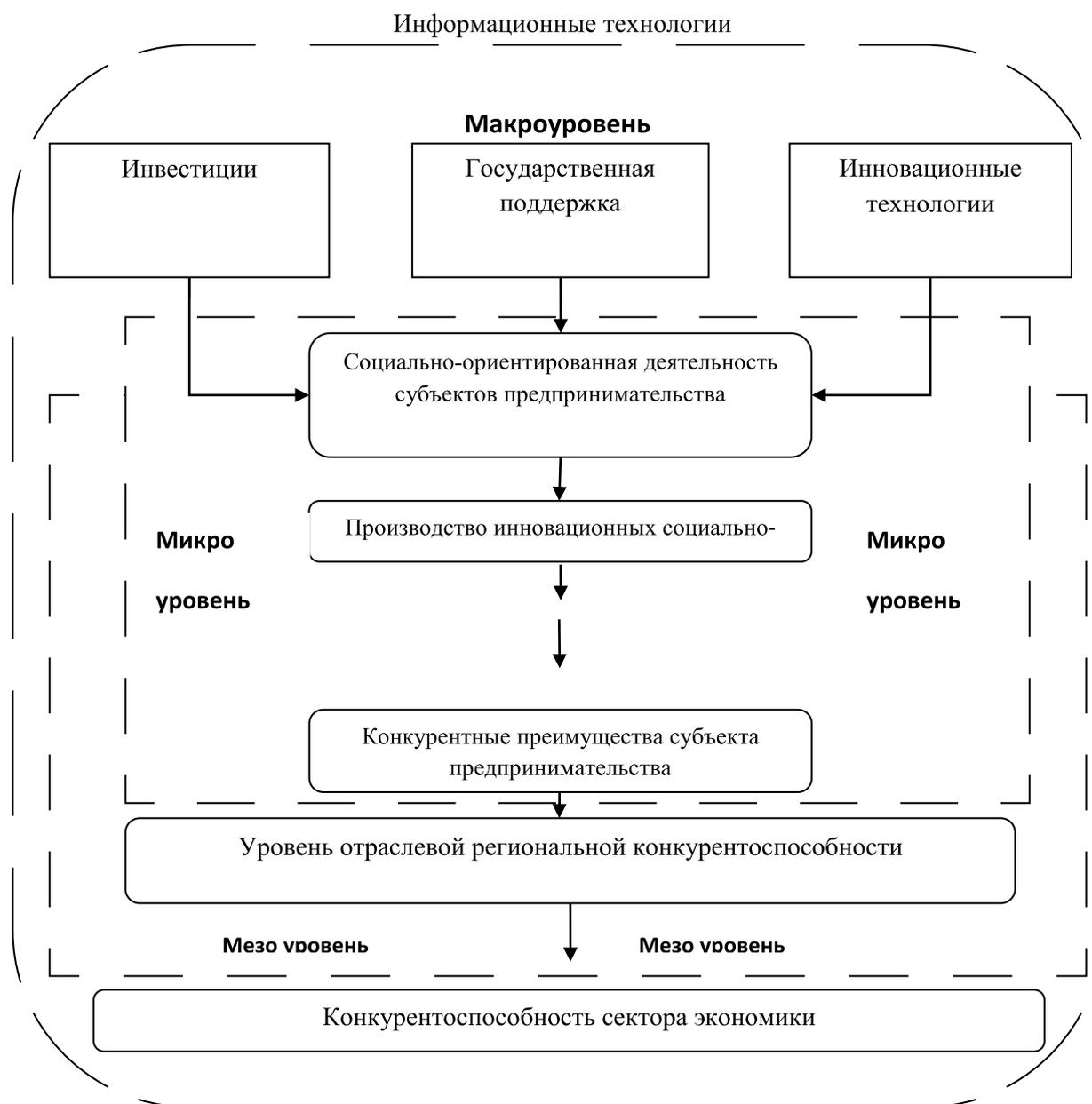

Рис. 4. Эффективность социально-ориентированной деятельности субъектов малого предпринимательства

предпринимательской структуры и заставляет предпринимателей реагировать на данные импульсы. Социальная активность, направленная изнутри, базируется на внутренней деловой этике и формирует внутреннюю социальную опору конкурентного поведения предпринимателей.

Предпринимательская деятельность всегда осуществлялась под воздействием интересов общества с помощью обязательного встраивания предпринимательских структур в систему общественных связей и отношений.

Такое обстоятельство объясняется тем, что общество не может обойтись без предпринимательства, а субъекты предпринимательства могут заниматься предпринимательской деятельностью только внутри данного общества.

Тем самым нахождение предпринимательских структур внутри локальных и глобальных цепочек ценностей, из которых профессиональному предпринимателю выходить в процессе конкурентного поведения невыгодно, вызывает возникновение явлений взаимных зависимо-

Рис. 5. Алгоритм оценки конкурентоспособности субъектов малого предпринимательства

сти и согласования, которые возникают при всеобщем конкурентном поведении и представляют собой важные черты современной системы предпринимательства. Взаимная зависимость субъектов предпринимательской деятельности при формировании и реализации их конкурентных преимуществ дополняется их взаимной общественной ответственностью, что вызывает, в свою очередь, их взаимное согласование.

Необходимость учета взаимных интересов вызвано требованиями высокого общественного признания своей деятельности, ее результатов, уровня своей конкурен-

тоспособности, размеров конкурентных преимуществ, что в свою очередь вызывает интеграцию предпринимательской структуры внутри делового и местного сообщества, т.е. в единую постоянно воспроизводимую систему предпринимательства, развивающуюся внутри общества.

Подобная интеграция, осуществляющаяся внутри общества, развивающегося на началах конкуренции, вызывает тенденции поведения предпринимателей к стремлению в достижении успеха за счет создания конкурентных преимуществ.

Схема получения эффекта от социально-ориентированной деятельности графически представлена на рис. 4.

Анализируя схему получения эффекта, можно проследить, что социально-ориентированная деятельность является второстепенным тактическим конкурентным преимуществом, реализуемым внутри социальной системы на микро- и мезо- уровнях и приносящим социальный эффект на макро-уровне.

Принципиальное значение имеет наличие согласованной стратегии развития субъектов малого предпринимательства, которая служит основой для построения всех организационных процессов и механизмов.

Для оценки уровня конкурентоспособности необходимо соблюдать общесистемные требования и правила.

Схематично на рис. 5. выделены семь основных направлений деятельности предпринимательских структур, по которым производят оценку конкурентоспособности. Дополнительно в схему включена социально-ориентированная деятельность, а также уровень информатизации, которые, по нашему мнению, увеличивают конкурентоспособность предпринимательской структуры. Все показанные направления деятельности относятся к внутренним факторам, оказывающим влияние на уровень конкурентоспособности предпринимательской структуры.

Данная методика учитывает большее количество факторов влияющих на конкурентоспособность предпринимательской структуры, что в свою очередь делает его более привлекательным, но при этом к недостаткам можно отнести то, что не все факторы имеют возможность количественной оценки. Методика позволяет в определенных пределах строить заключения относительно всей отрасли, а не только в отношении отдельно взятой предпринимательской структуры.

Оценка конкурентоспособности предпринимательской структуры представляет собой сложную многофакторную задачу по выявлению наиболее значимых показателей конкурентоспособности.

Проведенный анализ, показал, что проблема оценки конкурентоспособности предпринимательской структуры в целом на сегодняшний день обладает высокой актуальностью и не имеет удовлетворительного решения.

Изучение конкурентов и условий конкуренции в отрасли требуется предпринимательской структуре в первую очередь для того, чтобы определить, в чём ее преимущества и недостатки перед конкурентами и сделать выводы для выработки предпринимательской струк-

турой собственной успешной конкурентной стратегии и поддержания конкурентного преимущества.

Определение собственной конкурентоспособности является неотъемлемым элементом маркетинговой деятельности любого хозяйствующего субъекта.

Оценка конкурентной позиции предпринимательской структуры требуется для:

- ◆ разработки мероприятий по повышению конкурентоспособности;
- ◆ выбора партнера для организации совместного выпуска продукции;
- ◆ привлечения средств инвестора в перспективное производство;
- ◆ составление программы выхода на новые рынки сбыта и др.

Проведение оценки преследует цель определения положения предпринимательской структуры на отраслевом рынке.

Достижение этой цели возможно лишь при наличии оперативной и объективной методики оценки конкурентоспособности.

Одним из методов оценки конкурентоспособности является метод моделирования.

Общеметодологические требования, предъявляемые к системе показателей, характеризующих сложные социально-экономические объекты, подробно исследованы в литературе. Применительно к рассматриваемым проблемам оценки конкурентоспособности их можно обобщить следующим образом:

- ◆ система показателей должна, с одной стороны, наиболее полно охватывать цели и задачи социально-ориентированной деятельности предпринимательской структуры, а с другой стороны быть практически реализуемой, т.е. информационно обеспеченной и достаточно компактной;
- ◆ показатели, входящие в систему, должны отвечать требованиям репрезентативности, аддитивности, однозначности, сопоставимости, допускать интегрирование.

Рассмотренный подход можно представить в виде структурно-логической схемы. Разработанный алгоритм оценки конкурентоспособности предприятий включает 6 основных этапов.

Этап 1. Для предприятий, отобранных для расчета, проводится сбор исходной информации, в том числе, проводится обоснование необходимости оценки уровня конкурентоспособности.

Этап 2. Обосновывается и формируется система показателей, по которым будет оцениваться уровень конкурентоспособности предприятий и собираются по этим показателям данные. В качестве основных показателей, влияющих на уровень конкурентоспособности предприятия на основе развития социально-ориентированной деятельности, выступают социально-экономические показатели.

Этап 3. Рассчитывается состав оценочных показателей, характеризующих уровень конкурентоспособности предпринимательской структуры. Для каждого предприятия, вошедшего в группу, и вида ресурса определяется величина конечного показателя (в натуральных или условно-натуральных единицах). Перечень оценочных показателей устанавливается единым для всех анализируемых предприятий и определяется на один и тот же момент времени.

Этап 4. Для того чтобы было можно произвести оценку уровня конкурентоспособности, необходимо воспользоваться методом интегральной оценки. Это связано с тем, что для его характеристики используются множество показателей, для которых отсутствуют нормативные значения или имеются различия в уровне рекомендуемых нормативов. Для преодоления сложностей мы предлагаем применить индексный метод оценки социально-экономического состояния, при котором производится сведение многокритериального способа оценки финансового состояния к однокритериальному способу, т.е. мы должны нормировать указанные показатели относительно максимального или минимального значения.

Этап 5. Роль и степень влияния каждого из показателей на величину уровня конкурентоспособности на основе развития социально-ориентированной деятельности, различны. Для учета этого обстоятельства необходимо ввести своего рода поправочные коэффициенты, которые количественно характеризовали бы меру участия каждого из показателей в достижении и изменении соответствующего уровня конкурентоспособности. Для этого используются коэффициенты значимости (a_i), оценивающие роль и значение мнения респондентов о влиянии показателей на повышение уровня конкурентоспособности предпринимательской структуры. Коэффициенты значимости того или иного оценочного показателя предлагается определять методом Саати, используя для расчетов матрицу рангов.

Этап 6. Предлагаемая методика оценки уровня конкурентоспособности предпринимательской структуры, основывается на применении факторного подхода, когда каждый из групповых оценочных показателей рассматривается как один из ее частных критериев, характеризующий какую-то одну из сторон.

В качестве обобщающего показателя предлагаем использовать интегральный показатель в аддитивной форме:

$$K_I = \sum_{s=1}^n K_s * \sigma_s \quad (1)$$

K_I — интегральный уровень конкурентоспособности i предпринимательской структуры;

K_s — конкурентоспособность обеспеченная s фактором;

σ_s — весомость фактора s ;

n — число оцениваемых факторов.

Показатели, характеризующие уровень состояния социально-ориентированной деятельности, определяются при составлении плана социального развития предпринимательской структуры и отчетности по данному плану. Поскольку структуры значительно отличаются друг от друга по условиям и влияющим на производство факторам, показатели социально-ориентированной деятельности должны рассматриваться в динамике по годам, и будут характеризовать степень развития структуры в социальном направлении.

Показатели социально-ориентированной деятельности могут быть использованы при сравнении уровня социально-ориентированной деятельности предпринимательских структур внутри отрасли или на определенной территории. Показатели социально-ориентированной деятельности, так же как и наличие планов социального развития и анализ их реализации, могут выступать полезными инструментами при организации отношений владельцев предпринимательских структур с социальными партнерами: трудовым коллективом, территориальным сообществом и местной властью.

Оценка уровня конкурентоспособности предпринимательской структуры, обеспечиваемого социально-ориентированной деятельностью, основана, прежде всего, на использовании открытой информации, которая может представляться в обязательном и добровольном порядке. В данном случае в качестве источников могут использоваться: годовой отчет; ежеквартальная отчетность; годовой социальный отчет; годовая финансовая отчетность предпринимательской структуры; внутренняя документация и социальная отчетность. Для сбора дополнительной информации мы предлагаем использовать метод экспертного опроса на основе специально разработанных анкет, в которых будут поставлены вопросы в соответствии с проводимыми исследованиями и анализом.

Рассмотренный методологический подход позволяет сформировать в соответствии с вышеназванными требованиями следующие научно-методические принципы

формирования уровня конкурентоспособности на основе развития системы социально-ориентированной деятельности исследуемой предпринимательской структуры:

- ◆ оценка уровня конкурентоспособности должна иметь количественные выражения и носить интегральный характер, т.е. объединять в себе, с одной стороны, влияние всего комплекса показателей, организующих этот уровень, а с другой стороны — как социальные, так и экономические ее аспекты;
- ◆ оценка уровня конкурентоспособности может быть обеспечена показателями, включающей в себя основные экономические и социально-экономические результаты деятельности;
- ◆ система названных показателей должна обеспечивать оценку уровня конкурентоспособности как всей исследуемой предпринимательской структуры в целом, так и отдельных составных ее элементов (подразделений, цехов и т.п.);
- ◆ расчет каждого из показателей должен осуществляться по единой методике, базирующейся на изложенном выше методологическом подходе;

- ◆ в основу расчета показателей оценки уровня конкурентоспособности исследуемой предпринимательской структуры должен быть положен интегральный метод с обязательным применением процедуры установления относительной значимости отдельных показателей определяющих их численное значение для каждого из указанного показателя;
- ◆ основным заданным результатом следует признать определение уровня конкурентоспособности предпринимательской системы;
- ◆ основным результатом, достигнутым в процессе исследования следует считать определение влияния показателей на уровень конкурентоспособности предпринимательской структуры;
- ◆ комплексная оценка уровня конкурентоспособности исследуемой предпринимательской структуры должна включать в себя также показатели, характеризующие объемы затрат на информатизацию деятельности и проведение социальных программ и влияния социально-ориентированной деятельности на результаты работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беленов О. Н., Анучин А. А. Конкурентоспособность стран и регионов; КноРус — М., 2018. — 144 с.
2. Ершов, С. А. Трансформация подходов к исследованию инновационного потенциала предприятий в условиях развития информационных технологий / С. А. Ершов // Креативная экономика-2012. — № 4
3. Литвиненко О. А. Концептуальные аспекты системы управления информатизацией предприятия // Научно-технический вестник СПбГУ ИТМО. — 2011. — № 1 (71). — С. 120–123.
4. Лифиц И. М. Конкурентоспособность товаров и услуг: моногр.; Юрайт — М., 2015. — 145 с.
5. Малое и среднее предпринимательство в России. 2017: Стат.сб./ М 19 Росстат. — М., 2017. — 78 с. (электронный ресурс) http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/mal-pred17.pdf
6. Портер М. Е. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов: Пер. с англ. 2-е изд. М., 2006.
7. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М.: Новости, 1992

© Лукьянова Анна Васильевна (avlukyanova@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСКАЖЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ СОВЕТА ДИРЕКТОРОВ

DISTORTIONS IN THE DECISION-MAKING PROCESS OF THE BOARD OF DIRECTORS

M. Nikishova

Summary. The article considers the decision-making process by the board of directors as a social group, which is characterized by various kinds of distortions and problems. The analysis of distortions and problems arising in decision-making by the board of directors as a social group is carried out: distortions of individual decision-making by a person, distortions of group decision-making and distortions directly related to the company and the specifics of boards of directors.

Keywords: supervisory board, independent director, group dynamics, decision-making process, corporate governance, corporate decisions, collegial management body, social group, cognitive distortions .

Никишова Мария Игоревна

Аспирант, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации (Москва)

08.00.05

mary@nikishof.com

Аннотация. В статье рассматривается процесс принятия решений советом директоров как социальной группой, для которой характерны разного рода искажения и проблемы. Проведен анализ искажений и проблем, возникающих при принятии решений советом директоров как социальной группой: искажения индивидуального принятия решений человеком, искажения группового принятия решений и искажения, связанные непосредственно с особенностями компании и спецификой деятельности советов директоров.

Ключевые слова: наблюдательный совет, независимый директор, групповая динамика, процесс принятия решений, корпоративное управление, корпоративные решения, коллегиальный орган управления, социальная группа, когнитивные искажения.

Введение

Целью создания первого Совета директоров в XVII веке в Ост-Индской компании (East India Company) было разделение функций собственности и управления. С тех пор принято считать, что деятельность совета директоров направлена на выработку объективных независимых суждений и принятие решений, отвечающих интересам компании, её собственников и иных стейкхолдеров.

Вместе с тем, случаи краха крупнейших корпораций после неверно принятых решений членами советов директоров Enron, WorldCom, Vivendi [18] случаи с ФК «Открытие» и отзывом лицензий Банком России у многих российских банков дают повод задуматься о том, что причины неверных решений были сопряжены с различными факторами, оказывавшими влияние на принятие решений [23]:

- ◆ Совет директоров принимал решения под сильным влиянием собственника, то есть не являлся независимым при принятии решений.
- ◆ Члены совета директоров не обладали достаточной информацией, часть данных от них были скрыты.
- ◆ Директора не обладали достаточным количеством времени или желания для анализа всей необходимой информации.
- ◆ Директора полагались на мнение топ-менеджмента, не проводя собственную дополнительную оценку положения дел в компании по стратегически важным вопросам.

- ◆ Директора имели неполное представление об операционной деятельности.
- ◆ У стейкхолдеров, влиявших на принятие корпоративных решений, отличались ценности и интересы, было желание владеть определенным ресурсом.

Все перечисленные факторы говорят о воздействии на процесс принятия решений свойств, характерных для человека: высокая степень внушаемости, значительное воздействие эмоций, а также привычек и обычаев на принятие решений, потеря независимости в связи ресурсными ограничениями, ограниченность в способности к обработке большого массива информации за определенный период времени [23].

В связи с этим не стоит забывать, что совет директоров является социальной группой — объединением людей, неизбежно подвергающихся искажениям в процессе принятия решений. Причем на принятие решений влияют как искажения, характерные для любой социальной группы, так и искажения, связанные со спецификой компании и роли совета директоров в ней. Так, на процесс принятия решений может влиять корпоративная культура, опыт и статус отдельных членов совета директоров. Кроме того, совет директоров состоит из отдельных личностей с уникальным набором ценностей, собственных интересов и субъективных выгод. Всё это неизбежно влияет на фактическую независимость (в данном случае речь идет не о формально принятом соответствии критериям независимости) и проработанность решений данного коллегиального органа.

Однако, несмотря на то что тема влияния «групповой динамики», «группового мышления» на деятельность совета директоров периодически затрагивается тем или иным образом в официальных документах, руководствах и изданиях по тематике корпоративного управления, систематизация искажений, присущих советам директоров как социальным группам не производилась.

При этом возможности передовых технологий, суперкомпьютеров на базе искусственного интеллекта, усиливают актуальность проблемы «человеческих» искажений. Уже сейчас системы на базе искусственного интеллекта применяются в системах, сопоставимых с управлением компанией. Например, в баскетбольной лиге NBA, где работу тренера в части «кадровых решений» взял на себя IBM Watson, суперкомпьютер определяет, какого игрока следует выпустить на поле для замены выбывшего. Искусственный интеллект проводит анализ результатов игр, лент в социальных сетях и иных данных, формируя представление о команде, как о некой системе, в которой каждый игрок имеет свое назначение и эффективность, подобно компании. После этого искусственный интеллект делает заключение, зачастую неочевидное для тренера, но подходящее для обеспечения работоспособности системы в условиях игры. При необходимости IBM Watson предлагает купить новых игроков, оценивая их профили в соответствии с финансовым положением команды. Deloitte Analytics Institute [11] анализируют текучесть кадров, определяя, сколько сотрудник будет работать в конкретной компании. Сбербанк запустил систему предиктивной аналитики — разработанная модель прогнозирует выручку компаний за девять месяцев до публикации её отчетности. Таким образом, подобные системы с элементами искусственного интеллекта могут применяться в области управления бизнесом. В связи с этим возникает вопрос эффективности человеческих решений в сравнении с «машиной». Чтобы подойти к ответу на этот вопрос, прежде всего, необходимо выявить искажения, присущие человеку в процессе принятия корпоративных решений.

Таким образом, целью данного исследования является определение искажений и проблем, возникающих при принятии решений советом директоров как социальной группой. Задачами является выявление искажений индивидуального принятия решений человеком, искажений группового принятия решений и искажений, связанных непосредственно с особенностями компании и спецификой деятельности советов директоров.

Методы исследования

В исследовании применяются методы сбора и обобщения (метод синтеза) и систематизации информации,

полученной из официальных информационных ресурсов, иных источников информации, в том числе руководств для советов директоров и различных материалов, описывающих искажения и проблемы в процессах принятия человеческих решений.

Результаты и обсуждения

Темы особенностей принятий групповых решений поднимаются как в России, так и за рубежом. Например, в британском Руководстве по эффективности совета директоров (Guidance on Board Effectiveness) отмечается, что зал заседаний должен являться местом для активных дебатов, где важнейшими особенностями являются наличие вызова, поддержки, разнообразия мыслей и командная работа. Разнообразие навыков, опыта и личных качеств является важнейшей движущей силой для эффективной работы совета директоров, позволяющей вырабатывать различные точки зрения членами совета директоров и подавляющей тенденции к «групповому мышлению» [19]. В Письме Банка России «О руководстве для членов совета директоров (наблюдательного совета) финансовой организации» также отражается точка зрения о том, что «групповое» и «шаблонное мышление» может подавляться благодаря сочетанию опыта и различных компетенций членов Совета директоров [15]. Таким образом, отмечаются положительные эффекты коллегиального принятия решений советом директоров. Однако, О. Миллер придерживается иной точки зрения о групповом мышлении в совете директоров, поясняя, что довольно часто можно услышать о плюсах того, что совет директоров является коллегиальным органом управления: решения принимаются коллективно, что позволяет использовать знания, опыт и квалификацию, которые привносит каждый член совета директоров, но мы очень редко говорим о «темной стороне луны» — о том, что совет директоров — это не только орган управления, но и социальная группа. И как у любой социальной группы в каждом совете директоров возникает своя групповая динамика — особенности поведения людей в групповом взаимодействии, характер их отношений друг с другом» [16]. Пример негативного влияния групповой динамики на деятельность совета директоров также можно увидеть в книге Р. Лебланка: «Советы — это тема социальной науки. Тут нужно быть антропологом. Например, у вас двенадцать талантливых людей, но как коллектив совет не справляется, потому что между членами совета не налажен контакт — групповая динамика» [9]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что совет директоров как социальная группа обладает признаками, характеристиками и особенностями, присущими практически любой социальной группе, вырабатывающей и принимающей коллегиальные решения и, как и в любой социальной группе, при принятии решения, кроме положительных эффектов, имеют место разного рода искажения и проблемы.

Таблица 1. Искажения в процессе принятия решений советом директоров

Искажения группового принятия решений	Индивидуальные искажения принятия решений	Искажения, связанные с работой компании и работой в совете директоров
Влияние лидера мнений на группу. В том числе определение стратегических ориентиров в развитии группы; мобилизация членов группы на достижение тех или иных групповых целей; социальный арбитраж в конфликтных ситуациях, поддержка порядка [14]; склонность к принятию точки зрения схожей с лидером.	Иллюзия прозрачности — склонность людей переоценивать способность окружающих понимать их истинные мотивы и переживания [17].	Давление председателя совета директоров или лидера мнений на мнения членов совета директоров. «Ошибка чемпиона» и «менеджмент подсолнухов»- иерархические искажения в силовой вертикали. В зависимости от того, как вы организываете процессы принятия решений, когда Председатель Совета директоров говорит первым, вероятность того, остальные члены СД выступят с несогласным мнением, намного ниже, чем, если есть правило, что боссы в иерархии — это те, кто высказывается последними [5].
Размытая ответственность каждого: эффекты «Социальной лениности» М. Рингельмана и «распределения ответственности», когда интенсивность работы членов группы и их усилия значительно снижаются, а ответственность перекладывается на группу [12].	Ретроспективное искажение — пропуск памяти о произошедших событиях сквозь призму нынешнего знания, определенного ограниченного опыта [8].	Попытка в первую очередь найти членами совета “правильное” решение проблемы вместо анализа причин, приведших к этой проблеме. Опора в большей степени на уже имеющиеся знания, чем на анализ и вычисления в конкретной ситуации.
Эффект поляризации: мнение группы после обсуждения «сдвигается» в сторону одного из полюсов — крайнего риска или крайней осторожности. Стоунер в 1961 г. установил, что в процессе обсуждения и принятия решений группой имеет место феномен, получивший название «сдвиг риска». Он проявляется в том, что группа чаще принимает более рискованные решения, чем ее отдельные члены, принимающие решения самостоятельно, на свой страх и риск [10].	Иллюзия корреляции — привычка видеть взаимосвязь в следующих друг за другом событиях, хотя в реальности этой связи нет [13].	Члены Совета директоров не соблюдают баланс между рассмотрением операционных, стратегических и процедурных вопросов. Концентрация на операционных вопросах или, наоборот, отсутствие понимания, что происходит на производстве/в операционной деятельности.
Эффект повального увлечения — тенденция делать (или верить в) вещи, потому что много других людей делают это (или верят в это) [13].	Сверхоптимизм, завышенные ожидания от решения [5].	Присоединение к мнению большинства, когда член совета директоров не решается высказаться, потому что принятое решение популярно у большинства, предпочтение «нулевого» риска и низкая мотивация к отстаиванию альтернативной точки зрения.
Не подвергающаяся сомнению вера в высокий морально-нравственный уровень группы, и как следствие игнорирование членами группы последствий своих действий [21].	Эгоцентризм в решениях, ориентация на себя, на собственную выгоду, без внимания к другим возможным последствиям.	Несбалансированность совета директоров по опыту и компетенциям, необходимым для принятия адекватных стратегии компании решений.
Игнорирование сигналов извне, которые могут поставить под сомнение заключения, сделанные группой, склонность к более широко известной информации в ущерб малоизвестной [21].	Отбрасывание рациональных аспектов, принятие решений на основании симпатий, настроения.	Слишком большой состав совета приводит к трудноуправляемой динамике заседаний, сумбурным повесткам дня и поверхностным обсуждениям [2].

Таблица 1 (продолжение). Искажения в процессе принятия решений советом директоров

Искажения группового принятия решений	Индивидуальные искажения принятия решений	Искажения, связанные с работой компании и работой в совете директоров
Негативная стереотипизация оппонентов группы как слабых, предвзятых, злобных или глупых [21].	Уверенность руководителя в том, что он непогрешим, отказ от здравых советов других людей. Уверенность в своей интуиции и компетентности, непонимание границ собственных профессиональных навыков [6].	Ошибки в планировании работы совета директоров — недооценка времени, требуемого на обсуждение вопроса повестки заседания.
Иллюзия единогласия, молчание принимается как знак согласия [21].	На принятие решений влияет «туннельный эффект» [6].	Нарастающие объемы материалов к заседаниям совета директоров, с которыми член совета директоров не успевает ознакомиться до заседания.
«Контролеры мышления» — самоназначенные члены группы, которые ограждают группу от информации, противоречащей общему мнению группы [21].	Предубеждение слепого пятна — распознавание искажений восприятия у других людей, а не у себя [3].	Необходимость регулировать интересы стейкхолдеров и принимать решения с учетом их ожиданий, а не только исходя из результатов деятельности компаний и плана ее развития.
«Групповая поляризация» — в ходе групповой дискуссии разнородные мнения и позиции участников не сглаживаются, а оформляются в две полярно противоположные позиции, исключая любые компромиссы [7].	Иллюзия контроля — тенденция людей верить, что они могут контролировать или, по крайней мере, влиять на результаты событий, на которые они на самом деле влиять не могут [1].	Избыточное доверие менеджменту, предоставляющему не всегда достоверные и проработанные материалы. Тенденция снабжать вышестоящее руководство преимущественно положительно воспринимаемой информацией [4].
Феноменом «группомыслия» — ради согласия в группе ее члены предпочитают не выдвигать альтернативные варианты [4].	Селективное восприятие — склонность людей уделять внимание тем элементам окружения, которые согласуются с их ожиданиями, и игнорировать остальное [4].	Дороговизна и избыточность систем внутреннего контроля и отчетности для предоставления качественной аналитики совету директоров
Конформность, конформизм — стремление снизить групповой когнитивный диссонанс, избежать разногласий, споров и конфликтов [4].	Медленная реакция на разного рода события как следствие медленных информационных потоков, увеличение количества информации, «белого шума», который не позволяет увидеть риски [23].	Невозможность за счет компании проводить дополнительную экспертизу, привлекать консультантов и экспертов для принятия более качественных решений по отдельным вопросам.
Ложный консенсус или «Парадокс Абилина», согласно которому группа людей может принять решение, противоречащее возможному выбору любого из членов группы из-за того, что каждый индивидуум считает, что его цели противоречат целям группы, а потому не возражает [20].	Предвзятость подтверждения — нахождение данных, которые подтверждают нашу точку зрения, и игнорирование данных, которые ей противоречат [22].	Влияние организационной культуры компании на процесс принятия решений. Совет директоров может быть сформирован собственником по принципу номинального органа управления. Нередко совет директоров сталкивается с доминирующей ролью акционеров при принятии решений.
		Формирования коалиций, конфликты внутри Совета директоров или манипуляции для овладения субъективно оцениваемой выгодой.

Составлено автором

Автор придерживается точки зрения о том, что совет директоров в процессе принятия решений неизбежно сталкивается с такими искажениями. В связи с этим на момент публикации исследования было проанализировано более 40 источников информации и собственных наблюдений, на основе которых выделены наиболее распространенные искажения, характерные в различных ситуациях для совета директоров в процессе принятия решений. (Примечание: перечисленный в Таблице 1 набор искажений не является исчерпывающим).

Перечисленные в Таблице 1 наиболее распространенные проблемы и искажения при принятии решений могут являться ограничениями только «человеческими» и проявляться в ходе социального взаимодействия. Учитывая риски неверно принятых советом директоров решений, неизбежно возникает вопрос, может ли система на основе искусственного интеллекта полностью

заменить человека в качестве члена совета директоров, избежав перечисленных искажений и проблем? По мнению автора, учитывая функционал уже существующих систем, часть функций совета директоров в скором времени действительно может быть передана «машинам». Они станут эффективным ассистентом — компетентным аналитиком, берущим на себя значительную часть операций с данными, которые с учетом нарастания массивов информации должен в настоящее время обработать член совета директоров. Например, такими операциями смогут стать аудит, анализ конкурентов, анализ аффилированности и независимости директоров, анализ контрагентов, рекомендации по суммам вознаграждений членов совета директоров и др. Тем не менее, балансировка в регулировании интересов, ожиданий и предпочтений стейкхолдеров, а также ответственность за принимаемые решения должны оставаться в руках человека, оставляя за собой право на перечисленные искажения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андриевская Т. Когнитивные искажения в коучинге, или что находится под поверхностью наших «как если бы»? [Электронный ресурс] / Т. Андриевская. URL: <https://erickson.ru/publications/articles/articles-professionals/52498-kognitivnye-iskazheniya/>.
2. Жан Пуссон о слагаемых успеха и неудач советов директоров. URL: <http://www.nand.ru/professional-information/news/28291/>.
3. Иллюзии мозга: Когнитивные искажения из-за переизбытка. URL: <https://econet.ru/articles/170043-illyuzii-mozga-kognitivnye-iskazheniya-iz-za-pereizbytkainformatsii>.
4. Искажения информации в коммуникативных. URL: <https://poznayka.org/s14144t1.html>.
5. Искажения и обманы в стратегических решениях. URL: <https://www.talent-management.com.ua/3521-iskazheniya-i-obmany-v-strategicheskikh-resheniyah/>.
6. Канеман, Д. (2014). Думай медленно... решай быстро. — М.: АСТ. С. 598.
7. Климова А.В., Костылева П. Ю., Рудаева О. И. Решение социальной дилеммы в группе: эвристики и групподинамические эффекты // Организационная психология. — 2015 — № 4.
8. Когнитивные искажения. URL: <https://4brain.ru/blog/когнитивные-искажения/>.
9. Лебланк Р., Гиллис Дж. Совет директоров — взгляд изнутри // М.: ООО «Альпина Бизнес Букс» — 2006 — с.147.
10. Московичи С. Психология масс. М.: Бахрах, 1998.
11. Проекты Deloitte Analytics Institute. URL: <https://cis dai.ru/projects-ru>.
12. Стратилат К. Н. Модели возникновения социальной феномена лениности // Национальный психологический журнал. — 2017. — № 4 (28). — С. 57–66.
13. Список когнитивных искажений. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/spisok-kognitivnykh-iskazheniy>.
14. Херманн М. Стили лидерства в формировании внешней политики // Политические исследования. — 1991. — № 1. — С. 91.
15. Центральный Банк Российской Федерации. Информационное письмо от 28.02.2019 № ИН-06–28/18 О руководстве для членов совета директоров (наблюдательного совета) финансовой организации. URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/59420/20190228_in_06_28-18.
16. Чем «болеют» советы директоров». URL: <http://www.nand.ru/professional-information/news/29883/>.
17. Что мешает нам быть объективными: 11 когнитивных искажений. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/7357-cto-meshaet-nam-byt-obektivnymi-10-kognitivnykh-iskazheniy>.
18. Beare, M.E. (2012). Encyclopedia of Transnational Crime and Justice. Toronto.
19. Financial Reporting Council. Guidance on Board Effectiveness — 2018. — С. 4.
20. Harvey J. B. The Abilene Paradox and other Meditations on Management // Organizational Dynamics — 1974. — Summer (vol. 3, no. 1).
21. Janis I. Victims of group-think. — Houghton Mifflin, 1972.
22. Nickerson, Raymond S. Confirmation bias: A Ubiquitous Phenomenon in Many Guises (англ.) // Review of General Psychology — 1998. — June (vol. 2, no. 2). — P. 175–220.
23. Nikishova M., Kuznetsov M. Is Artificial Intelligence a New Dawn or Challenge for Corporate Decision Making? // Managerial Perspectives on Intelligent Big Data Analytics. — Pennsylvania — IGI Global — 2019.

ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ

Чжан Гося

Доцент, Суйхуаский университет г. Суйхуа, КНР
zhang_g@list.ru

THE DEVELOPMENT TREND OF COOPERATION IN THE FIELD OF CROSS-BORDER E-COMMERCE BETWEEN CHINA AND RUSSIA

Zhang Guoxia

Summary. The key trends in the development of cooperation in cross-border e-commerce between China and Russia are considered. Detailed attention is paid to the development of e-business in the context of China's integration into the Eurasian space. Also, special emphasis is placed on the significant potential of wholesale sales, use for the purchase of mobile phones and applications, social networking information.

Keywords: China, Russia, e-commerce, trade, marketplace .

Аннотация. Рассмотрены ключевые тенденции развития сотрудничества в сфере трансграничной электронной коммерции между Китаем и Россией. Детальное внимание уделено развитию электронного бизнеса в контексте интеграции Китая на евразийское пространство. Также особый акцент сделан на значительном потенциале электронной коммерции в сфере оптовых продаж, использовании для покупки мобильных телефонов и приложений, информации из социальных сетей.

Ключевые слова: Китай, Россия, электронная коммерция, торговля, маркетплейс.

В условиях глобальных трансформаций в мировой экономике происходит перемещение денежных потоков в сферу электронного бизнеса, что свидетельствует о растущем влиянии интернет-технологий на глобальные мировые экономические процессы. Современный мир существует в условиях революционных изменений в области информационного обеспечения жизни, превращая тем самым информационные технологии и коммуникационные системы в стратегически важную жизненную ценность [1]. Происходит зарождение так называемой «электронной экономики», которая задает принципиально новое измерение и стратегическое направление развития отрасли товарного обращения, формируя новую инфраструктуру системы услуг.

Интернет-торговля является наиболее развитой в странах, имеющих высокий уровень готовности к электронному бизнесу. Так в 2018 году Китай стал лидером в мире по уровню продаж в электронном виде, его доля достигла отметки 47%, что в денежном эквиваленте составляет около 900 млрд. долл. США.

Китайские площадки (Alibaba, Aliexpress и другие) занимают уже почти треть мирового рынка электронной коммерции (см. рис. 1) и проникают на рынки других стран, успешно конкурируя с локальными онлайн-ритейлерами.

Китай также лидирует по объемам товарооборота через Интернет, в разрезе стран-лидеров он занимает первое место с оборотом в 2018 г. в 653 млрд. долл.

Особое внимание для китайских площадок представляет российский рынок, поскольку Россия имеет крупнейший потребительский рынок в Центральной и Восточной Европе, количество потенциальных потребителей которого превышает 140 млн. человек. Уровень подключения к Интернету за прошедшие два года в стране вырос почти по всем возрастным категориям. Количество Интернет-пользователей достигло 85 млн. чел. в 2018 г. [3]. Но при этом, рынок электронной коммерции в РФ еще находится на этапе становления и имеет огромный потенциал для роста.

В данном контексте особую актуальность приобретает развитие сотрудничества в сфере трансграничной электронной коммерции между Китаем и Россией, тем более, что в 2017 году министры стран БРИКС подписали «Инициативу стран БРИКС, определяющую направление сотрудничества в сфере электронной коммерции» (BRICS E-commerce Cooperation Initiative) [4].

Китайско-российская двусторонняя торговля, при условии эффективной внешнеэкономической политики и рационального использования ресурсного потенциа-

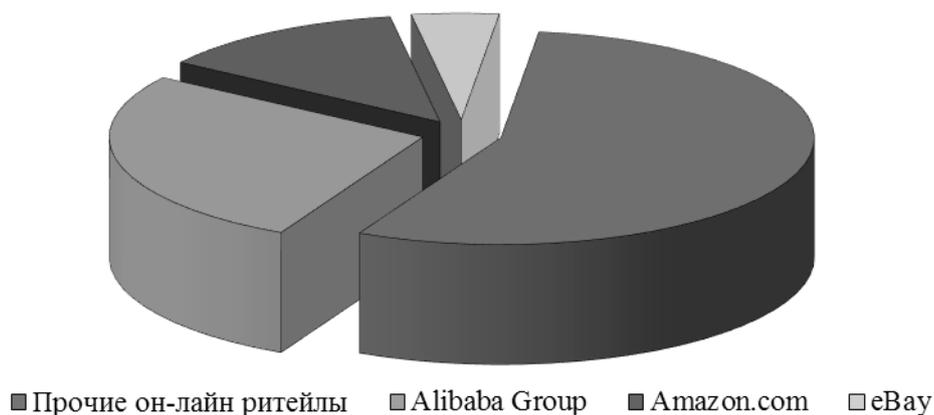

Рис. 1. Доли топ-3 мировых игроков электронной коммерции в 2018 году (%) [2]

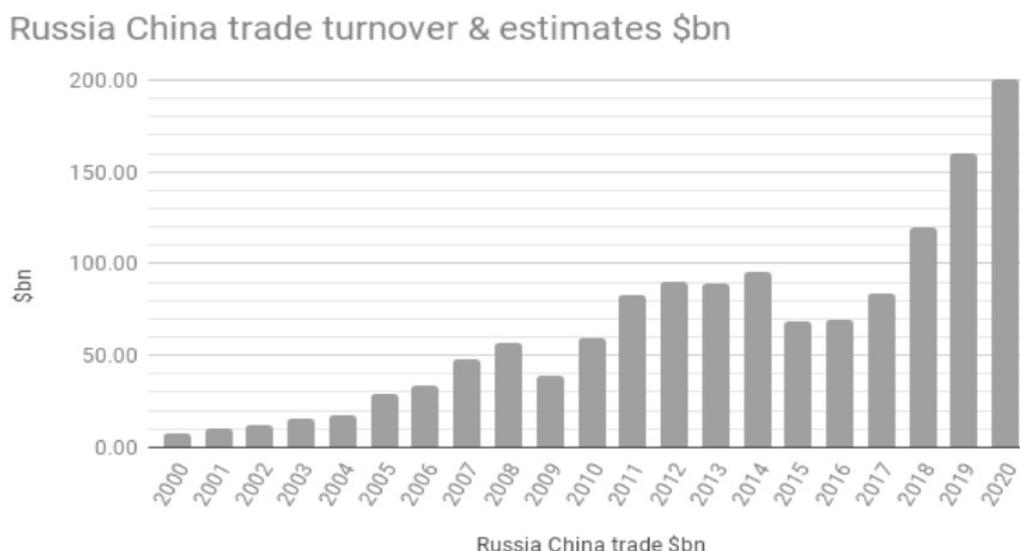

Рис. 2. Торговый оборот между Китаем и Россией [5]

ла двустороннего сотрудничества, имеет значительные перспективы развития. Так, по данным китайской таможи, товарооборот между КНР и Россией за январь-апрель 2018 года увеличился на 27,3%, достигнув 31,1 млрд. долл. При этом экспорт России в КНР рос быстрее, чем импорт китайских товаров в РФ. За четыре месяца поставки из России увеличились на 32,8% (до 17,3 млрд.), тогда как рост поставок из КНР в РФ составил 21,1% (до 13,9 млрд. долл.) [5] (см. рис. 2).

Таким образом, с учетом вышеизложенного, исследование особенностей развития трансграничной электронной коммерции между Китаем и Россией с учетом реализации китайскими производителями не только пассивной оборонительной тактики торговой защиты, но и активного внедрения наступательной стратегии

получения преимуществ за счет интеграционных союзов приобретает особую актуальность, теоретическую и практическую значимости, что и обуславливает выбор темы данной статьи.

Исследованиями теоретических и научно-прикладных аспектов электронной торговли занимались в целом в мире такие ученые, как Г. Дункан, В. Звасс, Д. Козье, А. Саммер, Л. Стюарт, В. Триз, В. Апоп, А. Бубличенко.

Непосредственно развитию трансграничных торговых отношений Китая с другими странами, в том числе, и с Россией посвящены труды Chen Y., Hui D., Seong J., Жуджунь Д., Цзюнь Жун Х. Ван Пэн, Чен Хунцзи, Чжан Юань, Ли Чжоу. Указанные авторы подробно рассматривали основные проблемы и перспективы развития

Интернет-торговли в КНР, отмечая, что отсутствие какой-либо деятельности со стороны производственных компаний во всемирной сети расценивается как недостаток.

Однако существующее положение двустороннего сотрудничества КНР и России в сфере электронной коммерции, доминантные факторы, негативные тенденции, влияющие на экономическую безопасность Китая, проблемы расширения и последующей трансформации торговых отношений в условиях глобальной экономики недостаточно освещены.

Поэтому в современных условиях, для которых характерны значительные диспропорции в развитии мировой экономики, с одной стороны, и быстрые трансформационные преобразования в области ИКТ и инноваций — с другой, требует углубленных исследований значительный объем неотложных вопросов, касающихся будущих специфических особенностей и определяющих тенденций дальнейшего развития электронной коммерции между Китаем и Россией, что в целом обуславливает целевую направленность проводимого исследования.

Китай активно использует возможности электронной коммерции для трансграничного продвижения товаров на зарубежные рынки, как через прямые продажи, так и посредством развития дропшипинга и других форм экономической кооперации.

Одна из ключевых тенденций сотрудничества в трансграничной электронной коммерции между Китаем и Россией, которая на сегодняшний день активно развивается — это создание и использование Китаем совместно с Россией распределительной инфраструктуры электронной коммерции.

Через эту инфраструктуру можно направить товарные потоки из Китая в различные страны мира. Эта инфраструктура должна быть способна одновременно проводить товары из Китая на рынки СНГ, на практике позволяя КНР интегрироваться в единое евразийское экономическое пространство. В свою очередь в распределительной логистике России пока ещё сохраняется важное преимущество перед зарубежными конкурентами — единое русскоязычное пространство как основа для экономической интеграции.

Если Китай сделает ставку на развитие распределительной инфраструктуры электронной коммерции при участии России, а не на транзитные перевозки, то это позволит стране создать базу для интеграционных экономических процессов в рамках зоны свободной торговли CAFTA (*China and ASEAN free trade area*), на базе стран — членов АСЕАН, а также интегрироваться в рас-

пределительную инфраструктуру сетевой экономики на постсоветском пространстве.

Китай в рамках развития проекта «Один пояс — один путь» стремится закрепиться на пространстве стран ЕАЭС. В данном случае развитие трансграничной электронной торговли с Россией играет очень важную роль в достижении поставленных целей. В частности, представляется, что Китай способен составить существенную конкуренцию странам региона и занять доминирующую позицию в торговых отношениях с ними. В данном контексте ключевая тенденция развития сотрудничества в трансграничной электронной коммерции между Китаем и РФ проявляется в создании КНР единого цифрового пространства ЕАЭС, которое может способствовать углублению его интеграционных процессов на евразийском пространстве, а также ликвидации препятствий и ограничений. Для Китая и России с целью углубления и повышения сотрудничества в электронной сфере следует выработать единые требования по развитию электронной торговли, единой цифровой инфраструктуры, экосистемы цифрового пространства и использования цифровых технологий в системе госрегулирования и контроля для развития бизнес-среды.

Ключевыми направлениями сотрудничества являются: развитие правовой базы и законодательства, что необходимо для формирования единого цифрового пространства и цифровой трансформации экономик Китая и России; формирование единого цифрового пространства как одного из важнейших каналов для роста взаимного товарооборота при помощи механизмов электронной торговли; популяризация практики использования информационно-коммуникационных технологий для увеличения эффективности трансграничного взаимодействия среди государственных органов, субъектами хозяйствования и физлицами; воплощение в жизнь совместных проектов и программ, которые будут направлены на цифровую трансформацию экономик Китая и России.

В условиях недостаточного развития традиционных каналов товародвижения именно электронная коммерция, активно поддерживаемая эффективной распределительной инфраструктурой, является одним из тех механизмов, которые позволят обеспечить прирост взаимной торговли Китая и РФ примерно на 20% ежегодно.

Значительные перспективы для развития трансграничной электронной коммерции между Китаем и Россией имеет активно внедряемый КНР сервис «online-to-offline» (O2O). Крупнейшие шопинг-центры Китая развивают сотрудничество с онлайн-платформами России, что позволяет потребителям выбирать вещи оффлайн, а потом покупать их по сниженным ценам

Таблица 1. Сравнительная характеристика ведущих мировых маркетплейсов

Параметр	Amazon	Ebay	Alibaba/ Aliexpress
Доставка 1) время; 2) ограничения.	1) 1 день (overnight) — высокая стоимость и только по США, не все магазины; 3–5 дней — стандарт 2) ограничения по странам доставки	1) 1 день (overnight) — высокая стоимость и только по США, не все магазины; 3–5 дней — стандарт (обычно бесплатно) 2) ограничения по странам доставки на отдельные товары	1) 20–35 дней 2) нет ограничений по странам доставки
Цены	Высокие	Средние	Низкие
Ориентация на опт / розница	Розница	Преимущественно розница	Преимущественно групповые покупки
Требования к товару и упаковке	Высокие	Невысокие	Отсутствуют
Ориентация на бренд	Преимущественно известные бренды	Микс	Преимущественно ноунейм товары
Возможность прямого общения с продавцом	Отсутствует	Возможно	Возможно
Способы оплаты	1. Банковские карты (кредитные и дебетовые) 2. Банковские переводы 3. Подарочные предоплаченные карты (Gift card) 4. Apple pay, Amazon pay и другие NFC способы оплаты 5. COD (Cash on delivery)	PayPal	1. Alipay, 2. Карты Visa, MasterCard, 3. Перевод Western Union 4. Qiwi
Личный кабинет	+	+	+
Поиск по сайту	Удобный	Удобный	Удобный
Товарная номенклатура	Широкая	Широкая	Широкая
Группировка товаров при покупках	+	+	+

в Интернете. Кроме того, китайско-российский рынок онлайн-продаж может стремительно расти благодаря внедрению телекоммуникационных технологий четвертого поколения, что позволит достичь большей скорости и доступности.

Считаем, что, следуя трендам движения мировой электронной коммерции, должно развиваться и трансграничное сотрудничество между Китаем и Россией. В данном случае речь идет о *т-коммерции*. Сейчас доля покупателей мобильной коммерции постоянно увеличивается. В настоящее время доля мобильных покупок достигает 15% в России и 25% в КНР. Это означает, что если сегодня магазин не оптимизирован под мобильные устройства, то он теряет до 25% покупателей [6]. Развиваясь в данном аспекте, китайская площадка Alibaba объявила об использовании новых правил в своем алгоритме, предусматривающих меньшую поддержку

сайтов, которые не оптимизированы под мобильные устройства.

Так только в 2016 году известные китайские представители электронной коммерции Taobao и Tmall.com продемонстрировали потрясающие темпы роста мобильных продаж в размере 700% по сравнению с прошлым годом. Китай лидирует по доле мобильных покупателей среди интернет-пользователей.

Среди других заметных тенденций развития электронной коммерции между КНР и Россией следует отметить рост объемов трансграничной торговли онлайн, поскольку большинство пользователей пытаются осуществить максимально эффективную покупку и поэтому выходят за пределы традиционных для себя внутренних или региональных рынков. Исследование, проведенное компанией Nielsen [7], показало, что почти 57% он-

лайн-покупателей в России проводили торговые операции на торговых площадках Alibaba, Aliexpress, JD.com. Вследствие этого, представители китайского E-commerce должны проводить активное продвижение собственных ресурсов, причем не только известных, но и менее раскрученных. Важнейшим аргументом в пользу заключения трансграничных сделок является существенно меньшая цена, которая стала более важной, по сравнению с неуверенностью в качестве товара или продолжительностью его доставки.

Структура материальных товаров, реализуемых через китайские системы электронной коммерции в России, представлена следующим образом: бытовая техника и электроприборы — 48%, одежда, аксессуары, обувь — 15%, автозапчасти — 12%, предметы интерьера, мебель — 7%, детские товары — 4%, косметика и парфюмерия — 4%, другие товары — 14% [8].

В таблице 1 приведена сравнительная характеристика ведущих мировых маркетплейсов по широкому перечню параметров.

Считаем, что значительный потенциал распространения среди российских потребителей имеют китайские маркетплейсы, которые предлагают мелкий опт, поэтому рассчитаны соответственно на оптовых покупателей, не выставляющих высокие требования к упаковке, инструкциям и т.п., поскольку, они сами или поставляют товары в мелкие магазины или мастерские, или собственно осуществляют упаковку и зарабатывать на этом, или предлагают в качестве приложения при приобретении телефон в виде бонуса. В такой ситуации срок доставки не играет значительной роли. Товары на таких площадках обычно не брендовые или неизвестных брендов, но одновременно большое количество клиентов, пусть и ориентированных на низкий ценовой параметр, делает данные маркетплейсы удобной площадкой для продвижения электронной коммерции в России.

Вместе с тем, следует отметить, что на сегодня китайский рынок электронной коммерции составляет лишь 5% от общего объема розничной торговли в России, что вдвое меньше по сравнению с США и Великобританией. Это свидетельствует о больших перспективах развития китайского рынка [9].

Отдельный акцент следует сделать на том, что стимулировать трансграничную электронную коммерцию между Китаем и Россией будет широкое применение электронных денег и других новейших платежных средств, а также введение в обращение предприятиями электронной коммерции собственной валюты. Ярким представителем предприятий электронной коммерции,

использующим собственную валюту, является Alibaba, распространивший на своих площадках Alibabacoin. Данный вид виртуальной валюты применяется для приобретения мобильных приложений и совершения покупок с их использованием.

Стимулировать развитие электронной коммерции между двумя странами также позволит использование новейших технологий для рекламы продукции в сети. Внедрение технологий 3D для моделирования товаров в натуральном виде в сети с целью предоставления их более полной характеристики и привлечения новых клиентов, внедрение технологий просмотра видео с возможностью перехода в один клик от просмотра ролика в Интернет-магазинах до приобретения определенного продукта.

Также для активного развития электронной коммерции большое значение имеют социальные сети. Китайские предприятия электронной коммерции должны использовать социальные сети в качестве маркетинговой платформы для рекламы своих Интернет-магазинов в России, наращивания количества клиентов, изучения их предпочтений. На основе полученных данных они смогут разрабатывать персонализированные предложения, предлагать потребителям формировать списки пожеланий или же ознакомиться с рекомендованными друзьями товарами, услугами и тому подобное. Например, Alibaba работает над рекомендациями продукции на основе данных Facebook и имеет 22 млн. фанов в Facebook.

Активно развивается форма взаимодействия между предприятиями Китая и России, основанная на электронной коммерции B2B и B2C, то есть возможности электронной коммерции широко реализуются не только в практике розничной торговли. Так, лидером Интернет-торговли в сегменте B2C в 2017 г. в Китае стал магазин «Тяньмао» или «Тимол», являющийся частью корпорации «Alibaba Group», с долей рынка 57,4%. На втором и третьем местах расположились «Цзиндун» (21,1%) и «Сунин» (3,6%) [10].

Таким образом, подводя итоги, можно сделать следующие выводы. По объему рынка электронной коммерции мировым лидером на сегодня является Китай. Это связано с тем, что Китай имеет большое количество населения, а также низкий уровень проникновения Интернета в пределах страны, что свидетельствует о его большом потенциале.

С точки зрения развития трансграничной электронной коммерции для Китая российский рынок является очень привлекательным, поскольку объемы электронного бизнеса в России растут из года в год, ежегодно уве-

личивается количество Интернет-пользователей и тех, кто непосредственно осуществляет покупки в сети, общество открыто к внедрению новых информационных технологий, а опыт функционирования существующих субъектов электронной коммерции в России является достаточно успешным.

Ключевыми трендами развития трансграничной электронной коммерции между Китаем и Россией является увеличение количества онлайн покупателей, постоянная модернизация информационных технологий и техники, переход розничной торговли в сеть, совер-

шение маркетинга продукции, широкое распространение электронных денег, банковских карточек при расчетах, увеличение доли операций, которые осуществляются с использованием мобильных устройств, активное использование социальных сетей в электронном бизнесе.

Активному развитию китайских сетей в электронной среде России способствуют низкие цены, широкий ассортимент, уменьшение расходов хозяйствующих субъектов, отсутствие международных барьеров и ограничений во времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kwak, Jooyoung; Zhang, Yue; Yu, Jiang Legitimacy building and e-commerce platform development in China: The experience of Alibaba // *Technological forecasting and social change*. — 2019. — Vol. 139. — P. 115–124.
2. Zhao, Jingkun; Liu, Honglu; Xue, Wanxin PEST Embedded SWOT Analysis on China's E-Commerce Industry Development Strategy // *Journal of electronic commerce in organizations*. — 2019. — № 2. — P. 55–68.
3. Zheng, Yuqing; Jin, Songqing; Zhang, Jian The 21st century agribusiness in China: E-commerce, consumer preference, and competition // *Agribusiness*. — 2019. — Volume 35: Issue 1. — P. 3–5.
4. BRICS E-commerce Cooperation Initiative. BRICS, 2017. China. URL: [http://www.ranepa.ru/images/media/brics/china2016/BRICS%20E-commerce%20Cooperation%20Initiative_final%20\(2\).pdf](http://www.ranepa.ru/images/media/brics/china2016/BRICS%20E-commerce%20Cooperation%20Initiative_final%20(2).pdf)
5. Phang, David C. W. et al. How to derive causal insights for digital commerce in China? A research commentary on computational social science methods // *Electronic commerce research and applications*. — 2019. — Vol. 35.
6. E-commerce integration and economic development: evidence from China / Victor Couture, Benjamin Faber, Yizhen Gu and Lizhi Liu. London, UK: Centre for Economic Policy Research, 03 March 2018. — 51 p.
7. An introduction to China's e-commerce market // *NZ Business*. — 2018. — № 5. — P. 34–37.
8. Akram, Umair; Khan, Muhammad Kaleem Development of E-Commerce: Factors Influencing Online Impulse Shopping in China // *Journal of electronic commerce in organizations*. — 2018. — № 2. — P. 29–47.

© Чжан Гося (zhang_g@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Суйхуа

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В МАЛЫЙ И СРЕДНИЙ БИЗНЕС: ИХ ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

ALTERNATIVE SOURCES OF ATTRACTING INVESTMENTS IN SMALL AND MEDIUM BUSINESS: THEIR ADVANTAGES AND DISADVANTAGES

O. Kornyshev

Summary. the article considers the problem of the development of small and medium-sized businesses in Russia, which is associated with a lack of financial resources. Analyzed the key reasons why bank lending for small forms of entrepreneurship in modern conditions is not the most effective tool, therefore, the search for alternative sources of attracting investment is relevant. Listed and described the main models of alternative financing for the development of small and medium-sized businesses that are available to domestic entrepreneurs. Among such methods are venture financing from business incubators and accelerators, crowdfunding, state aid programs for SMEs, government orders and tenders, as well as factoring and leasing. Their key advantages and disadvantages are described. Based on the analysis, the results were summarized, within which, the most economically viable ways of attracting investments for the development of small and medium-sized businesses in Russia were identified.

Keywords: small and medium business; financing; investments; financial resources; venture financing; crowdfunding; crediting; leasing; governmental support; factoring.

Корнышев Олег Олегович

Аспирант, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет „Синергия“»
okornyshev@nes.ru

Аннотация. в статье рассмотрена проблема развития малого и среднего бизнеса в России, которая связана с дефицитом финансовых ресурсов. Проанализированы ключевые причины того, почему банковское кредитование для малых форм предпринимательства в современных условиях не наиболее эффективный инструмент, в связи с чем, актуальным является поиск альтернативных источников привлечения инвестиций. Перечислены и описаны основные модели альтернативного финансирования развития малого и среднего бизнеса, доступные для отечественных предпринимателей. Среди таких способов венчурное финансирование от бизнес-инкубаторов и акселераторов, краудфандинг, государственные программы помощи МСП, государственные заказы и тендеры, а также факторинг и лизинг. Описаны их ключевые преимущества и недостатки. На основе проведенного анализа, подведены итоги, в рамках которых, названы наиболее экономически целесообразные способы привлечения инвестиций для развития малого и среднего предпринимательства в России.

Ключевые слова: малый и средний бизнес; финансирование; инвестиции; финансовые ресурсы; венчурное финансирование; краудфандинг; кредитование; лизинг; государственная поддержка; факторинг.

Ключевую роль в процессе формирования и развития национальной экономики Российской Федерации играет малый и средний бизнес. Однако, при анализе текущего уровня развития малых форм хозяйствования, стоит отметить его невысокую долю в процессе формирования ВВП по сравнению со странами с развитой экономикой (рисунок 1).

Исходя из этого, формируются вопросы о том, почему малый и средний бизнес в России уступает ведущую роль системообразующих предприятий. И одной из ключевых причин такой проблематики выступает дефицит финансовых ресурсов, денежных средств, направленных на инвестиции в основной капитал.

Основным источником привлечения инвестиций в малый и средний бизнес является банковское

кредитование. Однако, текущая денежно-кредитная политика Банка России направлена на ужесточение условий монетарной политики, в том числе путем повышения уровня процентной ставки рефинансирования коммерческих банков, напрямую влияя и на процентные ставки кредитных продуктов. Кроме того, если мы смотрим на рынок стартапов являющихся важной частью МСП сегмента — это высоко рисковые проекты, получение кредита которыми изначально маловероятно.

Для банков кредитование малого и среднего бизнеса довольно рискованное направление деятельности. Согласно статистике ЦБ РФ, ежегодно увеличивается просроченная задолженность кредитного портфеля отечественных банков при постоянном уменьшении объемов предоставляемых кредитов (рисунок 2).

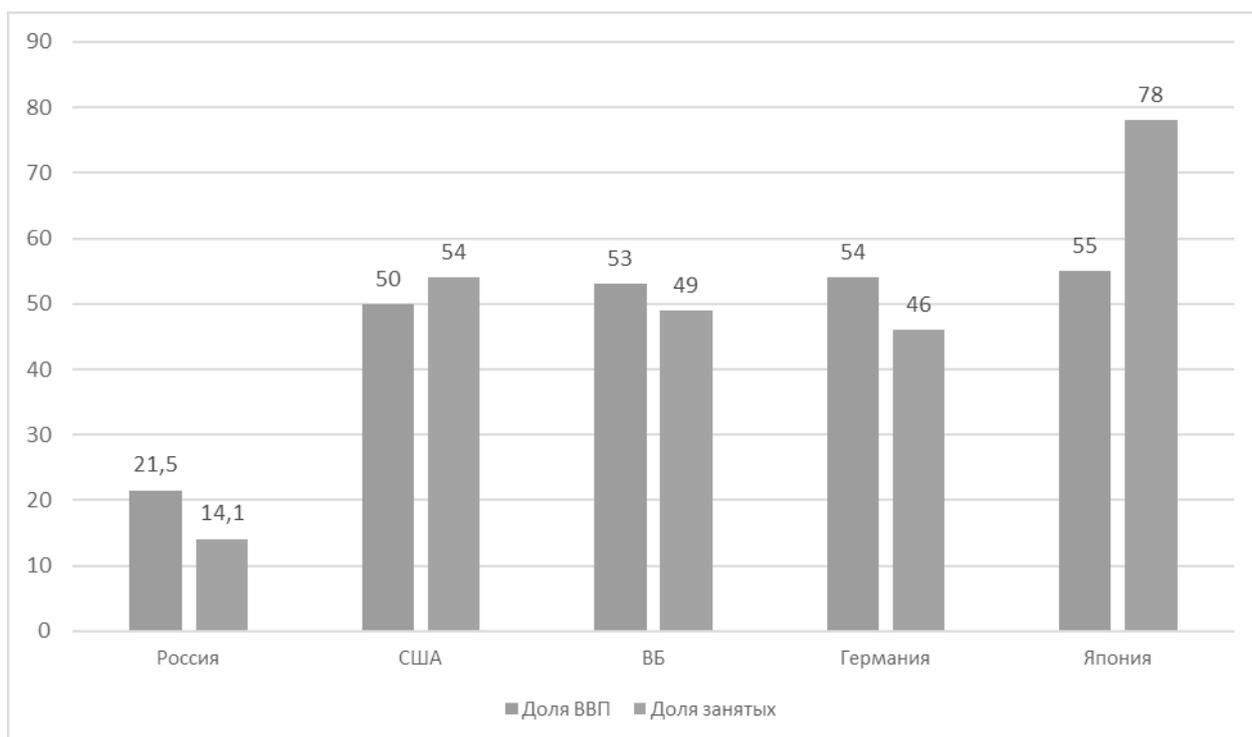

Рис. 1. Доля МСП при формировании ВВП и рынка труда [1, с. 171].

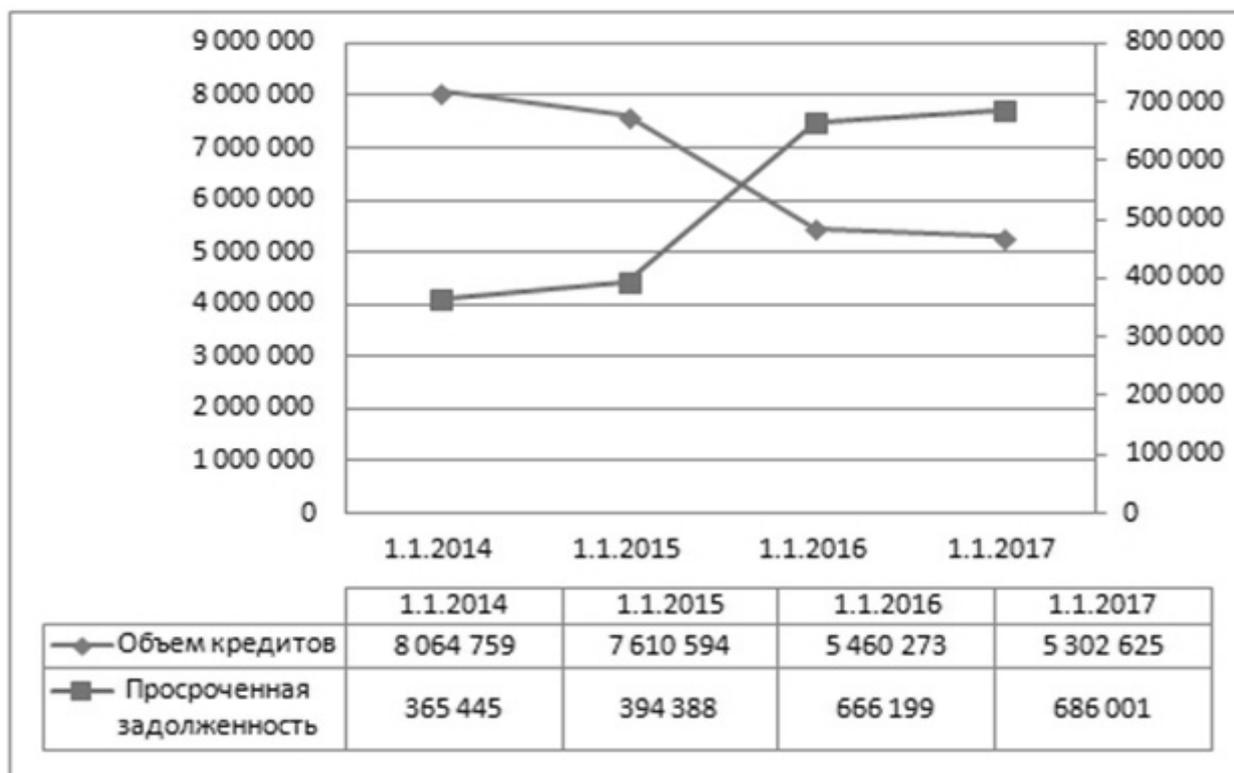

Рис. 2. Объемы банковских кредитов, предоставленных субъектам малого и среднего бизнеса в России и доля по ним просроченной задолженности [7].

Такая динамика доказывает нежелание коммерческих банков России кредитовать малые предприятия в связи с тем, что субъекты МСБ зачастую не в состоянии вернуть денежные средства, взятые в кредит в предусмотренные договором сроки [7]. Простыми словами: субъекты малого бизнеса — это наименее надежный потенциальный заемщик и клиент коммерческого банка.

В связи с такой тенденцией, актуальным является вопрос поиска альтернативных источников привлечения инвестиций и финансирования в рамках развития малых форм предпринимательства. По этой причине, целью научной статьи является анализ основных альтернативных источников привлечения финансовых ресурсов предприятиями малого и среднего бизнеса, а также определение их основных преимуществ и недостатков.

Одним из первых альтернативных способов привлечения МСП инвестиций является венчурное финансирование. Главное отличие венчурного финансирования от традиционных источников финансирования заключается в высокой степени риска для вложенных инвестиций.

Рассмотрим основные отличия венчурного финансирования от кредитования:

- ◆ венчурным инвесторам не важны выплаты по процентам, поскольку им интересна отдача от проекта; они являются совладельцами бизнеса, а не кредиторами
- ◆ кредит выдается банками под ликвидный залог; у высокотехнологичных инновационных предприятий подобные активы появляются обычно лишь в зрелой фазе; венчурные инвесторы гораздо больше заинтересованы в команде, идее и продукте;
- ◆ венчурное финансирование не обеспечивается гарантиями, поскольку венчурный инвестор становится либо акционером, либо партнером компании;
- ◆ оценка предприятия банком происходит с позиции настоящего положения, а венчурный инвестор оценивает предприятие с точки зрения его будущих перспектив и способности руководителей это будущее воплотить.

При этом, высокую роль развития венчурного финансирования в России отображает отчет исследования аналитиков Dow Jones Venture Source и Wall Street Journal, где указано, что еще 10 лет назад суммарная доля РФ на мировом рынке венчурных инвестиций составляла 0,3%. Теперь же она поднялась до 8,5% [8].

Однако, стоит заметить, что венчурное финансирование, зачастую, доступно лишь для инновационно-актив-

ных предприятий, имеющих историю проекта, сильную профессиональную команду, и к тому же, при такой форме привлечения инвестиций, объект МСП теряет большую часть своих прав собственности.

Другим способом привлечения инвестиций в малый и средний бизнес является краудфандинг, который не подразумевает под собою финансовое вознаграждение тех лиц, которые проводят финансирование бизнес-проекта.

К основным преимуществам краудфандинга относятся [3, с. 25]:

- ◆ возможность получить необходимый размер финансирования через Интернет;
- ◆ сохранение прав собственности и независимости предприятия, а также отсутствие необходимости вести систему отчетности;
- ◆ отсутствие финансовых рисков потери в случае, если бизнес-проект оказался неуспешным;
- ◆ получение аудитории поддержки и внимания Интернет-СМИ, гарантия продаж выпускаемого продукта.

К основным недостаткам краудфандинга относятся [3, с. 25]:

- ◆ необходимо иметь интересную и уникальную идею для бизнес-проекта, что не по силам большинству предприятий малого бизнеса;
- ◆ длительные сроки организации и привлечения финансирования.

По итогам Банка России общим объемом рынка краудфандинга, где используются заемные обязательства, в 2016 году вырос до 500 млн. рублей, при этом в 2015 году он достигал лишь 111,3 млн. рублей. Однако банковский регулятор страны отмечал диспропорцию различных сегментов и высокую волатильность в данном сегменте [9].

Другим альтернативным источником привлечения инвестиций и финансирования в МСП являются государственные программы, направленные на помощь субъектам малого и среднего бизнеса. На сегодняшний день, в России существует следующая классификация видов государственной помощи [4]:

- ◆ фонды федерального уровня;
- ◆ городские фонды и учреждения;
- ◆ региональные корпорации развития;
- ◆ федеральные и региональные целевые программы/фонды;
- ◆ государственные гранты и субсидии.

Помимо государственных программ по финансированию малого и среднего бизнеса, все больше рекомен-

даций звучит об использовании такого инструмента, как государственные закупки и тендеры. Получая такой заказ компания решает свою главную проблему начального этапа — поиск покупателя для сбыта своей продукции или услуги. Однако, ключевой недостаток такого альтернативного метода привлечения инвестиций является высокая степень ограничений для тех предприятий, которые не имеют истории своей коммерческой и производственной деятельности.

Другой популярной формой альтернативного финансирования развития малого и среднего бизнеса является лизинг.

Очевидно, что с точки зрения экономической и инвестиционной эффективности, лизинг — это универсальный инструмент, способный дать выгоду его потребителю с разных точек зрения. В первую очередь, стоит отметить его гибкость в плане платежей, что не вызывает значительный рост долговой нагрузки на предприятия. Кроме того, лизинговый объект позволяет предприятию ликвидировать тот дефицит дорогостоящих оборудования, которые ему необходимы, и это в независимости от отрасли экономики России. И конечно же, это возможность получать прибыль с объекта лизинга и право выкупа, если того пожелает предприятие.

Однако, помимо преимуществ, лизинг обладает рядом недостатков, тормозящих его развитие в России [5]:

- ◆ барьеры развития лизинга на программное обеспечение, что важно в период диджитализации бизнес-процессов;
- ◆ отсутствие страхования рисков в лизинговой деятельности;
- ◆ долгий процесс изъятия объекта лизинга в случае неплатежеспособности предприятия;
- ◆ низкий уровень развития вторичных рынков;
- ◆ дефицит финансовых и инвестиционных ресурсов у лизинговых компаний.

Последним рассматриваемым альтернативным способом привлечения МСП инвестиций является факто-

ринг, под которым подразумевают приобретение права на взыскание долгов, перепродажу товаров и услуг с последующим получением платежей по ним. В процессе факторинговой операции задействованы три стороны: фактор — компания, покупающая требования; МСП, которые выступают поставщиками товаров; покупатель товара, который формирует дебиторскую задолженность у поставщика товаров. Таким образом, это разновидность посреднической деятельности, при которой факторинговая компания за определенную плату получает право взыскивать и зачислять на счет предприятия, причитающиеся ему от покупателей суммы денег (инкассировать его дебиторскую задолженность). Одновременно с этим факторинговая компания кредитует оборотный капитал предприятия и принимает на себя его кредитные и валютные риски [2].

К основным преимуществам факторинга относятся [6]:

- ◆ непрерывный оборот капитала и наличие оборотных средств;
- ◆ решение проблемы с дебиторской задолженностью в бухгалтерском балансе предприятия.

К основным недостаткам факторинга относятся [6]:

- ◆ высокая стоимость факторинга;
- ◆ невозможность осуществлять сделку одnorазово;
- ◆ наличие риска неоплаты.

Таким образом, проанализировав ключевые альтернативные источники привлечения инвестиций в малый и средний бизнес, можно подытожить, что практически каждый метод имеет свои преимущества и можно рассматривать, как основу для развития своего дела. Однако, учитывая все те минусы и недостатки, которые перечислены по каждому способу, хочется заметить, что идеальный способ в зависимости от индустрии и бизнес-модели компании будет различаться. Наиболее привлекательными и в тоже время наименее универсальными являются такие формы финансирования малого и среднего бизнеса, как венчурное финансирование и краудфандинг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева А. С. Роль малого предпринимательства в развитии экономики России // Экономика и социум. — 2016. — № 2 (21). — С. 171–174.
2. Пьяных Е. А. Альтернативные источники финансирования предприятия. URL: <http://masters.donntu.org/2015/iem/pyanuch/library/article7.pdf> (дата обращения 23.03.2019).
3. Осипова Т.Ю., Макарова Е. Н. Альтернативные инструменты финансирования бизнес-проектов // Проблемы учета и финансов. — 2017. — № 27. — С. 24–29.
4. Гагарин П. А. Где взять деньги: 10 источников финансирования бизнеса. URL: <https://www.gradient-alpha.ru/gde-vzyat-dengi-10-istochnikov-finansir/> (дата обращения 23.03.2019).
5. Русавская О. В. Развитие лизинга в России: проблемы и перспективы // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2016. — Т. 11. — С. 2016–2020.

6. Факторинг. Что нужно о нем знать? Преимущества и недостатки факторинга. URL: <https://geniusmarketing.me/lab/factoring-cto-nuzhno-o-nem-znat-preimushhestva-i-nedostatki-faktoringa/> (дата обращения 23.03.2019).
7. Тригуб Е. Ю. Актуальные проблемы кредитования малого и среднего предпринимательства в России // Международный научно-исследовательский журнал. — 2018. — № 12 (66) Часть 3. — С. 67–70.
8. Венчурные сделки: кто и куда инвестировал в 2018 году. Динамика рынка. URL: <https://vc.ru/finance/60921-venchurnye-sdelki-kto-i-kuda-investiroval-v-2018-godu-dinamika-rynka> (дата обращения 01.05.2019).
9. Сегмент взаимного кредитования бизнеса в 2016 году вырос в 5 раз // АРБ. URL: https://arb.ru/b2b/news/segment_vzaimnogo_kreditovaniya_biznesa_v_2016_godu_vyros_v_5_raz-10089392/?sphrase_id=284845 (дата обращения 05.01.2019)

© Корнышев Олег Олегович (okornyshev@nes.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Университет «Синергия»

ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА ИНВЕСТИРОВАНИЯ В ИННОВАЦИИ: К ОПЫТУ ПРЕДПРИЯТИЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ

FOREIGN PRACTICE OF INVESTMENT IN INNOVATIONS: TO THE EXPERIENCE OF AGRICULTURAL ENGINEERING ENTERPRISES

D. Trifonov

Summary. The article analyzes the foreign practice of investing in the innovative development of agricultural engineering enterprises. Along with a broad statistical component, two defining forms of state participation in investment activities are analyzed.

The conclusion is made about the need to stimulate private investment in the development of agricultural engineering enterprises as their additional financing, increasing the innovation component.

Keywords: investment activities, innovative products, agricultural machinery, engineering products, agricultural machinery, rural infrastructure.

Трифонов Дмитрий Сергеевич

Аспирант, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (Университет «Синергия») d.triff@yandex.ru

Аннотация. В статье даётся анализ зарубежной практики инвестирования в инновационное развитие предприятий сельскохозяйственного машиностроения. Наряду с широкой статистической составляющей проанализированы две определяющие формы участия государства в инвестиционной деятельности.

Сделан вывод о необходимости стимулирования частных инвестиций в развитие предприятий сельскохозяйственного машиностроения как их дополнительное финансирование, повышение инновационной составляющей.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, инновационная продукция, сельскохозяйственное машиностроение, машиностроительная продукция, производство сельхозтехники, инфраструктура сельской местности.

Аktivизация инвестиционного процесса имеет для предприятий сельскохозяйственного машиностроения немаловажное значение — им необходим стабильный долговременный экономический рост, в поддержании которого свою роль должны играть, в том числе и иностранные инвестиции. Этому способствует программа «Международные инвестиции в АПК» [1].

В современных условиях, в условиях экономических санкций, когда институциональная структура прямых иностранных инвестиций недостаточно организована для реализации инвестиционных программ, представляется важным наличие притока иностранных инвестиций как поддержки сельскохозяйственного машиностроения.

Анализируя опыт инвестирования в странах с развитым сельским хозяйством и сельскохозяйственным машиностроением, можно вычленить две определяющие формы участия государства в инвестиционной деятельности [2].

Из рисунка 1 следует, что в развитых странах мира первая форма государственного управления инвестиционной деятельности — благоприятный инвестици-

онный климат. Органы государственной власти разрабатывают, утверждают и реализуют государственную инвестиционную политику; её основные направления определены в зависимости от целей государства, специфики национальных экономик и т.п. Неоспоримым является тезис о необходимости функционировании эффективной правовой системы, включающей совокупность нормативно-правовых актов, позволяющих регулировать инвестиционную деятельность предприятий сельскохозяйственного машиностроения. Система стимулов должна быть эффективной, должна быть основана на работе налоговых режимов, системе льгот для инвесторов и т.п.

Вторая форма — непосредственная государственная инвестиционная деятельность, предполагающая участие в ней государства как субъекта.

Следует отметить, что в зарубежных странах государственные инвестиции вкладывают в отрасли, в которых имеются долгосрочные проекты с высоким уровнем инвестиционного риска. Поэтому можно наблюдать размещение государственных инвестиций в предприятия сельскохозяйственного машиностроения из-за их специфики, зависимости агропромышленной отрасли от природных условий.

Рис 1. Формы госуправления инвестициями: мировой опыт
Источник: составлено автором

Рассмотрим зарубежную практику инвестиционной деятельности на примере ряда развитых странах мира.

Государственное регулирование машиностроительной отрасли в **США** осуществляется через реализацию федеральных программ и антимонопольным контролем. Государство финансирует до 50% машиностроительных проектов. Объем поддержки сельского хозяйства в США в целом в десять раз выше, чем в России [3].

В США ключевая ставка ЦБ составляет 1,7% (в России — 7,3%) Около 60% машиностроительной продукции направляется на внутренний рынок. В 2013 году в США (с Канадой) произведено 26,5% мирового объема сельхозтехники [4].

На машиностроение приходится около 20% НИОКР и занято примерно 17% учёных и инженеров. На инновационные разработки в сфере машиностроения инвестируют в научные исследования в области машиностроения ежегодно 2,5% ВВП.

Проводится целенаправленная амортизационная политика для стимулирования притока инвестиций в машиностроительную отрасль (амортизационная премия при условии, что материальная часть новая, а расчётный срок эксплуатации более 3-х лет.), когда предприятия исключают из собственных доходов 10% исходной стоимости основных средств, что позволяет ускоренно исчислять амортизацию оборудования.

Объём валовых государственных капитальных вложений в общем их объёме в агросекторе насчитывает около 20%, при этом около 12% — это бюджетные инвестиции. Анализ данных американской статистики, касающихся объёмов государственных инвестиций, показал, что государство практически не принимает участия в инвестиционной деятельности машиностроительных предприятий с/х комплекса. Это во многом объясняется широкой активностью частных инвесторов и традиционно высоким уровнем развития фермерства. Как нам представляется, этим и продиктовано отсутствие необходимости государственной поддержки АПК в виде инвестирования [5].

Таблица. 1. Удельный вес стран ЕС в развитии машиностроения, %

Страна	Производство	Условно-чистая продукция	Занятость
Германия	38,0	41,5	34,1
Италия	19,1	15,6	15,1
Франция	7,9	7,9	8,6
Великобритания	6,3	7,1	6,6
Испания	3,9	3,9	4,1
Польша	1,9	2,3	4,8
Чехия	2,0	1,9	4,5
Словакия	0,5	0,4	1,3
Другие страны ЕС	18,4	19,4	20,9

Источник: United Nations Conference on Trade and Development [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://unctadstat.unctad.org>.

Основной драйвер наращивания производства сельхозтехники в США сегодня — консолидация предприятий. Стимулом к росту отрасли становится также прирост лизинговых операций. Снижение цен на зерно и чистой прибыли вызвали повышенный спрос на лизинг сельхозоборудования [6].

В северном соседе США — Канаде как и в США для сельхозпроизводителей предусмотрен ряд преимуществ. Ставка налога на прибыль в Канаде — 35%, однако, с учётом льготных преференций — 16,7%, что почти на 4% ниже российских. Стоимость электроэнергии в Канаде для промышленных предприятий в 2 раза ниже, чем в России, а при постоянном повышении цен на электроэнергию, когда в 2017 они возросли на 40% по сравнению с 2016 г., её стоимость ещё более возрастёт. Кроме того, в Канаде в 2 раза дешевле грузоперевозки.

Машиностроительный комплекс **Европейского Союза** — важнейшая отрасль промышленности, и, как и в США также является приоритетной.

Поступательное развитие машиностроительного комплекса создаёт условия для повышения рентабельности и конкурентоспособности продукции общего машиностроения — тракторов и комбайнов; в странах ЕС производят примерно 80% европейской машиностроительной продукции.

Германия — лидер машиностроения в Европе. Компания Class (14 заводов в Америке, Азии, в Европе) в 2013 году произвела 450 тыс. комбайнов и продолжает разработку многоцелевых транспортных средств, для вспашки, обработки почвы, посевов, посадки и пр. Особое значение научным персоналом (Германия на первом месте в Европе по их численности) придаётся разработке экологически чистой сельхозтехники нового поколения,

которые будут работать только на возобновляемых ресурсах.

В Германии до 1982 г. структуры, разрабатывающие инновации, государством не финансировались, однако применение результатов научных исследований, преобразование технологии в новый способ производства, новые организационные формы и инновационную продукцию стало формироваться в научно-производственных комплексах (НПК), или технологических парках чуть позднее; целью их создания стала развитие научной базы и внедрение инноваций, необходимость поддерживать технологически и инновационно ориентированные фирмы, увеличить их стартовые шансы [7]. С их помощью поддерживается прямой и косвенный рост продукции машиностроения, на которое приходится 13% промышленного производства (83% предприятий — мелкие и средние, с количеством работающих менее 200 чел.).

Машиностроительные предприятия выпускают 816 моделей колёсных и гусеничных тракторов, в том числе с резиноармированными гусеницами и мощностью от 10 до 612 л.с.; большая часть — это универсальные модели. Наблюдается спрос на мощные модели тракторов, которые сокращают сроки выполнения полевых работ и повышают урожайность; сложился достаточно высокий спрос на посевные, кормоуборочные, почвообрабатывающие орудия производства, широкозахватные агрегаты, что говорит о совершенствовании технологии в сельском хозяйстве.

Немецкие производители сельскохозяйственной техники получают субсидии и льготные кредиты под 1% годовых сроком до 28 лет, а молодые фермеры и фермеры, обслуживающие технику на селе ощущают повышение качества жизни при поддержке программы ЕС «Leader» [8]. Согласно правилам ВТО в Германии законодательно

установлен высокий уровень поддержки фермерам — 290 евро на 1 га на юге и 690 евро — на севере.

Если говорить о Китае, здесь придают самое серьёзное значение развитию предприятий сельскохозяйственного машиностроения, которые активно развиваются. Удельный вес китайского машиностроения составляет пятую часть объёма промышленного производства (доля тракторного и с/х машиностроения — 1,8%). Объём машиностроительного производства достигает почти двух триллионов долл. в год [9].

Повышение объёма машиностроительного производства необходимо и по причине роста спроса на продукты питания. Потребление только молочных продуктов, вопреки диетическим традициям, возросло в городах этой страны с 1995 г. в четыре раза. Однако пахотных земель не хватает, а обрабатываемые наделы расположены фрагментарно, отсюда и малоэффективны, при том, что пятая часть из них серьёзно загрязнены и не служат источником получения продукции животноводства.

Вместе с тем, в Китае понимают, что повысить урожайность в таких условиях во многом возможно путём повышения внимания к инновационному развитию предприятий сельскохозяйственного машиностроения. В этой связи, частности, дан старт экспериментальной программе автоматизации сельского хозяйства, определившей необходимость тестирования на протяжении семи лет беспилотных тракторов и комбайнов, дронов-опрыскивателей и рисопосадочных машин на полях провинции Цзянсу, от стадии посева до уборки и хранения урожая, что, согласно смой идее, придаст большую привлекательность фермерской профессии, сделает её высокотехнологичной. Автоматизация крайне необходима — количество фермеров постоянно сокращается: так, если в 1991 г. их насчитывалось 55% от количества населения, то в 2017 г. — 18%, к тому же сокращается и доля молодых специалистов.

Как и в Германии, китайские технологические компании и технические университеты поставляют свои разработки фермерам: некоторые устройства уже подключены к общей навигационной системе «Beidou» для непосредственного ориентирования в поле. Реформа образования способствовала росту числа специалистов; выпуск инженеров составил в 2000 г. 220 000 инженеров, а в 2010 г. уже 700 тыс., что, конечно же, качественно повышает уровень китайского сельскохозяйственного машиностроения.

В КНР значительные пашни отводятся под зерновые культуры — рис, кукурузу, пшеницу, сою, что влечёт необходимость производства зерноуборочной техники.

Широкий масштаб приняло разведение крупного рогатого скота (120 млн. голов, овец 150 тыс. голов), что требует увеличивать объём производства кормоуборочной техники. Правительство КНР оказывает активную поддержку развитию машиностроения путём выделения субсидий, повышает возврат НДС по экспорту, сокращает процента на займы и т.п. Подобная практика в налогообложении и ценообразовании даёт товаропроизводителям сельхозоборудования неоспоримые демпинговые преимущества повышают их конкурентоспособность, сокращает противоречия между спросом и предложением в АПК.

Китайские товаропроизводители весьма выгодно реализуют отечественным фермерам широкий ассортимент сельскохозяйственной техники. Прежде всего, это, маломощные комбайны классификации 3–4 –го классов ТВ 60 (китайская фирма Zoomlion Heavy Machinery Co., Ltd).

Кроме комбайнов, машиностроительные предприятия Китая реализуют широкий ассортимент тракторной техники, занимая по этому показателю 2-е место в мире после Индии. На рынке КНР представлены такие фирмы как Foton Lovol (сбыт 2 млрд. долл. в год), выпускающая тракторы мощностью от 20 до почти двухсот л.с. с различной комплектацией; фирма Weituo Group, один из первых машиностроительных заводов Китая и ряд других предприятий.

С другой стороны, бюджет КНР достаточно долгий период остаётся инвестиционно ориентированным. Инвестиции, как принято там оценивать, выступают локомотивом развития сельскохозяйственного машиностроения (производства комбайнов и тракторов). В частности, объём исходящего инвестиционного капитала, хотя и снизился в 2017 году, однако составил 124 млрд. долларов. Так, в 2007 г. Китай создал за рубежом 1,35 млн. новых рабочих мест. Китайские предприятия выплатили за рубежом налогов на сумму 30 млрд. долларов. В долгосрочной перспективе на ближайшие 15 лет Китай планирует инвестировать за рубеж 2 триллиона долларов [10], значительно нарастив, таким образом, инвестиции в мировую экономику.

Как показывает анализ опыта ряда экономически развитых стран, ими сформирован эффективный механизм поддержки, обеспечивающий как конкурентоспособность предприятий сельскохозяйственного машиностроения, соответственно, и продовольственной безопасности.

С учётом опыта зарубежных стран, Правительству Российской Федерации также необходимо выделять достаточные субсидии для стимулирования сельхозто-

варопроизводителей, что, возможно, повысит качество выпускаемой продукции, повысит поддержку по климатическим зонам, что даст возможность более эффективно осваивать финансовые ресурсы, выявлять целевые объекты для финансирования. Важно стимулировать частные инвестиции в развитие предприятий

сельскохозяйственного машиностроения в качестве стимулирования их дополнительного финансирования, повышения их инновационной составляющей. Необходимо развивать инфраструктуру сельской местности, что повысит приток населения из городов, выведет АПК из кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 26 июня 2000 г. № 568.
2. Шанкин, С. А. Экономическая оценка инвестиций. — Саранск, 2012.
3. Источник: Jonson and Partners Consulting
4. Рынок сельскохозяйственных машин. М.: ВШЭ. — 2017. — С. 23.
5. Беседкина, Н. И. и др. Инвестиционное право: учебник. — М., 2015
6. MarketPublishers. ru
7. Приказчикова, О. Ф. Территориальная организация науки Германии // Известия ПТПУ имени Белинского. — 2012. — № 29. — С. 125–129.
8. Постановление Евросоюза № 1698/2005
9. www.scsgru
10. Щепин, К. Китай — 2018: большой план большой экономики // Российская газета — Спецвыпуск № 67 (7530).

© Трифионов Дмитрий Сергеевич (d.triff@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Университет «Синергия»

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА НА ОСНОВАНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТЕЙКХОЛДЕРОВ

IMPROVING THE CRITERIA FOR ASSESSING THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF AN ECONOMIC ENTITY BASED ON THE REQUIREMENTS OF STAKEHOLDERS

O. Likhtarova

Summary. The paper discusses the basic criteria for assessing the sustainable development of an economic entity based on the requirements of stakeholders. The main scientific approaches for the category of "sustainable development", presented in the works of leading economists, were also considered. It has been determined that the development and implementation of a sustainable development strategy of an economic entity within a stakeholder approach implies the improvement of a system of criteria and indicators. It is proposed to group the criteria and indicators of sustainable development of the economic entity in terms of economic, social and environmental components of the activity. The main criteria for assessing sustainable development from the point of view of the stakeholder approach are determined.

Keywords: stakeholders, sustainable development, stakeholders, criteria and development indicators, development assessment.

Лихтарова Ольга Викторовна

*К.э.н., доцент, Самарский государственный
экономический университет
lihtarova.olga@yandex.ru*

Аннотация. В работе рассматриваются базовые критерии оценки устойчивого развития экономического субъекта на основании требований стейкхолдеров. Также были рассмотрены основные научные подходы применительно к категории «устойчивое развитие», представленные в трудах ведущих учёных-экономистов. Определено, что разработка и реализация стратегии устойчивого развития хозяйствующего субъекта в рамках стейкхолдерского подхода предполагает совершенствование системы критериев и индикаторов. Предлагается группировать критерии и индикаторы устойчивого развития экономического субъекта с точки зрения экономической, социальной и экологической составляющих деятельности. Определены основные критерии оценки устойчивого развития с точки зрения стейкхолдерского подхода.

Ключевые слова: стейкхолдеры, устойчивое развитие, заинтересованные стороны, критерии и показатели развития, оценка развития.

Введение

Одной из важных проблем отсутствия чётких критериев оценки устойчивого развития экономического субъекта на основании требований стейкхолдеров может стать дефицит финансовых ресурсов вследствие нерационального выполнения требований стейкхолдеров. Данная проблема в рамках реальной практики управления может выражаться в следующем: в ходе удовлетворения требований заинтересованных сторон хозяйствующий субъект, не обладая разработанной системой критериев сбалансированности удовлетворения данных требований, направляет излишние финансовые ресурсы на реализацию требований одних стейкхолдеров, лишаясь возможности для выполнения требований других. Вследствие чего, возникает дисбаланс во взаимоотношениях со стейкхолдерами, что, в свою очередь, формирует угрозы финансовой устойчивости организации.

С другой стороны, при недостаточной уверенности руководства экономического субъекта в достаточности

финансовых ресурсов для покрытия затрат на удовлетворения требований заинтересованных сторон может возникнуть избыток незадействованных финансовых ресурсов. Наличие у организации необоснованно большого объёма незадействованных финансовых ресурсов формирует риски снижения ликвидности экономической деятельности, так как в избыточные ресурсы могут быть использованы на реализацию инвестиционных проектов различного масштаба и т.д.

Следовательно, базовым критерием оценки устойчивого развития на основании требований стейкхолдеров должна быть финансовая устойчивость экономического субъекта. Финансовая устойчивость применительно к практике управления может иметь конкретное выражение в виде общей ликвидности организации и её платёжеспособности. Основываясь на данном базовом критерии руководство экономического субъекта может в дальнейшем планировать финансовые потоки применительно к различным сферам деятельности организации: экономической.

Целью работы является Совершенствование критериев оценки устойчивого развития экономического субъекта на основании требований стейкхолдеров. Для достижения поставленной цели исследования был сформирован следующий комплекс **задач исследования**:

- ◆ определение основных критериев оценки устойчивого развития экономического субъекта на основании требований стейкхолдеров;
- ◆ систематизация основных научных подходов применительно к категории «устойчивое развитие», представленные в трудах ведущих учёных-экономистов;
- ◆ группировка критериев и индикаторов устойчивого развития экономического субъекта с точки зрения экономической, социальной и экологической составляющих деятельности.

Методы исследования. Исследование основано на системном подходе, предполагающем комплексное изучение и структурно-логическое упорядочение кластера как сложной экономической системы, также применялись методы структурного и сравнительного анализа. Решение постеленных вопросов исследования потребовало применения следующих общетеоретических методов исследования: абстракция и конкретизация, анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение и противопоставление.

Результаты исследования

Рассматривая финансовую устойчивость в качестве базового критерия устойчивого развития экономического субъекта на основании требований стейкхолдеров, необходимо уточнить теоретическое содержание данной экономической категории. Рассмотрим основные научные подходы применительно к данной категории, представленные в трудах ведущих учёных-экономистов.

Отечественные экономисты А. Д. Шерemet и М. И. Баканов дают следующую трактовку финансовой устойчивости развития экономического субъекта: финансовая устойчивость организации представляет собой возможность своевременно выполнять финансовые обязательства перед сотрудниками, кредиторами, поставщиками, а также перед государственным и местным бюджетами [4, с. 226].

С другой стороны, с точки зрения Г. В. Савицкой финансовая устойчивость организации также может рассматриваться как сохранение в долгосрочной перспективе состояния равновесия активов и пассивов организации [12, с. 204]. Необходимо отметить, что в целом балансовые модели определения финансовой устойчивости организации основываются на согласовании структуры и взаимосвязи между активами и пассивами

организации. Соответственно и каждый элемент этой модели характеризует увеличение или уменьшение той или иной статьи баланса, что соответствует притокам и оттокам денежных средств. Поэтому, данная модель является довольно прозрачной и ее легко увязать с денежными потоками, рассчитанными косвенным методом.

По мнению Е. В. Негашева финансовая устойчивость экономического субъекта следует рассматривать с точки зрения её внутриорганизационной составляющей и внешних проявлений. Так, внутренняя составляющая финансовой устойчивости организации заключается в обеспечении активов устойчивыми и надёжными финансовыми источниками их формирования и пополнения, а также в рентабельном использовании уже имеющихся у организации активов. Внешняя составляющая финансовой устойчивости является проявлением рассмотренной выше устойчивости внутренней и выражается в платёжеспособности организации применительно к её финансовым обязательствам перед контрагентами.

В ходе исследования для раскрытия экономической сущности финансовой устойчивости применяется предложенная Е. В. Негашевым балансовая модель. Балансовая модель состоит из следующих восьми взаимосвязанных элементов: 1) собственный капитал организации чистые активы; 2) внеоборотные активы организации (в том числе долгосрочная дебиторская задолженность); 3) располагаемые денежные средства, а также различные денежные эквиваленты; 4) запасы сырья, материалов, готовой продукции, а также краткосрочные финансовые вложения организации; 5) кредиторская задолженность; 6) долгосрочные обязательства организации; 7) краткосрочные кредиты и займы; 8) прочие краткосрочные оценочные обязательства организации за исключением доходов будущих периодов [11, с. 39–44].

Данная модель может быть дополнена критериями оценки устойчивого развития экономического субъекта на основании требований стейкхолдеров. на основе рассматриваемой модели можно также выделить следующие уровни финансовой устойчивости экономического субъекта:

- ◆ высокий уровень финансовой устойчивости организации;
- ◆ нормальный уровень финансовой устойчивости организации;
- ◆ неустойчивое финансовое состояние организации;
- ◆ кризисное финансовое состояние организации.

Российские экономисты М. В. Беллендир и В. Г. Артеменко рассматривают финансовую устойчивость экономического субъекта через наличие достаточного объёма

финансовых резервов, которые создают необходимый уровень платёжеспособности организации [8, с. 125]. В свою очередь, российские исследователи И. Я. Лукасевич и А. Н. Романов уточняют рассмотренный выше теоретический подход к рассмотрению финансовой устойчивости организации через её платёжеспособность. По их мнению финансовая устойчивость экономического субъекта выражается в превышении совокупного объёма обладающих ликвидностью активов над совокупным объёмом внешних обязательств организации. Соответственно, чем больше запас ликвидности организации и чем меньше объём обязательств, тем выше уровень её платёжеспособности, а значит и финансовой устойчивости [10, с. 67–79].

На основании рассмотренных теоретических подходов к определению экономической сущности финансовой устойчивости можно сделать следующие выводы. В рамках совершенствования методики устойчивого развития экономического субъекта на основании требований стейкхолдеров следует учитывать такие финансовые критерии развития организации как: баланс собственных и заемных средств организации, обеспеченность обязательств и проектов организации собственными оборотными средствами. Данные критерии основываются на необходимости наличия дополнительных финансовых резервов для реализации потенциальных требований заинтересованных сторон [1, с. 45; 2, с. 205].

В рамках данного исследования предлагается группировать критерии и индикаторы устойчивого развития экономического субъекта с точки зрения экономической, социальной и экологической составляющих деятельности. С точки зрения экономической составляющей деятельности организации выделены следующие критерии устойчивого развития:

- ◆ общее обеспечение финансовой устойчивости и краткосрочной платёжеспособности экономического субъекта;
- ◆ рациональное и сбалансированное применение различных видов ресурсов, которыми располагает организация;
- ◆ рыночная конкурентоспособность производимых организацией товаров, работ и услуг.

Более подробно экономические критерии устойчивого развития хозяйствующего субъекта будут рассмотрены ниже. Также, говоря об экономической составляющей устойчивого развития организации на основе требований заинтересованных сторон, необходимо отдельно рассматривать технологическую составляющую. Критерием устойчивого развития организации в технологической сфере являются соответствие применяемых в производственной и управленческой деятельности форм, методов, механизмов и инструментов стратегическим задачам развития хо-

зяйствующего субъекта. Технологический аспект определяет пределы результативности и эффективности организации в других сферах развития, а также тесно связан с её инновационной активностью, которая в современных условиях становится всё более важным фактором реализации ожиданий заинтересованных сторон [3, с. 144; 14, с. 206–207].

Далее рассмотрим критерии устойчивого развития организации в рамках социальной составляющей её деятельности. Социальный аспект развития методологических основ оценки и мониторинга устойчивого развития экономических субъектов имеет две основных составляющих. С одной стороны, сбалансированность процессов развития организации определяется следующими факторами внутренней среды:

- ◆ комплексное развитие человеческого капитала организации (развитие общекультурных и профессиональных компетенций в рамках различных курсов и программ повышения квалификации и дополнительного профессионального образования);
- ◆ стабильные выплаты и периодическая индексация заработной платы сотрудников организации с учётом темпов инфляции;
- ◆ модернизация производственной и управленческой инфраструктуры с целью обеспечения современных требований к безопасности труда и минимизации негативных воздействий на здоровье сотрудников;
- ◆ реализация корпоративных программ дополнительного страхования сотрудников организации [12, с. 204].

С другой стороны, сбалансированность процессов развития организации определяется поддержанием имиджа социально ответственного бизнеса во внешней среде. Внешняя составляющая социального аспекта развития организации определяется следующими факторами:

- ◆ участие организации в благотворительных программах различного уровня;
- ◆ участие организации в социальных проектах (в том числе инвестиционных в рамках государственно-частного партнёрства);
- ◆ повышение благополучия (в том числе инфраструктурного) территории присутствия через внешние и внутренние социальные программы, направленные на развитие культуры, повышение безопасности среды и т.д.

Также рассмотрим экологический аспект устойчивого развития экономического субъекта на основании требований стейкхолдеров. С точки зрения экологической составляющей деятельности организации выделены следующие критерии устойчивого развития:

- ◆ соблюдение экологического законодательства при текущей экономической деятельности, а также учёт экологических аспектов при разработке перспективных проектов развития;
- ◆ активное участие организации в проектах различного уровня, направленных на защиту и восстановление объектов окружающей среды территории;
- ◆ долгосрочная политика, направленная на минимизацию негативной нагрузки производства на экосистему территории;
- ◆ внедрение технологий рационального природопользования и бережливого производства.

Необходимо подчеркнуть, что основной формой оценки соответствия организации критериям устойчивого развития является анализ внутренней отчетности на основе показателей результативности и эффективности в рассмотренных выше сферах развития хозяйствующего субъекта: экономической, технологической, социальной и экологической. При этом показатели устойчивого развития экономического субъекта на основе требований стейкхолдеров не являются тождественными финансовым и иным показателям, рассчитываемым на базе бухгалтерской отчетности организации [11, с.39–44;8, с. 117].

Заключение

Проведённое исследование позволило сделать следующие выводы относительно совершенствования критериев оценки устойчивого развития экономического субъекта на основании требований стейкхолдеров. Критериями оценки устойчивого развития с точки зрения стейкхолдерского подхода являются:

- ◆ полнота предоставляемых экономическим субъектом данных, представляющих интерес для

- стейкхолдеров, в соответствии с достигнутыми ранее договорённостями либо нормативными требованиями;
- ◆ системность формирования и представления внешней и внутренней отчетности экономического субъекта для проведения оценки заинтересованными сторонами;
- ◆ значимость используемых при оценке устойчивого развития экономического субъекта показателей;
- ◆ верифицируемость данных используемых для расчёта показателей устойчивого развития организации с экономической, социальной и экологической сферах;
- ◆ объективность оценки при выборе источников информации для оценки динамики развития организации, исключение субъективных факторов с целью формирования сбалансированной картины для различных групп стейкхолдеров;
- ◆ возможность проверки показателей результативности и эффективности деятельности организации в ходе проведения внешнего и внутреннего аудита;
- ◆ точность значений показателей устойчивого развития организации, позволяющая использовать их для принятия управленческих решений;
- ◆ непрерывность проведения оценки на основе предложенных показателей;
- ◆ сопоставимость значений показателей результативности и эффективности устойчивого развития организации, возможность сопоставления результатов оценки во времени, а также с отчетностью и нормативными показателями, используемыми основными стейкхолдерами;
- ◆ ясность формируемой экономическим субъектом информации для максимально широкого круга заинтересованных сторон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dal Maso, L., Liberatore G., Mazzi F. (2017). Value relevance of stakeholder engagement: the influence of national culture. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. Т. 24. № 1. С. 44–56.
2. Freeman, R. E. and J. McVea (2001) 'A Stakeholder approach to strategic management', in Hitt, M. A., Freeman, R. E. and Harrison, J. S. (eds), *The Blackwell Handbook of Strategic Management*, Blackwell Business, Oxford, pp. 189–207.
3. Linh, Do.H., Anh T.V. (2017). Impact of stakeholders on the performance of green banking products and services: the case of vietnamese banks. *Економічний часопис-XXI*. № 5–6 (165). С. 143–151.
4. Баканов, М.И. (1997) Теория экономического анализа / Баканов, М.И., Шеремет А.Д. — М.: Финансы и статистика, 1997. — 416 с.
5. Каплан Р.С., Нортон Д. П. (2003) Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию: пер. с англ. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», — 304 с.: ил. ISBN5–901028–55–4
6. Козлова К.А. (2001) Понятие предпринимательской деятельности и оценка ее эффективности // *Проблемы современной экономики* (Новосибирск). — № 3–2. — С. 19–24
7. Козлова, Н.П. (2018). Взаимодействие компании с нефинансовыми стейкхолдерами. *Экономика. Бизнес. Банки*. № 3 (24). С. 58–68.
8. Козловский, Э. А., Демиденко, Д.С., Яковлева, Е.А., Гаджиев, М.М. (2010) Стоимостной подход к управлению инновационным процессом на предприятие. Санкт-Петербург, — 205 с.

9. Личак, Р.А. (2018). Синтез математического и эвристического инструментария для приоритизации требований стейкхолдеров. РИСК: Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. № 2. С. 217–222.
10. Лукасевич, И.Я. (2013) Финансовый менеджмент [Текст] / И. Я. Лукасевич // М.: Эксмо. — 768с
11. Негашев, Е.В. (2015) Проблемы логического обоснования классификации финансовых ситуаций по степени финансовой устойчивости компании/ Е. В. Негашев // Учет. Анализ. Аудит. — № 5 — С. 39–44.
12. Савицкая Г.В. (2006) Методика комплексного анализа хозяйственной деятельности / Савицкая Г. В. — М.: ИНФРА-М, 2006. — 320 с.
13. Сибирская Е.В., Овешникова Л. В. (2013) Методика многокритериальной и многофакторной оценки эффективности инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности // Научные ведомости. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2013. — № 22 (165). — Вып. 28/1.
14. Ткаченко, И.Н. (2018). Об учете интересов стейкхолдеров в современной парадигме корпоративного управления. Управленческие науки в современном мире. Т. 1. № 1. С. 205–209.

© Лихтарова Ольга Викторовна (lihtarova.olga@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Самара

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В РАЗВИТИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА (ОПЫТ США И РОССИИ)

THE ROLE OF THE STATE IN DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC-TECHNICAL PROGRESS (EXPERIENCE OF THE USA AND RUSSIA)

**R. Botashev
M. Batchaev**

Summary. The article attempts to conduct a comparative analysis of the state function in two key interrelated areas of the NTP: research and the process of creating innovations in the economy. With this aim, the article discusses: the nature of economic development and scientific and technical progress, principles of the state policy in the field of scientific and technical progress, forms and methods of state influence on the NTP, the state policy in the field of innovation.

Keywords: science, scientific research, scientific and technical progress, discoveries, inventions, economy, state, innovations.

Боташев Руслан Азаматович

Доцент, ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский
государственный
Университет имени У.Д. Алиева»
botashevruslan@mail.ru

Батчаев Магомед Хаджи-Кишиевич

К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский
государственный
Университет имени У.Д. Алиева»
batchaev@yahoo.com

Аннотация. В статье предпринята попытка на примере США провести сравнительный анализ функции государства в двух ключевых, взаимосвязанных сферах НТП: научных исследованиях и процессе создания нововведений в экономике. С этой целью в статье рассматривается: сущность экономического развития и НТП, принципы осуществления государством политики в области НТП, формы и методы воздействия государства на НТП, политика государства в области инноваций.

Ключевые слова: наука, научное исследование, научно-технический прогресс, открытия, изобретения, экономика, государство, инновации.

При проведении данного исследования нами были использованы труды отечественных и американских ученых-экономистов по проблемам научно-технического прогресса, воздействия государства на создание нововведений.

Следует также заметить, что в условиях роста интернационализации экономики специфическая роль государства в стимулировании НТП не может быть полностью раскрыта без сопоставления с тенденциями экономического и научно — технического развития высокоразвитых стран.

Как известно, российская наука внесла огромный вклад в мировую копилку знаний, открытий и изобретений. Однако, когда сегодня говорится о наличии в нашей стране базы для создания инновационной экономики, то имеется в виду то, что было построено в годы существования Советского Союза. Напомним, что в начале 20-х годов было основано около 50 научно-исследовательских институтов, вскоре начали создаваться филиалы Академии наук СССР в союзных республиках, а также начали образовываться новые вузы. Отметим, что тогда наука была чётко ориентирована на решение конкретных задач: электрификация, индустриализация, механизация и повышение эффективности сельского хозяйства, разведка новых месторождений полезных ископаемых, синтезирование новых видов сырья и материалов. Уже

тогда в стране начали формироваться новые научные направления самого передового порядка.

После окончания Великой Отечественной войны Советский Союз по ряду наукоемких отраслей, как атомная энергетика, авиастроение, освоение космического пространства, которые сегодня назвали бы инновационными, вырвался на передовые позиции в мире, опережая высокоразвитые страны, включая США. Именно в тот период в стране были созданы известные фундаментальные научные школы, определившие развитие инновационных технологий в нашей стране на многие десятилетия вперёд.

Таким образом, в СССР была создана научно — практическая база, необходимая для обеспечения передовых технологических позиций экономики. Самое главное, наука тогда имела прочную связь как с профильными отраслями промышленности и сельского хозяйства, так и со всей хозяйственной жизнью страны. Важно отметить, что зарубежные исследования, опубликованные в 1980 году, свидетельствуют, что в результате увеличения вложений в научные разработки в СССР на 1% производительность труда повысилась на 0,43%, а в США, при таком же уровне вложений рост производительности труда составил 0,06–0,1%. Таким образом, незадолго до распада наша страна вдвое опередила Соединенные Штаты Америки по отдаче от вложений капитала в науку.

Научно-технический потенциал в послевоенный период стал важнейшим фактором развития также экономики США, который вместе с тем определял эффективность использования рабочей силы и основного производственного капитала. Исследования позволяют сделать вывод, что в любой стране достигнутый высокий уровень научно-технического развития является главным внутренним резервом экономического роста, основной интенсификации, которая способна мобилизовать все активные элементы воспроизводственного процесса. Осознание этих реальностей и составило одну из отправных точек долгосрочной стратегии США, которая неразрывно связана со стремлением, в первую очередь, достичь военно-стратегического превосходства совершенствуя вооружение [9, с. 6].

Необходимо напомнить, что США взяло на себя ведущую роль в стимулировании НТП уже с середины 50-х годов XX столетия. В это время, как известно, в ходе развития монополий в США сформировалась особая модель взаимодействия государства и монополий в процессе создания и реализации научно-технических достижений. Благодаря этому США сегодня остаются главным центром научно-технического развития мира. По общему уровню научно-технического потенциала, широте фронта фундаментальных исследований, по таким ключевым областям, как ракетно-космическая техника, авиация, информационно-вычислительная техника, средства программного обеспечения ЭВМ, они существенно превосходят другие страны. При этом США устойчиво сохраняют положение «нетто-экспортера» лицензий, а Япония, ФРГ и Франция — соответственно «нетто-импортеров» зарубежного научно-технического опыта. Следует отметить, что лицензионный экспорт США превышает закупки иностранных лицензий в 10 раз. Выпуск продукции на базе американских лицензий оценивается около 500 млрд. долл. в год. Важно подчеркнуть, что государственно-монополистическая стратегия США ориентирована на сохранение общего американского превосходства. Исследование показало, что материальной основой этой стратегии является бурно развивающаяся группа новейших отраслей, а также мощный научно — исследовательский потенциал, опирающийся на систему подготовки первоклассных научных кадров, а также ориентация на непрерывное и ускоренное создание новшеств во всех сферах материального и нематериального производства.

Анализ важнейших характеристик современного уровня экономического и научно-технического развития США в сравнении с наиболее развитыми странами показывает, что к середине 80-х годов США продолжали удерживать первенство по производительности общественного труда, уровню образования и НИОКР в расчете на одного занятого, энерговооруженности труда

и масштабам национальной экономики. Однако при этом следует заметить, что по одному из важнейших показателей внедрения достижений НТП — по числу промышленных роботов (изобретенных, кстати, в США), приходящихся на 10 тыс. рабочих, промышленность США в 7–8 раз уступает Японии (3,3) и Швеции (22).

Следует напомнить, что модель рыночной экономической системы, которую скопировала российская экономика в начале 90-х, оказалась неудачной. В те годы предполагалось, что будет свобода выбора, что и сколько выпускать, кому продавать, будет бурная конкуренция, предприниматели начнут гоняться за идеями, открытиями, технологиями и наперегонки будут внедрять новшества в производство, в результате, думали, начнётся выпуск высококачественной конкурентоспособной продукции. Однако в реальной жизни получилось совсем по-другому — все кинулись заниматься не производством, а более лёгким — коммерческим бизнесом. Конечно, виной этому было отсутствие хорошо продуманного взвешенного подготовительного и адаптационного переходного периода. В результате строившиеся десятилетиями и успешно работавшие в прежней модели экономики структуры начали быстро разваливаться. В течение десяти лет в стране в результате разрыва хозяйственных связей между республиками было закрыто более 80 тысяч заводов. В условиях практического исчезновения государственных заказов на научные разработки от наукоёмкой промышленности крах российской науки был просто неизбежен.

Для сравнения приведём некоторые данные о результатах тех реформ. Финансирование российской науки по сравнению с периодом застоя сократилось в 10 раз и в настоящее время оно уже в 200 раз ниже, чем в США, в 40 раз ниже, чем в Китае. В 2010 году финансирование отечественной науки сократилось на 7,5 млрд. рублей и стало ниже уровня 2009 года. С 1990 по 2003 год количество научных и проектных организаций сократилось в 7,8 раза, конструкторских бюро — в 3,6 раза, научно-технических подразделений на промышленных предприятиях — в 1,8 раза. В годы реформ прекратили свое существование 800 научно-исследовательских институтов. Из России эмигрировали более 900 тыс. научных сотрудников в основном из области технических и естественных наук, обескровив реальный сектор. Ежегодно страну сегодня покидает до 15% выпускников вузов. По подсчетам экспертов ООН, отъезд за рубеж одного человека с высшим образованием наносит экономике страны ущерб от 300 до 800 тыс. дол.

Известно, что в период российских реформ огромные убытки понес самый наукоёмкий и высокотехнологичный, оборонно-промышленный комплекс страны, который по многим направлениям опережал зарубежных

Ассигнования на гражданскую науку из средств федерального бюджета (млн руб., в постоянных ценах 2000 г.)

Источник: ВШЭ

коллег на годы и десятилетия. По оценкам профессора Ушкалова, число выехавших за рубеж ученых и специалистов только из оборонных НИИ и предприятий ВПК составляет не менее 90 тыс. человек.

В России по данным Росстата финансирование науки сократили до минимума за 10 лет. Несмотря на стратегический план осуществить технологический и экономический «рывок», озвученный Президентом страны и закрепленный в майском указе 2018 года, российские власти продолжают сокращать финансирование научной работы за пределами оборонно-промышленного комплекса.

Как следует из подсчетов Высшей школы экономики, по итогам 2017 года из федерального бюджета на гражданскую науку было выделено 378 млрд. рублей. Потраченная сумма составляет 2,7% от размера бюджета и втрое меньше, чем государство тратит на обеспечение аппарата чиновников и органов государственной власти (1,2 трлн. рублей) и в 13 раз меньше расходов на армию и полицию (почти 5 трлн. рублей). По сравнению с 2016 годом финансирование гражданской науки номинально сократилось на 24,8 млрд. рублей, или 6,3%, а если сравнивать с докризисным уровнем (2014) — на 13,5%, или 59,4 млрд. рублей. Отметим, что с 378 млрд. рублей в 2017 году финансирование было урезано до 369 млрд. рублей в 2018 году, 358 млрд. — в 2019-м и 351 млрд. — в 2020-м. См. рисунок.

Как сообщает Росстат, в институтах и организациях России, которые финансируются из бюджета, третий год подряд продолжается сокращение штата научных работ-

ников. Следует напомнить, что на конец 2016 года общая численность научных сотрудников в бюджетных учреждениях России составила 80211 человек, т.е. на 25% меньше чем в 2013 г. По данным агентства Thomson Reuters, на долю России сегодня приходится всего 2,6% мировых научных исследований. Для сравнения: на долю Бразилии приходится 2,1% (102 тыс. публикаций), Индии — 2,9% (144 тыс. публикаций) и Китая — 8,4% (415 тыс. публикаций). Китай за 30 лет в 64 раза увеличила выпуск научной продукции и уже к 2020 году сможет обогнать США по производству научных знаний и открытий. По данным Института международных экономических и политических исследований РАН, на мировом рынке высоких технологий в настоящее время вклад России составляет 0,2–0,3%, США–60%, Сингапура–6%. По мнению члена-корреспондента РАН Бориса Кузика, по уровню развития высоких технологий Россия откатилась назад на 20–25 лет. По данным экспертов сегодня для развития высоких технологий России не хватает около полумиллиона специалистов. При этом ежегодно из страны уезжают 10–15 тыс. молодых ученых. По данным кандидата физико-математических наук Ю. Лисовского, наши эмигранты, живущие в США, обеспечивают 20–25% американского производства в области высоких технологий, что составляет около 10% мирового рынка.

Исследования показали, что США приступили к развитию сферы НИОКР почти 70 лет назад. И хотя движущим фактором этого процесса, как было отмечено выше, стал гигантский рост военных и космических программ и исследований, тем не менее, в отсутствие зарубежной конкуренции такой подход позволил им создать

к концу 80-х годов значительный научно-технический отрыв от других развитых стран. При этом реализация целей американской модели научно-технического развития достигалась путем научно-технических прорывов и поддержки новейших отраслей и производств. Как уже отмечалось, по абсолютным масштабам ресурсного обеспечения научных исследований и разработок США с середины 80-х годов продолжают удерживать лидерство в мире. Совокупные расходы на НИОКР Японии, Германии, Франции и Великобритании вместе значительно уступают американским. Это позволяет США быстро создавать необходимую массу ресурсов для решения сложнейших научно-технических проблем.

Кроме того, исследования показали, что на способность промышленности любой страны пользоваться результатами научных исследований, оказывают значительное влияние прежде всего связи науки и производства, а также наличие квалифицированных специалистов и степень их мобильности. Так, в США с государством сложились наиболее сильные кооперационные связи, особенно в области университетской науки и промышленности. Достаточно отметить, что в 1975 г. только 20% научных статей были написаны специалистами из промышленности в соавторстве с учеными и опубликованы. В 1985 г. таких статей стало уже 36%, в 1990 г. — 42%, в 2000 г. — 50%, в 2010 г. — более 55%. Следует заметить, что сегодня в США университеты осуществляют более 60% фундаментальных исследований, которые непосредственно влияют на нововведения на производственных предприятиях и выпуск высококачественной продукции.

Далее, если рассмотреть кадровый потенциал, то США очевидно обгоняют все развитые страны, особенно в высокотехнологичных отраслях, где число ученых и инженеров на 1 тыс. занятых значительно больше. Наконец, следует заметить, что мобильность научно-технического персонала в США приблизительно в 2 раза выше, чем в Западной Европе.

Исследование также показало, что одним из бесспорных преимуществ научного потенциала США, создающего предпосылки для его интенсивного развития, а также позволяющего в известной степени контролировать и аккумулировать научные исследования в международном масштабе служит американское превосходство в области информационной научной инфраструктуры. Ведущие информационные службы и компании США быстро и качественно обрабатывают все авторитетные научные публикации в мире и оперативно предоставляют в распоряжение учёных. По данным известных экспертов по оценке технологий США, на долю американских информационных сетей приходится более 50% информационных услуг, предоставленных другим высокораз-

витым странам. Годовой объем информационных услуг предоставляемых в США, составлял в 2010 г. 35 млрд. долл., в Японии — 6, в Западной Европе — 5, во Франции — 2. Следует отметить, что важным преимуществом американской экономики является огромный спрос на эти услуги, что значительно снижает издержки.

Исследование причин ускорения НТП показало, что в США в течение длительного времени существует определенное разделение труда между государством и бизнесом в вопросе управления и организации НТП. Важно отметить, что в Соединенных Штатах Америки государство прежде всего несет прямую ответственность за фундаментальные исследования, а также за ряд отраслей: здравоохранение, энергетику, сельское хозяйство и экологию, которые являются необходимыми с точки зрения совокупных интересов капитала. В то же время, конечное звено, которое связано с извлечением предпринимательской прибыли, т.е. освоение, внедрение и тиражирование нововведений, является прерогативой корпораций. Однако, что важно отметить, государство при помощи главным образом мер косвенного воздействия стремится создать благоприятный экономический климат для деятельности наукоемких отраслей и фирм, ведущих активную инновационную деятельность.

В самом общем виде формирование государственной научно-технической стратегии, включающей научную и инновационную политику, как правило, складывается в результате выбора и принятия решений в нескольких ключевых областях, в которые входят:

1. распределение государственных ресурсов между различными секторами сферы научных исследований и определение структуры государственных научных приоритетов, а также выполнение исследований и разработок в государственных научных центрах;
2. косвенное государственное стимулирование науки и освоение ее достижений в частном секторе хозяйства с помощью налоговой, амортизационной, антитрестовской, патентной, внешнеторговой политики, а также поддержание необходимого уровня конкуренции;
3. формирование инновационного климата в экономике и инфраструктуры обеспечения исследований и разработок, куда входят службы научно-технической информации, стандартизации, статистики, изучения зарубежного опыта, международного сотрудничества, прогнозирования научно-технического развития.

Исследование также показало, что современная структура использования государственных средств в США такова, что частный сектор покрывает из государственных источников более 40%, а вузы — остальную

часть исследовательских расходов. Высокая доля разработок и технических исследований в государственных вложениях связана исключительно с созданием вооружений. Система государственного управления НИОКР в США носит децентрализованный характер в том, что касается освоения различными государственными ведомствами выделенных им бюджетных ассигнований. Ключевая роль в разработке правительственного проекта бюджета, представляемого конгрессу, принадлежит административно-бюджетному управлению страны, которое составляет его на основании заявок федеральных ведомств.

В качестве особо важной формы проведения государственной научно-технической политики в США выступает контрактное программно-целевое финансирование НИОКР. Следует отметить, что финансовые средства в этом случае предоставляются не учреждениям, а напрямую коллективам исполнителей. Исследование показало, что причины расширения контрактного финансирования НИОКР по многим направлениям научной деятельности, особенно прикладной, заключается в том, что:

1. подчиняет сферу НИОКР коммерческим целям и принципам рентабельности и настраивает ее на нужды конкретных потребителей;
2. облегчает задачу интеграции науки с производством и способствует созданию системы гибких и подвижных научно-производственных комплексов, нацеленных на решение конкретных проблем;
3. способствует гибкой концентрации НИОКР, сочетанию гигантских приоритетных программ с мелкими исследовательскими проектами;
4. способствует созданию гибких научно-производственных комплексов, соответствующих задаче тех или иных проектов и программ и включающих различные фирмы, вузы, государственные лаборатории, научные учреждения и все прочие необходимые организации и кадры;
5. облегчает задачу стимулирования государством научно-технического прогресса и повышения эффективности НИОКР в частном секторе.

В связи с вышесказанным, а также с правильным пониманием роли программно-целевого управления НИОКР, необходимо подчеркнуть особое положение фундаментальных наук. Опыт США свидетельствует о том, что развитие фундаментальных исследований происходит только при тех или иных формах их бюджетного финансирования. В США преобладающая часть подобных исследований ведется в вузах и государственных лабораториях за счет бюджетных средств. Накопление фундаментальных знаний считается американскими научными кругами кумулятивным и непрерывным про-

цессом, и потери, связанные с сокращением расходов на одном этапе, не могут быть компенсированы на следующем этапе.

В арсенале прямых мер государственной научной политики важное место занимает освоение части федерального бюджета в государственных научных центрах. Создание ещё в 70-х годах федерально финансируемых контрактных научно-исследовательских центров (ФФКИЦ) и их быстрое развитие в последующие годы является результатом поиска новых форм управления государственными лабораториями, реакция на перечисленные выше недостатки. Управление центром со стороны, например, фирмы, обязательное участие ее руководства совместно с администрацией ведомства в разработке текущих и перспективных планов работы лаборатории привносит знание экономической конъюнктуры и потребностей рынка и в какой-то мере стимулирует повышение актуальности научных исследований.

Исследование причин повышения роли инновационной политики США в системе мер государственного регулирования НТП показало, что:

1. ухудшение условий воспроизводства и самовозрастания капитала в 80–90-х годах привело к повышению регулирующей роли рыночного механизма и конкурентной борьбы, которое выразилось в переходе к экономической политике, провозгласившей самостоятельность частного предпринимателя и ослабление прямого государственного вмешательства в процессе производства;
2. режим экономии государственных средств, проводимый в условиях остроты проблемы бюджетных дефицитов при сохранении высокой доли затрат на военные НИОКР, вынуждает искать средства стимулирования развития технологии в частном секторе.

Исследование позволило также сделать вывод, что условно можно выделить три варианта инновационной политики, которые в разные периоды у различных стран доминировали, либо серьезно принимались во внимание:

1. политика «технологического толчка», которая исходит из того, что именно наука и техника являются основными импульсами нововведений, что за их развитие отвечает прежде всего государство и, что только оно, обладая для этого необходимыми материальными ресурсами, экспертизой и информацией, способно точно определить направления этого развития;
2. политика «ориентации на спрос», которая предусматривает главенствующую роль рыночного механизма в распределении ресурсов, в выборе

будущих направлений и технологических возможностей;

3. политика «социальной ориентации», которая исходит из того, что нововведения, обеспечиваемые действием только рыночного механизма, остаются безразличными к общечеловеческим ценностям и могут принести большие социальные издержки, поэтому социальные последствия НТП должны ставиться в центр внимания.

Исследования показали, что проблемы подготовки общественного мнения, информирования общественности по принципиальным вопросам научной и инновационной политики в последнее время рассматриваются в США как важное условие формирования климата, благоприятствующего распространению научно-технических достижений.

Следует отметить, что поиски новой стратегической роли и места государства в ускорении НТП определяются его экономическим содержанием. Сокращение прямых методов государственного вмешательства и расширение косвенных мер в конечном итоге приводит к расширению сферы государственного контроля за всеми стадиями научно-производственно-сбытового цикла, отражает не уменьшение, а, наоборот, усиление экономической роли государства.

Стоит отметить, что в 90-х годах в США начала действовать система конкретных мер по косвенному стимулированию НТП, которая включает:

Введение

- ◆ специальной налоговой скидки от общей суммы инвестиций в активную часть основного капитала;
- ◆ сокращение на 25% налогооблагаемого дохода корпораций от ассигнований на исследования и разработки в текущем году, если они превышали средний уровень за предшествующие три года;
- ◆ сокращение с 5 до 3 лет срока амортизации оборудования для НИОКР;

Введение

- ◆ налогового стимулирования предоставления компаниями оборудования и финансовых средств системе высшего образования;
- ◆ нормативное финансирование федеральными ведомствами мелкого научно-технического предпринимательства, государственное страхование частных инвесторов, вкладывающих средства в мелкие наукоемкие фирмы;

- ◆ изменение патентного законодательства с целью сохранения за корпорациями прав собственности на патенты, полученные в ходе выполнения НИОКР по государственным контрактам;
- ◆ поддержка государством совместных исследовательских центров, создаваемых частными фирмами и университетами [8, с. 67].

Современный этап НТП носит характер перехода к новой технико-экономической базе и принципиально меняет характер экономического роста, важнейшей чертой которого становится постоянная ориентация на научно-технические и организационно-управленческие нововведения.

Сегодня можно сделать также важный вывод о том, что, во-первых, новый этап НТП выходит в свою следующую фазу, когда уже определены его общие направления, началась их интенсивная разработка, тиражирование, доведение до потребителя. Заметим, что в этих областях преимущества крупного бизнеса неоспоримы. Во-вторых, принцип мелкого предпринимательства освоены в полной мере и крупными корпорациями. В-третьих, избыток венчурного капитала снижает действенность механизма конкуренции, «естественного отбора» среди новаторских фирм, что в конечном итоге снижает и прибыльность держателей их акций. В результате с 1 января 1990 г. в США были повышены ставки на доход от приращения капитала до 28% для индивидуальных вкладчиков и до 34% — для корпорации. По-видимому, это означает некоторую стабилизацию мелкого научно-технического предпринимательства, экономическая роль которого определялась задачами генерирования и первой коммерческой апробации новшеств, и стремление государства поддержать остроту соперничества за финансовые ресурсы со стороны мелких наукоемких фирм.

Важно отметить, что следующим и весьма важным элементом инновационной и в целом экономической стратегии США является кадровая политика, а точнее, подготовка и переподготовка научно-технических и инженерных кадров. Именно в этом большинство развитых стран видит залог обеспечения будущих конкурентных преимуществ, экономической безопасности и роста. В США проблемы качества подготовки студентов, значительного числа иностранцев, особенно в инженерных школах и вузах, стоят весьма остро. Они стали предметом рассмотрения Национальной комиссией по качеству образования, где речь идет о «высококачественном человеческом капитале» как одном из ключевых факторов долговременного экономического роста, конкурентоспособности и безопасности. Так, в материалах президентской комиссии США в связи с реализацией научно-технической стратегии рассматривались

следующие инициативы в области человеческих ресурсов:

- ◆ большее финансирование и совершенствование образования через сеть организационных ННФ инженерных исследовательских центров;
- ◆ государственная поддержка программ фундаментальных исследований в области программирования обучения через ННФ в министерство труда;
- ◆ повышение эффективности взаимодействия правительства, промышленности, профсоюзов и академических кругов для выработки консенсуса в вопросах конкурентоспособности.

Подводя итоги, следует отметить, что в целом объективный характер происходящих изменений в сфере государственного регулирования НТП диктуется растущим обобществлением производительных сил, выходом этого процесса за национальные рамки. Государство должно принять во внимание универсальность НТП как основного источника экономического роста, а также возросшую степень интегрированности мировой экономики.

Исследование проблем государственного регулирования НТП в России и США показывает, что научно-техническое развитие рассматривается как наиболее динамичный и решающий ресурс воспроизводства, способный в определенной мере противостоять объективно существующим ограничениям процесса самовозрастания капитала. На наш взгляд, здесь значительную роль играет то, что высокоразвитые страны накопили значительный опыт адаптации производственных отно-

шений к непрерывному совершенствованию производительных сил. Следует заметить, что сегодня скорость этой адаптации повышается с переходом к новому этапу НТР. Активная роль в нем принадлежит государству, но экономическое содержание современного этапа НТР требует гибкости в организационных и управленческих структурах, признания огромной важности автономии и самостоятельности в экономической и научно-технической деятельности и недопустимости бюрократического управления НТП [9, с. 61].

Следует отметить, что в современной России выполнение стратегических задач, поставленных новым майским указом Президента в области развития НТП, потребует увеличения штатной численности научных сотрудников на 20–30%, повышения заработной платы – на 200%. Напомним, что согласно указу Президента в 2024 году Россия должна войти в **пятерку** ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования и разработки в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития. Следует также напомнить, что для выполнения этих задач правительству поручено разработать национальный проект «Наука». По оценке экспертов РАН в целом для достижения поставленной президентом России цели необходимо довести уровень бюджетного финансирования фундаментальных исследований к 2024 году до 0,3% ВВП. Однако представители РАН озабочены тем, что обсуждаемый правительством сегодня объем финансирования национального проекта по науке, на который до 2024 года планируется выделить более 540 млрд. рублей, недостаточен для достижения поставленных в майском указе целей развития научно-технического прогресса в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fortune. 1984. Dec. 10. P. 32.
2. Japan productivity center report on international comparison of labor productivity. Tokyo, 1981.
3. Month. Labour Rev. 1987. N12. P. 25–30.
4. America's competitive coisis. Confronting the new reality conned of competitivness. 1987.
5. Материалы XVII советско-японского симпозиума ученых-экономистов. М., 1987. С. 252.
6. National patterns of science and technology resources: 1989. Wash., 1989. P. 18, 19, 56.
7. Morrow W. L. Public administration: Politics, policy and political system. N. Y., 1980. P. 309.
8. Федорович В. А. Американский капитализм и государственное хозяйство, М, 1979, С. 160.
9. Прохоровский А. А. Американское государство накануне XXI века, М, Наука, 1990.

РОССИЙСКО-ИНДИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРАХ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

RUSSIAN-INDIAN COOPERATION IN THE SPHERES OF SCIENCE, EDUCATION AND HIGH TECHNOLOGIES

R. Gurcov

Summary. The article casts view on the Russian-Indian cooperation in the fields of education, science and high technologies. The author argues that this process is developing disproportionately, as Russia's trade in services in higher education lags behind cooperation in the fields of science and high technology. The article analyzes the ambiguity of Russia's position in the Indian market in connection with the protectionist policy of India's government and competition from the US and the EU in some spheres.

Keywords: international trade, economy of developments, internationalization of science, development institutes

Гурков Родион Александрович

Аспирант, Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития,
Российской Федерации
RAGurkov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается российско-индийское сотрудничество в сферах образования, науки и высоких технологий. Автор доказывает, что этот процесс развивается непропорционально, так как торговля Россией услугами в сфере высшего образования отстает от сотрудничества в сферах науки и высоких технологий. В статье анализируется неоднозначность положения России на индийском рынке в связи с протекционистской политикой правительства Индии и конкуренции со стороны США, и ЕС по отдельным направлениям.

Ключевые слова: международная торговля, экономика развития, интернационализация науки, институты развития.

Объем товарооборота России и Индии в 2017 г. составил 9,4 млрд. долларов США, увеличившись по отношению к 2016 г. на 21,3%. В период 2015–2017 гг. среднегодовые темпы прироста данного показателя равнялись 9,3%. В натуральном выражении прирост в 2017 г. составил 28,2%. При этом, если в стоимостном выражении в 2016 г. наблюдалось сокращение объемов торговли за счет снижения величины российских поставок, то в натуральном рост был зафиксирован на протяжении всего периода 2015–2017 гг. в среднем на 18,8%. Величина российского экспорта в Индию в 2017 г. исчислялась в 6,5 млрд. долларов США, увеличившись против 2016 г. на 21,5%. В натуральном выражении она выросла на 29,8% [1].

Важнейшими товарными группами российского экспорта в Индию в 2017 г. были «Минеральные продукты» (доля этой группы в совокупном экспорте в Индию составила 24,7%), «Машины, оборудование и транспортные средства» (19,9%), «Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них» (16,0%) и «Производство химической промышленности, каучук» (11,2%). При этом в структуре российских поставок в Индию традиционно высокая доля приходится на неклассифицированную продукцию (в 2017 г. 14,7%), так как основой данной группы товаров при поставках на индийский рынок является продукция военного назначения. Треть российского экспорта в Индию составляет машиностроительная про-

дукция. Среди крупнейших товарных групп российского экспорта в Индию только по продукции химической промышленности в 2017 г. наблюдалось сокращение объемов поставок (–6,9% в стоимостном и –4,2% в натуральном выражении). Наибольшим темпам прироста объемов поставок в 2017 г. характеризовалась продукция товарной группы «Минеральные продукты» (в 3,3 раза в стоимостном и +42,4% в натуральном выражении). Также можно выделить двукратный рост величины поставок «Продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного)» (в 2 и 3,2 раза соответственно) [1].

В связи с изменением в структуре российского экспорта в Индию особые надежды возлагаются на продажу в эту страну российских услуг в сфере науки и образования, а также технологий и патентов, как на средство повышения наукоемкости экспорта. Цель настоящей статьи — показать перспективы развития российско-индийского экономического сотрудничества именно в таком ракурсе. Важнейшими видами услуг российского экспорта в Индию в 2016 г. (данные в настоящий момент доступны только по 2016 г.) были «Транспортные услуги» (доля вида услуг в совокупном экспорте в Индию составила в 2016 г. 31,7%), «Прочие деловые услуги» (19,9%) и «Услуги по техническому обслуживанию и ремонту» (24%). На три данные вида услуг приходится почти 90% совокупного российского экспорта. При этом темпы

прироста по всем из них, кроме «Прочих деловых услуг» (+12,2%), имели отрицательные значения. Особо следует отметить 7-кратный прирост в 2016 г. объема экспорта строительных услуг, а также динамичный рост туристических (+31,2%), а также телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг (+91,3%). Положительная динамика проявляется в экспорте наукоемких и интеллектуальных услуг в Индию. Данная величина в 2016 г. составила 228,4 млн. долларов США, что на 57,4% выше уровня 2015 г. При этом, более 90% экспорта данных услуг приходилось на прочие деловые услуги [1].

После начала перехода в середине 1980-х гг. от частично плановой экономики к рыночной в Индии сложились три вида научно-технического сотрудничества с другими странами: а) технологическая дипломатия, б) технологическая синергия, в) прямое приобретение объектов интеллектуальной собственности. Десятилетиями Индия (после подписания соответствующих соглашений в 1971 и 1972 гг.) придерживалась стратегии технологической дипломатии в научно-техническом сотрудничестве с Советским Союзом, в рамках которой, оказалось, разумеется, и образование. Но действительно масштабная интеграция в области научно-технического прогресса началась после подписания соответствующего межправительственного соглашения в 1987 г., когда было положено начало стратегии синергии между группами ученых из обеих стран. Правда, фактически такая модель сотрудничества сложилась между СССР и Индией еще раньше. В 1984–1989 гг. в совместную работу поступили 112 научных тем из 22 областей науки [2, р. 164]. В постсоветский период сотрудничество развивалось на базе межправительственных соглашений, что было обусловлено большим значением оборонных производств в этой российско-индийской научно-технической кооперации. Правда, с 2000 г. это сотрудничество охватило много сфер, основные из которых: торгово-экономическое сотрудничество, фармацевтика, нефтепереработка, угледобыча, металлургия, методики научно-технических исследований, культурология, информационные технологии, энергетика, экология, региональная экономика [3, р. 256]. Но при этом Министерство образования РФ приняло участие в программах сотрудничества в сферах науки, техники и образования только в конце 2012 г. с подписания соответствующего соглашения с Индией, что стало частью процесса развития сотрудничества между министерствами обеих стран.

В целом, российско-индийское сотрудничество в научно-технической сфере регулируется группой соглашений:

1. Долгосрочная программа научно-технического сотрудничества (Integrated Long Term Programme — ILTP);

2. Соглашение о создании российско-индийской исследовательской группы по научно-техническому сотрудничеству (Indo-Russian Working Group for Cooperation in Science&Technology — IRWGS&T);
3. Программа академического обмена;
4. Программа сотрудничества в сфере фундаментальной науки;
5. Российско-индийский центр для трансфера технологий в сфере IT (Indo-Russian S&T Centre for two-way Technology transfer and Commercialization — IRSTC);
6. Межминистерское соглашение по сотрудничеству в сфере науки, технологий и инноваций [4, р. 71].

Большая программа ILTP (запущена в работу в 1987 г.) ориентирована в основном на науки о Земле, астрофизику, математику, проведение совместных семинаров и реализацию объединенных научно-исследовательских программ. В связи с высокой эффективностью срок действия программы ILTP был продлен в 2010 г. еще на 10 лет. К 2010 г. в рамках ILTP были запущены 500 совместных научных проектов, организованы 110 семинаров, размещены 1500 совместных публикаций в международных журналах, установлены примерно 10 000 стабильных научных связей между учеными двух стран. Благодаря ILTP, Индия получила ряд значимых технологий и основанные на их базе производственные объекты: производство вакцины против полиомиелита, металлургический центр для производства специальных порошковых веществ, фабрика по выпуску промышленных ускорителей электронов, система прогнозирования погоды в короткие сроки (система PARAM-10.000), технология по извлечению из горных пород цинка при помощи специальных бактерий, средства защиты урожаев от грибковых инфекций, технология по масштабному выпуску силикона, используемого в промышленных целях, дизайн легкого транспортного самолета «SARAS-DUET», разработка сейсмических сенсоров для полевых исследований с использованием индийских разработок в сфере IT. Со стороны Индии в рамках ILTP задействованы 85 НИИ и отдельных лабораторий и 380 ученых, со стороны России — 105 таких структур и 290 ученых.

Если сравнивать ILTP с аналогичной британо-индийской программой UKIERI, запущенной в 2006 г. [5, с. 151], то мы увидим, что британцам в Индии удалось охватить большее количество исследователей. В 2013 г. в рамках этой программы уже работали 182 исследовательские команды, она охватила 695 научных и образовательных институтов Индии и Великобритании. Значительным достижением этой программы стала разработка более дешевого и удобного микроскопа для борьбы малярией (эта болезнь является одной из центральных

проблем индийского общества) и другими болезнями. Но главной целью UKIERI являются не фундаментальные исследования, а подготовка специалистов на базе британских образовательных стандартов и технологий, включая и ученых-исследователей. Это связано с тем, что в Индии до сих наблюдается хронический дефицит врачей и инженеров. IRWGS&T имеет уровень межправительственного соглашения, на базе которого в 1993 г. была официально создана специальная комиссия по научно-техническому сотрудничеству России и Индии. Эта комиссия имеет право одобрять совместные научные проекты, под ее началом работают 6 разделенных по отраслям науки подразделений (комиссии по: внедрению технологий в промышленность, биотехнологиям, медицинским наукам, метеорологии, метрологии, стандартизации и сертификации, океанологии). Финансирование работы комиссий осуществляется из фондов соответствующих министерств и НИИ.

Программа академического обмена между нашими странами была запущена в 1970 г. в рамках соответствующего соглашения между АН СССР и АН Индии. Программа сотрудничества в сфере фундаментальной науки осуществляется на базе Российского фонда фундаментальных исследований и Департамента науки и технологий Индии с 2008 г. В этой программе участвуют более 400 индийских университетов, НИИ и научных обществ, с 2008 по 2014 гг. были реализованы 88 научных проектов. IRSTC был организован сравнительно недавно с целью коммерциализации научных исследований. IRSTC имеет уровень межправительственного соглашения, являясь при этом отдельной структурой. Межминистерское соглашение по сотрудничеству в сфере науки, технологий и инноваций было подписано в 2013 г. по инициативе Министерства образования РФ. Пока что данное соглашение направлено на проведение консультаций на уровне министерств двух стран.

С 1980-х гг. Индию интересует в первую очередь сотрудничество с Россией в сферах физики, астрофизики и химии. Интерес к физике обусловлен повышенной заинтересованностью в развитии атомной энергетики, что связано с программой строительства АЭС, рассчитанной до 2030 г. Планируется к 2032 г. довести мощности индийских АЭС до 27,5 тыс. МВт, в то время как необходимый показатель для 2021 г. определен в 14,6 тыс. МВт. Но на этом рынке у России есть сильные конкуренты и прежде всего Япония. При непосредственном участии России была запущена в эксплуатацию АЭС «Куданкулам» [6, с. 123, 126], в 2015–2017 гг. продолжилось строительство дополнительных энергоблоков этой станции. В настоящее время речь идет о новом соглашении между странами в области атомной энергетики, так как Индия не обладает достаточными залежами урана и мощностями по его переработке [7, с. 151–156]. У большого

индийского атомного проекта есть препятствия институционального характера. Во-первых, активная деятельность влиятельных общественных организаций Индии, выступающих против строительства АЭС. Во-вторых, недовольство Китая развитием российско-индийского сотрудничества в данной сфере, что может вызвать нежелательные для Москвы осложнения отношений с Пекином. В-третьих, Индия стала в 2016 г. военным союзником США (пока что реальные контуры этого союза не до конца понятны), что может спровоцировать давление Вашингтона на индийское руководство с целью ограничений сотрудничества с Россией по атомным проектам. В-четвертых, позиции ЕС и ООН по экологическим вопросам могут в любое время также изменить ситуацию не в пользу российских инициатив по строительству АЭС в Индии. В-пятых, ЕС всячески рекламирует в странах третьего мира и пытается активно продвигать свои технологии альтернативной энергетики, что достаточно эффективно было сделано в прошлом десятилетии в Китае. В-шестых, сотрудничество с Индией во многом построено не на коммерческой основе, а на концепции внешней политики России — «политике мягкой силы» [8], что подразумевает снижение материальной выгоды для российской экономики от интернационализации науки и образования. Пример развития научно-технического и торгового сотрудничества с Ираном показал, что «политика мягкой силы» не ведет к радикальному изменению структуры экспорта России в пользу товаров с высокой добавленной стоимостью и наукоемкой продукции. В-седьмых, несмотря на проведенные в 1980–1990-е гг. либеральные реформы, в Индии за государством сохранено приоритетное право (почти монопольное) на развитие международного сотрудничества [5, с. 50]. Исключение сделано для сферы IT, что вытекает из традиций индийского общества и особенностей политической системы страны. Данное обстоятельство осложняет выход на индийский рынок науки, технологий и образовательных услуг частных лиц из России.

Развитие альтернативных источников энергии может изменить после 2025 г. отношение индийского общества к строительству АЭС и, соответственно, к научно-техническому сотрудничеству в данной сфере. Потребности Индии в финансировании небольших и относительно крупных комплексов сбора и преобразования солнечной энергии в электричество оцениваются в 200 млрд. долларов. Установленные мощности по выработке солнечной энергии должны составить к 2022 г. 100 млн. киловатт. «Abraaj Group» в сотрудничестве с базирующейся в Индии «Abitya Birla Group» приобрела 49%-ное участие в «Abitya Birla Renewables», занимающейся строительством солнечных электростанций в Индии. «Abu Dhabi Investment Authority» инвестировала 150 млн. долларов в «Greenko Energy Holdings» [9, р. 106], оператора станций по выработке ветровой и гидроэлектроэнергии

в Индии. Учитывая успешность таких капиталовложений и наличие потенциального рынка, «Dubai Holding LLC», дочерняя компания суверенного фонда благосостояния Эмирата изучает возможности осуществления инвестиций в сектор возобновляемых источников энергии (ВИЭ).

Немаловажным аспектом российско-индийских отношений является образование, которое занимает в перечисленных межгосударственных соглашениях второстепенное значение, что является стратегической ошибкой обеих сторон. Ежегодно в России обучаются от 3 до 5 тысяч индийских студентов, что в десятки раз больше, чем в советские времена. Этот факт указывает на высокий потенциал российского рынка образовательных услуг для индийской стороны, но в то же время есть угроза утраты этих позиций, поскольку у России есть сильный конкурент в этой сфере — США, где ежегодно обучаются более 130 000 студентов из Индии [5, с. 44]. При этом в России подавляющее большинство индийских студентов обучается по медицинским специальностям, тогда как когда в США 78,6% — по специальностям STEM.

Россия проигрывает конкуренцию на мировом рынке образовательных услуг из-за позиции Министерства образования РФ, которое за весь постсоветский период практически не проводило исследований перспектив привлечения индийских студентов в российские вузы [5, с. 45]. Такая позиция многом объяснима китайским вектором научно-технического сотрудничества России со внешним миром, который преобладал до 2010 г. Кроме того, у МО РФ длительное время не было определенной стратегии по интеграции российского образования в мировой рынок образовательных услуг. В этой связи показательна также и позиция Министерства образования Индии, которое ориентировано в вопросах сотрудничества с британскими структурами высшего образования. Показательно, что в ходе сотрудничества с британцами индийцы объединили образование и науку [5, с. 51]. Между тем российская модель сотрудничества с Индией, как и со многими другими странами, уже давно подразумевает отделение образования от науки, которая регулируется в основном межправительственными соглашениями, и на этом рынке доминируют российские НИИ.

Другой сложностью для развития научно-технического сотрудничества с Индией является протекционистская политика ее правительства в отношении российских товаров. Следует иметь в виду, что если в экспорте страны нет товаров с высокой добавленной стоимостью, то со временем интерес к ее научным достижениям заметно ослабевает, и одной из причин является отсутствие спроса на услуги, связанные с эксплуатацией и ремонтом техники в стране-импортере. В течение последних лет российские товаропроизводители столкнут-

лись с достаточно жесткой позицией индийских властей по допуску российских фирм на индийский рынок. С 2012 г. Индия приняла порядка 18-ти законодательных актов, так или иначе значительно осложняющих положение иностранных производителей на индийском рынке. При этом местные власти могут вводить дополнительные пошлины и прочие правила в отношении российских товаров в любое время, что делает торговлю с Индией рискованным предприятием.

Таким образом, резервы роста российско-индийского научно-технического сотрудничества, разумеется, существуют, но для них явно не хватает институционального оформления. Развитие только технологического обмена без образования и подготовки специалистов на базе российских вузов бесперспективно, поскольку, как показывает весь мировой опыт, высшее и среднее техническое образование остается определяющим в выборе обществом той или иной технологической базы [10, с. 127–128]. При строительстве метро в Дели российские транспортные технологии оказались наименее востребованными, по сравнению с японскими и южнокорейскими. Одна из причин этого факта — индийские инженеры транспорта и их менеджмент получили образование в ведущих азиатских странах, либо обучались в своих университетах по стандартам, сформированным на базе программ западных и японских университетов.

В связи с установлением между Индией и США военных связей, характеризующихся как ограниченное сотрудничество, российские товары оборонного назначения будут вытесняться с индийского рынка. Российские энергетические проекты в Индии наиболее перспективны в атомной сфере, что дает России возможность привязать партнера к своей сырьевой базе (поставки ядерного топлива и обогащенного урана), но возможности этого рынка также достаточно неясны в связи с общемировой и внутривосточной (в Индии) ситуациями. К тому же, на индийский рынок активно прорываются производители энергии на базе альтернативных источников, что может привести к снижению темпов развития атомной энергетики в стране.

Поэтому представляется целесообразным создать кластер из российских и индийских университетов, к которому можно в дальнейшем присоединить ограниченное количество НИИ и частных фирм. На базе этого кластера возможно было бы формировать кадры из числа студентов и аспирантов для научного сотрудничества между странами в долгосрочной перспективе. Кроме того, не подлежит сомнению, что российская сторона должна оказывать на Индию воздействие в пользу отмены барьеров для российской продукции с высокой добавленной стоимостью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Внешняя торговля России URL: \ \ <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-03/dinamika-torgovli-rossii-s-indiey-v-2010-2017-godah/> (дата обращения 19.05.2019)
2. Stobdan P. India-Russia Strategic Partnership: Common Perspectives. New Delhi: Institute for Defence Studies and Analyses, 2010. 503 p.
3. Minch M. I. Importance of Indo-Russian Relations in the Globalised World // Scholars Journal of Arts, Humanities and Social Sciences. 2014. № 2 (2B). Pp. 254–257.
4. Mandal K., Priti L., Hardip Grewal. Looking back: India-Russia collaboration in Science and Technology // Sociology of Science and Technology. 2016. Volume 7. No. 3. Pp. 65–83.
5. Устюжанцева О. В. Образовательное сотрудничество в российско-индийских отношениях // Сибирские исторические исследования. 2016. № 3. С. 43–64.
6. Смирнова О.А., Зубов Д. В. Позитивная конкуренция как основополагающий фактор политики России на рынке атомных энергетических услуг Южной Азии // Власть. 2016. № 5. С. 122–129.
7. Печищева Л. А. Россия — Индия: новый «атомный союз» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 151–156.
8. Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО. 2013. № 4 (25). С. 85–93.
9. Andreff W. Outward Foreign Direct Investment from BRIC countries: Comparing strategies of Brazilian, Russian, Indian and Chinese multinational companies // The European Journal of Comparative Economics, European Association for Comparative Economic Studies and Universita Carlo Cattaneo. 2016. № 12 (2). Pp.79–131.
10. Попов Г. Г. Влияние системы образования на экономический рост в международных сопоставлениях // Экономика, предпринимательство, окружающая среда. 2013. № 2 (54). С. 116–135.

© Гурков Родион Александрович (RAGurkov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Всероссийская академия внешней торговли

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ ГОСУДАРСТВ ЕАЭС

THE DEVELOPMENT OF INNOVATION SYSTEMS OF THE EAEU MEMBER STATES

E. Somov
Y. Naaber

Summary. The relevance of the study of the problems of National innovation systems of the EAEU and their Association is undeniable. The article deals with the history of national innovation systems (NIS) and the impact of NIS on the economy of the state. The ways of integration of National innovation systems of the EAEU into the joint innovation system of the Eurasian economic Union (OIC EA-ES) are investigated. The topical problems of integration of National innovation systems of Russia, Kazakhstan, Belarus, Armenia and Kyrgyzstan: the creation of the subsystem of financing of the OIC, the subsystem of coordination and planning of the OIC and others. the Issues of innovative development of the country and the role in this development of the National innovation system. The necessity of economic development of the EAEU countries in accordance with the strategy of innovative development is shown.

Keywords: integration, national innovation system, innovation, economy.

Сомов Евгений НиколаевичК.э.н., доцент, Кыргызско-Российский Славянский университет
e.somov@mail.ru**Наабер Юрий Рудольфович**К.э.н., профессор, Кыргызско-Российский Славянский университет
Naaber1937@mail.ru

Аннотация. Актуальность изучения проблем Национальных инновационных систем ЕАЭС и их объединение бесспорны. В статье рассмотрены вопросы истории создания Национальных инновационных систем (НИС) и влияния НИС на экономику государства. Исследованы пути интеграции Национальных инновационных систем ЕАЭС в объединенную инновационную систему Евразийского экономического союза (ОИС ЕАЭС). Освещены актуальные проблемы интеграции Национальных инновационных систем России, Казахстана, Белоруссии, Армении и Кыргызстана: создание подсистемы финансирования ОИС, подсистемы координации и планирования ОИС и др. Рассмотрены вопросы инновационного развития страны и роль в этом развитии Национальной инновационной системы. Показана необходимость развития экономики стран ЕАЭС в соответствии со стратегией инновационного развития.

Ключевые слова: интеграция, национальная инновационная система, инновации, экономика.

С момента распада СССР в 1991 году происходили определенные изменения во взаимоотношениях между бывшими союзными республиками. Была необходимость создания какого-либо объединения координационного характера. Таким объединением стало Содружество независимых государств (СНГ) на основе соглашения, подписанного в Минске 8 декабря 1991 года. Первоначально в него вошли Российская Федерация, Белоруссия и Украина. Затем в состав СНГ постепенно вошли остальные республики бывшего СССР за исключением стран Балтии. Литва, Латвия и Эстония сразу отказались войти в состав СНГ.

К сожалению, СНГ по ряду причин оказалось неэффективной организацией, и была далека от целей, поставленных первоначально. Если еще точнее, СНГ оказался нежизнеспособным.

На пространстве большей части СССР последовательно были образованы Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Таможенный союз. Единое экономическое пространство (ЕЭП), и, наконец, Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Государствами-членами ЕАЭС являются Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Армения и Кыргызская Республика. Договор о Евразийском экономическом союзе России, Белоруссии и Казахстана действует с 1 января 2015 года, в Армении со 2 января 2015 года. В Кыргызской Республике с 8 мая 2015 года. Сам договор учитывает многие положения ранее подписанных соглашений. В определенной степени ЕАЭС в чем-то похож на ЕС. Во всяком случае, многое из того, что наработано в Европейском Союзе, может быть использовано в ЕАЭС. Считается, что период 2015–2025 годов деятельности ЕАЭС определен как переходный. За это время будут созданы новые органы, которые начнут функционировать. В частности, Высший экономический совет на уровне президентов государств-членов. Евразийский межправительственный совет на уровне премьер-министров государств-членов и др. Одновременно создаются наднациональные структуры, которые к сожалению малочисленны и не полностью отвечают требованиям ЕАЭС.

К первоочередным наднациональным структурам, создание которых весьма актуально, является Объеди-

ненная инновационная система Евразийского экономического союза (ОИС ЕАЭС). Опыт более чем двадцатилетнего независимого существования государств бывшего СССР показывает, что связи между национальными инновационными системами (НИС) этих государств сохранились. Пусть эти связи ослабли, нет прежней эффективности НИОКР, появились новые области НИОКР совместно с научными учреждениями других стран, тем не менее, прежние центрированные тенденции действуют. Тем более в настоящее время, когда перспективные направления научных исследований требуют участия многих стран, необходимо решать вопрос о создании и развитии объединенных НИС государств ЕАЭС. Решение этого вопроса достаточно сложная и долгая процедура, но требующая ее реализации в относительно краткие сроки. Создание объединенных НИС государств ЕАЭС обещает большие возможности для участников союза.

Это, в первую очередь, возможность создания инновационной экономики, отражающей достижения мировой и отечественной науки. Далее вполне возможно увеличение экспорта машин, оборудования, передовых технологий. Нормальное функционирование объединенных НИС дает возможность резкого подъема экономик государств ЕАЭС. Сильная экономика дает возможность участвовать в глобальных инновационных проектах во многих областях науки и техники. Появятся новые стимулы и возможности для развития науки государств ЕАЭС. Само создание объединенных НИС будет способствовать воссозданию в полном понимании этого термина единого экономического пространства.

В целом, конечной целью создания Евразийского экономического союза является создание экономики, развивающуюся инновационным путем, ликвидация ее сырьевой ориентации и достижение более высокого уровня развития. Создание же инновационной экономики предполагает наличие эффективных НИС, работающих согласованно и объединенных в единую наднациональную инновационную систему. Но этого будет недостаточно только для принятия решения о создании такой НИС пяти государств (Россия, Казахстан, Белоруссия, Кыргызстан, Армения), должны быть совершены и другие определенные действия: четкое определение прав и обязанностей субъектов соглашения, создание органа, координирующего деятельность НИС ЕАЭС.

Далее появляются вопросы, связанные уже с Наднациональной НИС в области науки: в каких направлениях вести исследования, как фундаментальные, так и прикладные; как реформировать существующие научно-исследовательские учреждения и какие создавать вновь? Какова должна быть политика в этой области? Она должна быть единой для всех государств, входящих или готовящихся войти в Евразийский экономический союз, имея

конечной целью, как уже указывалось выше, обеспечить условия для создания инновационной экономики. Отсюда повышенное внимание научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам (НИОКР), с доведением затрат на них до 3% ВВП стран, входящих в ЕАЭС, и максимальное использование в экономике результатов НИОКР. Другими словами, максимальное сокращение «долины смерти», т.е. когда результаты научных исследований остаются невостребованными отечественной экономикой. Это не значит, что инновационное развитие экономики пойдет только за счет достижений науки и техники участников ЕАЭС, т.е. будет достигнута автаркия, необходимо и определенное сотрудничество и с другими странами, имеющими какие-либо достижения в науке и технике, представляющие интерес для ЕАЭС. Ранее уже говорилось о необходимости создания наднационального органа с большими и широкими полномочиями. Это вызвано еще и тем, что как в прошлом, так и в настоящее время, и вероятно и в будущем, финансирование НИОКР осуществлялось и осуществляется за счет государства, и следовательно, государственный орган помимо других сфер деятельности должен распределять и контролировать эти средства для деятельности и реализации различных проектов. Само объединение национальных инновационных систем должно строиться исходя из определенной стратегии научно-технического развития. Существует множество классификаций стратегий научно-технического развития государств, одна из которых подразделяет стратегии следующие виды — стратегия «переноса», стратегия «догоняющего развития» и стратегия «наращивания» [9, 10, 11,12]. Реальный прогресс в науке немислим без возможности публично критиковать взгляды оппонентов и благодаря этой критике корректировать свою собственную позицию [5].

На глобальном уровне «отсутствует единая и последовательная стратегия выживания цивилизаций, которая могла бы определить возможности взаимонадаптации культур, вызовы очередной научно-технической революции» [1, 2, 6] и иметь принципиальное значение для общества в условиях глобализации.

В обозримой перспективе применяться, видимо, будут все стратегии в ЕАЭС с преобладанием третьей из указанных стратегий. Созданный союз быстроразвивающихся стран, куда входят Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика (БРИКС), это, судя по заявлениям участников этого союза — это, прежде всего, экономический союз. Если это экономический союз, то первостепенное внимание должно уделяться инновационному развитию экономик стран-участников БРИКС, следовательно, у них должны быть эффективно функционирующие НИС. Членство России в БРИКС подразумевает в какой-то мере и участие Белоруссии,

Таблица 1. Характеристика НИС государств ЕАЭС.

№ п/п	НИС	Тип НИС	Величина	Финансирование НИОКР	Виды стратегий научно-технического развития	Недостаток стратегии	Основные требования к реализации стратегии
1.	НИС РФ	Евроатлантическая	Большая	Преимущественно государственное	Стратегия «переноса», стратегия «догоняющего развития», стратегия «наращивания»	Трудности в определении масштабов и удельного веса стратегий в масштабах государства	Значительные финансовые затраты
2.	НИС РК	Евроатлантическая	Средняя	Преимущественно государственное	Стратегия «догоняющего развития», стратегия «совместного наращивания»	Невозможность выйти в лидеры, трудности координации проектов	Очень большие финансовые затраты
3.	НИС РБ	Евроатлантическая	Средняя	Преимущественно государственное	Стратегия «догоняющего развития», стратегия «совместного наращивания»	Невозможность выйти в лидеры, трудности координации проектов	Очень большие финансовые затраты
4.	НИС КР	Евроатлантическая	Малая	Преимущественно государственное	Стратегия «догоняющего развития», стратегия «совместного наращивания»	Невозможность выйти в лидеры, трудности координации проектов	Очень большие финансовые затраты
5.	НИС РА	Евроатлантическая	Средняя	Преимущественно государственное	Стратегия «догоняющего развития», стратегия «совместного наращивания»	Невозможность выйти в лидеры, трудности координации проектов	Очень большие финансовые затраты
6.	Объединенная НИС государств ЕАЭС	Евроатлантическая	Супербольшая	Преимущественно государственное	Стратегия «лидер плюс последователи»	Трудности в выработке общей инновационной политики	Экономический союз

Казахстана, Армении и Кыргызстана. Следовательно, объединение национальных инновационных систем ЕАЭС необходимо создавать с учетом целей развития двух составляющих — ЕАЭС и БРИКС. Необходимо отметить, что как ЕАЭС, так и БРИКС — это союзы, находящиеся на начальном этапе своего существования, между участниками этих союзов возможны в будущем и противоречия, а это еще один из доводов о том, что предполагаемое к созданию объединение национальных инновационных систем — России, Казахстана, Белоруссии, Кыргызстана и Армении должно быть большим и сильным. Большим — это численность людей, занятых в этом секторе, соответственно большие инвестиции, большое финансирование, значительное количество ВУЗов, научных учреждений, инновационных фирм. Сильный — это лидерство в отдельных областях знаний, лидерство в отраслях экономики, научные открытия, патенты, научные школы и др., развивающаяся инновационная экономика. Естественно, возникает вопрос.

А что рекомендуется к объединению? Что представляет собой НИС этих бывших республик СССР?

Известно, что у них есть общие черты и общие направления исследований. Из всех известных типов национальных инновационных систем, к НИС России, Казахстана, Белоруссии, Армении и Кыргызстана наиболее подходит (условно) Евроатлантическая модель.

Считается, что эта модель полного инновационного цикла. Она характеризуется на входе в систему возникновением идей, на выходе — массовым производством нового продукта или оказанием новой услуги [3].

В Евроатлантической модели достаточно ярко представлены все составные части инновационной системы:

- ◆ фундаментальные исследования;
- ◆ прикладные исследования;
- ◆ разработка и создание новых образцов;

- ◆ финансирование всего инновационного цикла;
- ◆ подготовка кадров;
- ◆ мониторинг;
- ◆ подсистема управления и координации.

Несколько подробнее о НИС государств ЕАЭС. Условно НИС РФ является большой. НИС Республики Казахстан и Республики Беларусь являются средними, остальные две НИС являются малыми (таблица 1) [8,13].

Как показывает практика, финансирование НИОКР в ЕАЭС в настоящее время преимущественно государственное, частный сектор неохотно идет на финансирование НИОКР. В перспективе удельный вес государственного финансирования должен уменьшаться.

При создании объединенной НИС ЕАЭС действуют две стратегии — стратегия «совместного наращивания» и «стратегия лидер плюс последователи». Эти стратегии не противоречат классификации А.Г.Полянчевой и их сочетание возможно является ее дальнейшим развитием исходя из новой политической и экономической ситуации. Стратегия «совместного наращивания» предполагает использование научно-технического потенциала нескольких стран для реализации ряда больших инновационных проектов. Недостаток этой стратегии — трудности координации больших инновационных проектов межгосударственного уровня. Возможны разночтения при определении

доли каждого государства в финансировании проектов и использовании научных результатов.

Основные требования к реализации — обеспечение больших финансовых затрат с привлечением большого числа источников финансирования (государственных и частных). Эта стратегия дает возможность участия небольших НИС в реализации больших проектов, которые самостоятельно не могут быть осуществлены малыми НИС. При этом все НИС должны подняться на более высокий уровень.

Стратегия «лидер плюс последователи» будет характерна для объединенных НИС государств ЕАЭС. В этом объединении НИС бесспорным лидером является Рос-

сия как в смысле количества научных сотрудников, числа научно-исследовательских учреждений, научных школ, научных достижений и возможного объема финансирования. Объединенные НИС будут представлять собой супербольшую НИС с колоссальным потенциалом. Недостатки этой стратегии заключаются в трудностях выработки общей инновационной политики государств-участников, заключения соглашений и последующей координации деятельности НИС этих государств, непропорционально большие финансовые затраты лидера.

Основные требования к реализации — вхождение нескольких государств в какой-либо политический или экономический союз — СНГ, ЕС, ЕАЭС, всесторонняя помощь, в частности, финансовая помощь лидера последователям.

В каждом государстве ЕАЭС видимо существуют стратегии развития отраслей экономики и видов деятельности. Если пойти по пути простого объединения этих стратегий, то для их реализации потребуются слишком большие инвестиции, которые в настоящее время и в ближайшее время и в ближайшем будущем просто невозможно обеспечить.

Итак, выявить проблемы дальнейшего развития экономики ЕАЭС и наметить пути их решения можно лишь создав объединение НИС государств ЕАЭС. Эта объединенная НИС при условии эффективной работы может оперативно решать многие задачи:

- ◆ определение актуальных направлений научных исследований;
- ◆ увеличение финансирования НИОКР;
- ◆ подготовка научных кадров;
- ◆ инвестиции в науку и научное обслуживание;
- ◆ создание новых научных учреждений;
- ◆ разработка путей развития инновационной экономики ЕАЭС;
- ◆ размещенческий аспект инновационного развития.

Объединенная НИС ЕАЭС способна обеспечить решение ряда проблем соответствующих успешному инновационному развитию государств-участников этого объединения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажыбекова К. А., Брусиловский Д. А., Есипов И. И. Методология адаптации мусульман-мигрантов к европейской культуре // Евразийский юридический журнал. — 2017. — № 7 (110). — С. 351–355.
2. Ажыбекова К.А., Тогусаков О. А., Брусиловский Д. А. Соотношение различных уровней организации взаимoadaptации цивилизаций в стратегии их выживания / К. А. Ажыбекова, О. А. Тогусаков, Д. А. Брусиловский, Н. С. Акматова, А. Н. Смутко // Социально-политические науки. — 2019. — № 1. — С. 141–145.
3. Алексеенкова Е.С., Нечаев В. Д., Сергеев В. М. Типология моделей инновационного развития // Политика. — 2008. — № 4. — С. 6–22.

4. Брусиловский Д. А. Диалог культур и толерантность в условиях глобализации // Известия ВУЗов Кыргызстана. — 2015. — № 4. — С. 129–133.
5. Брусиловский Д.А., Павлик Н. Н. Формирование индивидуальной образовательной траектории студентов направления подготовки «менеджмент» // Теория, методика обучения и воспитания в современном образовательном пространстве: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. Н. Бурова. — Волгоград, 2018. — С. 206–212.
6. Бузский М. П., Брусиловский Д. А., Мещерякова Я. В., Ангел О. В. Межкультурные коммуникации в развитии современного мира // Инновационный потенциал молодежи: глобализация, политика, интеграция: сб. науч. ст. Междунар. науч.-исслед. конф. — Екатеринбург: Урал. Федерал. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2016. — С. 3–15.
7. Наабер Ю.Р., Сомов Е. Н. Развитие национальной инновационной системы Кыргызской Республики. — Бишкек: КРСУ, 2013.
8. Наабер Ю.Р., Сомов Е. Н. Национальные инновационные системы государств ЕАЭС и пути их перспективного развития в Евразийском экономическом союзе. — Бишкек: КРСУ, 2017.
9. Наабер Ю. Р., Сомов Е. Н., Сулеева Д. А. Подходы к выбору направлений реиндустриализации промышленности кыргызской республики // Креативная экономика. — 2018. — Т. 12. — № 4. — С. 513–523.
10. Полянчева А. Г. Исследование зарубежного опыта управления научно-техническим развитием и оценка его использования в российских условиях // Менеджмент в России и за рубежом. — 2007. — № 2. — С. 34–40.
11. Сомов Е. Н. Теоретические основы развития сельскохозяйственной потребительской кооперации // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. — 2014. — Т. 14. — № 8. — С. 145–149.
12. Сомов Е. Н. Условия повышения эффективности сельскохозяйственного производства в кыргызской республике // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. — 2013. — Т. 13. — № 7. — С. 180–182.
13. Сомов Е. Н., Брусиловский Д. А. Обеспечение продовольственной безопасности Кыргызстана // Инновационный потенциал молодежи: информационная, социальная и экономическая безопасность: сб. мат-лов междунар. науч.-исслед. конф. / под общ. ред. А. В. Пономарева. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. — 893 с. — С. 621–627.

© Сомов Евгений Николаевич (e.somov@mail.ru), Наабер Юрий Рудольфович (Naaber1937@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кыргызско-Российский Славянский университет

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОПЕРАТИВНЫХ РАБОТНИКОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ABOUT THE PECULIARITIES OF THE INTERACTION OF THE INVESTIGATOR AND OPERATIONAL WORKERS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES

D. Aristarkhov

Summary. The article identifies current problems, the interaction of the investigator with the bodies of inquiry, in the investigation of crimes in modern conditions. Recent examples from the author's practice are given, on the basis of which conclusions are drawn on the problems of this article. It should be noted that today, most forms of interaction between the investigator and the inquiry bodies necessary to investigate crimes and establish the factual circumstances of the case are formal. In this regard, the author of the article raises the question of the insufficient quality of interaction between the investigator and the bodies of inquiry. There are significant drawbacks in the organizational form of interaction between the investigator and operational staff. This problem becomes even more acute when the departments involved in the production of a particular criminal case / material and their employees belong to different law enforcement agencies. All this leads to the fact that in modern conditions it becomes more difficult to achieve justice, fairness and effectiveness of the law enforcement system, even for ordinary crimes. The real problem is the most important, since it directly affects the quality of the work of law enforcement agencies and, in general, the implementation of state justice. All the above facts are reflected by the author in this article, and also suggests ways to solve the indicated problems with reference to real criminal cases and materials verifying reports of a crime.

Keywords: interaction, investigator, operational-search activity, railway, KUSP, JSC "Russian Railways", deficiencies, material verification, act of response, Ministry of Internal Affairs bodies.

Аристархов Дмитрий Анатольевич

*Аспирант, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»
Dimaris90@mail.ru*

Аннотация. В статье обозначаются актуальные проблемы, взаимодействия следователя с органами дознания, при расследовании преступлений в современных условиях. Приводятся недавние примеры из практики автора, на основе которых и делаются выводы по проблематике настоящей статьи. Следует отметить, что на сегодняшний день, большинство форм взаимодействия следователя и органов дознания, необходимых для расследования преступлений и установления фактических обстоятельств по делу, носят формальный характер. В связи с этим, автор статьи поднимает вопрос о недостаточном качестве взаимодействия следователя и органов дознания. Существенные недостатки имеются в организационной форме взаимодействия между следователем и оперативными работниками. Такая проблема становится еще острее когда ведомства, занимающиеся производством по определенному уголовному делу/материалу и их работники относятся к разным правоохранительным органам. Все это приводит к тому, что в современных условиях становится сложнее добиться правосудия, справедливости и эффективности работы правоохранительной системы даже по рядовым преступлениям. Настоящая проблематика является наиважнейшей, так как напрямую влияет на качество работы правоохранительных органов и в целом на осуществление государством правосудия. Все названные факты отражаются автором в настоящей статье, а также предлагаются способы решения обозначенных проблем со ссылкой на реальные уголовные дела и материалы проверки сообщений о преступлении.

Ключевые слова: взаимодействие, следователь, оперативно-розыскная деятельность, железная дорога, КУСП, ОАО «РЖД», недостатки, материал проверки, акт реагирования, органы МВД.

Взаимодействие правоохранительных органов при расследовании преступлений является ключевым фактором в борьбе с преступностью. Такое взаимодействие особо важно между следственными органами и органами дознания как на стадии возбуждения уголовного дела, так и на стадии предварительного расследования. Наличие у оперативно-розыскных подразделений негласной оперативно-розыскной функции и ее отсутствию у следователя наделяет взаимодействие новыми и исключительно необходимыми свойствами. Также, необходимость тесного взаимодействия обу-

славливается преимущественным разведывательным и конспиративным характером оперативно-розыскной деятельности и преимущественно доказательственной направленности уголовно-процессуальной деятельности, реализуемой гласно. Также, необходимо отметить, что по отношению к органу дознания следователь обладает определенной властью. По расследуемым им делам, он вправе давать органам дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении поста-

новлений о задержании, приводе, аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении. Как верно отмечает Б.Т. Безлепкин — Не будь такого правила, следователь одиночка в целом ряде случаев прежде всего при расследовании крупных и сложных дел об организованных групповых преступлениях, оказался бы не в состоянии выполнять свои обязанности. Ему, кабинетному работнику, не по плечу, например, производство трудоемких обысков, требующих применения специальных поисковых средств. При этом сам следователь не может обеспечить личную безопасность участников подобных следственных действий на случай возможного противодействия, вплоть до вооруженного, тем более что задержание подозреваемых в наше время все чаще приобретает черты боевого столкновения [1]. Более того, к примеру в большинстве регионов России в органах Следственного комитета Российской Федерации ношение служебного оружия личным составом следователей фактически не предусмотрено.

Следует отметить, что на сегодняшний день, к сожалению, большинство форм взаимодействия следователя и органов дознания, необходимых для расследования преступлений и установления фактических обстоятельств по делу, носят откровенно формальный характер. Ввиду этого, можно с уверенностью сказать, что то взаимодействие которое предусматривал законодатель и которое необходимо для качественной борьбы с преступлениями в ряде случаев отсутствует вовсе. Работа следователя и оперативных работников по одному делу/материалу зачастую носит разрозненный характер[2]. То есть органы следствия и дознания и их должностные лица соответственно, выполняют свои сугубо индивидуальные задачи при производстве по делу/материалу, не учитывая, что их деятельность, пусть и не всегда совместная, все же направлена на решение одной цели- раскрытие преступления. Данная проблема становится еще острее когда ведомства, занимающиеся производством по определенному уголовному делу/материалу и их работники относятся к разным правоохранительным органам (к примеру следователь следственного комитета РФ и оперативные сотрудники МВД РФ). В таком случае, очень часто поручения следователя выполняются исключительно формально. Все это приводит к тому, что фактически в современной России все сложнее добиться правосудия, справедливости и эффективности работы правоохранительной системы даже по, казалось бы, рядовым преступлениям. Чтобы не быть голословным приведем несколько примеров из последних дел с которыми пришлось столкнуться автору данной статьи. Один из показательных примеров это произошедший зимой 2016 года инцидент с кражей узлов и механизмов с проходящего железнодорожного подвижного состава по одной из железных дорог обще-

го пользования ОАО «РЖД». После сообщения о выше-названном факте в линейное управление на транспорте МВД, как предусмотрено уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, а также ведомственными нормативно-правовыми актами МВД РФ, информация о предполагаемом преступлении была зарегистрирована в КУСП, в следствии чего началась до следственная проверка, то есть стадия уголовного процесса, именуемая стадией возбуждения уголовного дела. В этот период при общении заявителя с опрашиваемым его оперативным работником выяснились подробности обстоятельств дела уже для заявителя. Оказалось, что в вверенном оперативному работнику линейного отдела полиции МВД районе данный факт хищения далеко не новая информация. Более того, сотрудник полиции сообщил, что факты такого хищения на данной станции являются регулярными и объем таких хищений с железнодорожного состава, проходящего через данную станцию достаточно большой. Оперуполномоченным также добавлялось, что известны пути вывоза похищенного имущества, но ничего с этим сделать не представляется возможным. То есть, из данного утверждения можно предположить, что вся совокупность методов, которыми снабжены оперативные сотрудники МВД, в том числе негласные методы в рамках оперативно-розыскных мероприятий, а также засекреченная в ведомственных нормативно-правовых актах МВД обучающая информация о тактике осуществления таких мероприятий, оказались бессильны перед лицом такого преступления, как хищение чужого имущества. В действительности же по мнению автора формализм и нежелание качественно обработать полученную информацию о явно совершенном преступлении устраняют любые и самые эффективные методы расследования преступлений, сколько не предлагай их совершенствовать с законодательной и практической точек зрения.

Данное дело получило продолжение после передачи соответствующего проверочного материала для принятия решения- следователю линейного управления МВД. Сразу следует сказать, что из всех профессиональных действий следователя по данному материалу, наиболее применяемыми были беседы с заявителем, в которых следователь постоянно ставил под сомнение сам факт хищения и вообще каких-либо криминальных событий произошедших в день совершения предполагаемого преступления на вверенной следователю территории железной дороги. В итоге после многочисленных эмоциональных и душевных переживаний следователя по факту поступления к ней такого на ее взгляд некачественного материала проверки, вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и одновременно ходатайство прокурору об отмене такого решения в целях последующего продления сроков до следственной проверки. Здесь следует пояснить, что как уже

ранее отмечалось учеными изучающими проблематику уголовного судопроизводства (к примеру А.Г. Карпов) что хоть срок установленный уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации на стадии возбуждения уголовного дела в размере 30 суток предельный, все же может быть продлен прокурором в установленном законом порядке в рамках отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и отправлении соответствующего материала на дополнительную проверку[3]. Следует добавить, что данное действие может быть выполнено неоднократно, пока злосчастный проверочный материал не потеряет свою актуальность и не затеряется в архивах МВД.

В вышеназванном примере о каком-либо фактическом взаимодействии всех перечисленных правоохранительных органов вообще сложно говорить, так как каждый из участников уголовного процесса на стороне обвинения старался лишь снять с себя ответственность и формально соблюсти показатели эффективности своего ведомства. Хотя минимально эффективным действием вышеназванных правоохранительных органов было бы хотя бы направление в многоуровневую службу безопасности ОАО «РЖД» акта реагирования на поступившую информацию, к примеру постановление об устранении правонарушения в целях извещения ОАО «РЖД» о противоправных действиях на дороге в исключительном ведении которого она и находится, в том числе вместе с сотрудниками соответствующих станций, которые по мнению автора и совершали все вышеназванные противоправные действия, по хищению узлов и деталей, так как посторонние лица не допускаются на пути общего пользования ОАО «РЖД» в принципе.

Другим ярким примером отсутствия должного взаимодействия следователя и оперативных работников, является такое тяжкое преступление, как покушение на убийство, которое было совершено летом 2016 г в г. Уфе и не было доведено до конца по независящим от совершавшего данное противоправное деяние обстоятельствам. Потерпевший, которому был нанесен удар ножом в голову лишь чудом остался жив, но, к сожалению, потерял дееспособность скорее всего навсегда. Само покушение совершалось в составе группы лиц, одно из которых и совершило это тяжкое преступление. Брат потерпевшего, находившийся в относительной близости к потерпевшему в момент совершения преступления своевременно успел задержать преступника на месте совершения преступления и передать в руки сотрудников полиции, подъехавших к месту происшествия. Следует сказать, что при производстве по данному уголовному делу были допущены недочеты исходя из проблематики взаимодействия следователя и органов дознания при производстве по уголовному делу. Несмотря на задержание главного подозреваемо-

го на месте совершения преступления, другие возможные участники преступления, находившиеся в момент его совершения с задержанным, не только не были задержаны, но и вовсе не установлены. Следует ли говорить, что такие лица не только являлись бы ценнейшими свидетелями, чьи показания могли значительно дополнить основу обвинения, но могли стать соучастниками совершенного преступления и понести установленную законом ответственность. Однако со слов следователя в чьем производстве находилось данное уголовное дело перспективы розыска оперативными работниками остальных участников события практически ничтожны, с чем автор статьи вынужден согласиться особенно когда истекли нескольких месяцев со дня совершения преступления и каких-либо действий по розыску и установлению лиц, причастных к совершению преступления с момента совершения преступления не принималось.

Похожее бездействие органов полиции произошло в мае 2017 г. по предполагаемому факту рейдерского захвата торгового комплекса в г. Уфе[4]. Тогда сотрудники полиции, прибывшие в ночное время на место происшествия не только не задержали предполагаемых преступников в количестве 15–20 человек, но даже не установили их личности, хотя продолжительно общались с ними в весьма милой форме. Более того, история получила продолжение на утро того же дня, когда дознаватели этого же отдела полиции прибыли на место происшествия, чтобы снять дверные ручки, для последующего отыскания следов рук, оставленных на них для установления личностей предполагаемых подозреваемых. Еще одним примером отрицательного взаимодействия следователя и органов дознания или вовсе отсутствие такого взаимодействия является кража в городе Казань, в результате которой после возбуждения уголовного дела следователь посоветовал потерпевшему походить по ломбардам в целях поиска пропавшего имущества.

В свете вышеназванных фактов проблема взаимодействия следователя с органами дознания приобретает острейший характер. Для ее решения предлагается проработать такие межведомственные нормативно-правовые акты между правоохранительными органами, которые позволят эффективно выполнять поручения следователя и нести реальную ответственность за такие поручения, вплоть до руководителя соответствующего подразделения дознания. Немаловажным было бы закрепить принцип руководящей роли следователя на досудебных стадиях уголовного-процесса в УПК РФ[5], так как именно следователь является центральной фигурой на данном этапе уголовного судопроизводства и именно он должен руководить ходом расследования, нести ответственность за него и иметь инструменты позволяющие качественно требовать исполнения своих поручений. Следует отметить, что по информации близкого к ав-

тору источника, проходившего службу на оперативной должности в центральном аппарате МВД России по Республике Башкортостан в начале и середине 90-х годов, все поручения следователей поступающие в то время в орган дознания находились у начальника соответствующего подразделения на особом контроле, что служило более качественному их исполнению. Справедливо также отметить, что падающая эффективность взаимодействия следственных органов с органами дознания частично обусловлена сокращением штатной численности сотрудников следственных и розыскных подразделений обоих органов и соответствующим перераспределением дополнительной нагрузки на оставшийся личный состав, что порождает вышеупомянутый формализм к своим служебным обязанностям. В данной статье автору также хотелось бы раскрыть другую сторону проблемы взаимодействия следователя с органами дознания и упомянуть недавний пример эффективнейшего взаимодействия всех вышеупомянутых правоохранительных органов, вовлеченных в уголовное судопроизводство и отрабатывающих по максимуму все свои уголовно-процессуальные функции по отдельному уголовному делу, как бы парадоксально это не звучало. Речь идет об уголовном деле против Соколовского Р.Г., так называемого «ловца покемонов» [6]. При расследовании данного уголовного дела была создана следственная группа сразу из 4 следователей. Конечно же «бригадный метод» расследования имеет ряд огромных преимуществ перед индиви-

дуальным, о чем неоднократно писали многие авторы, к примеру А.А. Тарасов в своей работе [7] и с этим нельзя не согласиться. Но если мы посмотрим является ли рассматриваемое уголовное дело в Свердловской области одним из самых тяжелых и сложных по сравнению с другими совершенными за год, то получим абсолютно отрицательный ответ. По официальным данным за год в Свердловской области совершается 462 убийства, 5894 преступлений особой тяжести и это при общем объеме нераскрытых преступлений за тот же год в размере 29 859 или 81 преступление в день [8]. Представляется сомнительным, что правоохранительными органами Свердловской области по каждому тяжкому преступлению создается следственная группа из 4 следователей. Данное обстоятельство вызывает ряд справедливых вопросов о такой избирательной работе по конкретному делу, по активному взаимодействию следователя с органами дознания при отсутствии такого взаимодействия по другим более значимым делам, да и о качестве современной работы правоохранительных органов по борьбе с преступностью в целом. Все приведенные примеры в данной статье говорят о том, что те инструменты, которыми владеют правоохранительные органы, в том числе и профессиональное взаимодействие между ними, закрепленное в соответствующих нормативно-правовых актах, в современных условиях, к сожалению, никак не распространяются на решение реальных задач уголовного процесса, правосудия и борьбы с преступностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учеб. пособие. — без изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2009 — С. 26.
2. Лубин А. Ф. Организационно — тактические особенности взаимодействия следователя с органами дознания при расследовании отдельных видов преступлений // Особенности расследования отдельных видов и групп преступлений: Межвузовский сборник научных трудов. Екатеринбург 2011. С. 30–32.
3. Карпов А. Г. Нецелевое расходование государственных бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: уголовно-правовой анализ / Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал
4. URL: https://bash.news/news/69908_in_one_of_the_ufa_tsk_unknown_stole_the_documents_of_the_management_company (дата обращения 22.06.2019 г.)
5. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
6. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BB%D0%BE_%D0%A1%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE Дата обращения (12.06.2019)
7. Тарасов А. А. Расследование преступлений группой следователей: процессуальные и тактико-психологические проблемы. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. — 132 с.
8. По последним данным прокуратуры. URL: <http://crimestat.ru> Дата обращения (12.06.2019).

© Аристархов Дмитрий Анатольевич (Dimaris90@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНОГО ЗАКОНА. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

ADMINISTRATIVE REFORM IN THE CONTEXT OF THE BASIC LAW. SOME RESULTS OF A LEGAL REGULATION

**A. Voronov
L. Smorchkova**

Summary. In the presented work as the author, on the basis of studying of rather big array of regulations and other sources, the analysis of a legal regulation of the administrative and legal doctrine of modern Russia is carried out. Some results of modernization of fundamental provisions of the theory of administrative law in the context of the Constitution of the Russian Federation are summed up.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, legal regulation, administrative and legal doctrine.

Воронов Алексей Михайлович

Д.ю.н., профессор, г.н.с., Институт государства
и права РАН; профессор, Академия управления МВД
России; эксперт РАН
adminlaw@igpran.ru

Сморчкова Лариса Николаевна

Д.ю.н., доцент, в.н.с., Институт государства
и права РАН

Аннотация. В представленной работе автором, на основе изучения достаточно большого массива нормативных правовых актов и иных источников, осуществлен анализ правовой регламентации административно-правовой доктрины современной России. Подведены некоторые итоги модернизации фундаментальных положений теории административного права в контексте Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция РФ, правовое регулирование, административно-правовая доктрина.

Динамика развития современной России столь динамична и стремительна, что уже сегодня необходимо подвести некоторые итоги становления российской государства по прошествии 25-летнего юбилея со дня принятия Конституции Российской Федерации. Основной закон послужил фундаментом новой российской государственности, на котором наша страна встала на совершенно новый путь развития, а именно построение социального, демократического, правового государства, в котором интересы личности, да и всего гражданского общества являются приоритетными (статья 2 Конституции РФ).

Статья 7 Конституции Российской Федерации в число основ конституционного строя возводит принцип социального государства, таким образом создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, признано целью государственной политики страны.

К сожалению, следует отметить невысокую эффективность реализации конституционно-правовых норм в 90-е начало 2000-х годов. Так, большинство декларативных положений, определенных, преимущественно во главе второй Конституции Российской Федерации, не нашли своей реализации в федеральном законодательстве.

Проблемы, связанные с оценкой эффективности российских конституционно-правовых институтов, всегда находили регулярное освещение в трудах юристов, историков, политологов, экономистов. Общегосударственная значимость эффективности регулирующего воздействия конституционно-правовых норм не просто не позволяет рассматриваемой проблеме утратить свою актуальность на протяжении двух с половиной десятков лет, но и способствует все большему повышению научного интереса к более глубокому осмыслению российской Конституции, как правового феномена.

В Основном законе определяется содержание и смысл всех остальных законов, к тому же этот документ — ядро правовой системы России, фундамент демократического развития государства. Конституция — это тот свод законов, который должен знать каждый россиянин.

Действительно, становление и развитие правового демократического государства коим по праву является Российская Федерация, динамично и направленно именно на развитие всех сфер ее жизнедеятельности.

Административная реформа, перманентно проводимая в стране на протяжении почти двух десятков лет, в настоящее время вступила в решающую фазу. Сегодня

мы живём во времени существенно отличного от указанного периода прошлых лет: это начало четвёртой промышленной революции как одного из этапов научно-технической революции; переориентация экономики от производства товаров к производству услуг; реформирование правовых доктрин, доставшихся нам от предыдущих поколений учёных и проч.

Современная Россия не только встала на путь прорыва во всех социально-экономических сферах, направленного на коренное переустройство всего механизма публичного администрирования, но и осуществление реформистских преобразований во всех отраслях науки. Справедливость данного тезиса можно аргументировать проводимой по инициативе Президента Российской Федерации реформой контрольной и надзорной деятельности, в рамках которой с 1 января 2021 г. все нормативные правовые акты в области контроля и надзора утратят свою юридическую силу. Стране уже новый, понятный не только правоприменителю, но и простому обывателю закон «О государственном контроле».

Также уместно отметить, что распоряжением Правительства Российской Федерации 4 апреля 2019 г. № 631-р образована межведомственная рабочая группа по подготовке нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

На наш взгляд представляется целесообразным отметить, что в место нынешнего кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях разрабатываемый законодательный акт следует именовать как кодекс Российской Федерации об административной ответственности (далее — КоАО РФ). По мнению ряда ведущих учёных-административистов, с мнением которых автор настоящей статьи совершенно солидарен, такое наименование является более корректным по тем основаниям, что КоАО РФ будет включать в себя не только материальные нормы прописывающие составы административных деликтов, но и компетенцию органов исполнительной власти, налагающих административные наказания и привлекающих к административной ответственности правонарушителей в порядке производства по делам об административных правонарушениях.

Обращаясь к истории вопроса уместно отметить, что законодатель уже дважды предпринимал попытки реформирования административно-деликтного законодательства в 1984 и 2001 годах [6], при этом в связи с интенсивной динамикой развития Российской государственности в становлении демократического, социального, правового государства такой вопрос уже ставился в 2014 году. Прошедший 3 марта 2014 года в Государственной Думе «круглый стол» по теме: «Законодательство об административных правонарушениях:

проблемы и перспективы развития»... пришёл к выводу о необходимости третьей кодификации норм об административной ответственности, отражающей потребности противодействия современной административной деликтности. Большинство участников «круглого стола» высказались за необходимость подготовки двух взаимосвязанных федеральных кодексов: об административной ответственности и административно-юрисдикционного кодекса.

Парламентариями было подготовлено два независимых документа:

Проект Федерального закона № 703192–6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть)» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.01.2015). (вносился депутатами Государственной Думы А.А. Агеевым, Д.Ф. Вяткиным, В.Н. Плигиным) [7], а также Проект № 957581–6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 18.12.2015) (вносился депутатами Государственной Думы В.А. Васильевым, В.Н. Плигиным, С.А. Поповым, Д.Ф. Вяткиным, В.А. Поневежским) [8]. Однако по ряду, в том числе объективных причин, все они были отклонены законодателем.

На наш взгляд именно сегодня для реформирования административно-деликтного законодательства есть веские основания и, что не маловажно, нормативная база, которая составит фундамент реформистских преобразований.

Эту правовую базу составляют:

1. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О стратегическом планировании в Российской Федерации»;
2. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;
3. «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 27.12.2018);
4. Также в этом ряду стоит реформа контрольной и надзорной деятельности, проводимая в настоящее время Правительством Российской Федерации.

Это и есть ответы на те вопросы, на которые по объективным причинам в свое время не смогли ответить разработчики проектов Федеральных законов № 703192–6 и № 957581–6 «Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Представляется в целях унификации разработку документов по реформированию контрольной и надзорной деятельности, а также административно-деликтного законодательства следует вести в одном ракурсе — параллельно, взаимовызывая их положения.

Как нами отмечалось ранее, наша страна встала на совершенно новый путь развития, а именно построение социального, демократического, правового государства, в котором интересы личности, да и всего гражданского общества являются приоритетными (статья 2 Конституции РФ).

В связи с этим представляется актуальным для современной России не новая редакция старого кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а коренное реформирование административно-деликтного законодательства. Как справедливо отметил профессор Шергин А. П. на конференции, проводимой в апреле 2019 г. в Российском государственном университете правосудия: «не надо латать Тришкин кафтан и усовершенствовать старый КоАП РФ на новый лад, а нужна коренная реформа административного законодательства» [9]. И с этим трудно не согласиться.

Сегодня научное сообщество активно обсуждают, а точнее непосредственно участвуют подготовке Концепции третьей кодификации административно-деликтного законодательства, которая будет служить основополагающей для всей дальнейшей работы.

Ваш покорный слуга, как и научное сообщество в основном поддерживает и одобряет подготовленную Концепцию нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Прежде всего импонирует, что данный документ направлен именно на реформирование института административной ответственности, в связи с чем Концепция носит инновационный, реформистский характер.

В целях совершенствования Концепции представляется целесообразным внести в неё некоторые уточнения:

Первым абзацем Концепции определить ее целеполагание. Основная идея Концепции нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях определена положениями Конституция Российской Федерации, в статьях 2,7 и др. которой — человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Соблюдение и их защита — обязанность государства.

В связи с этим обеспечение защищенности, точнее безопасности человека и гражданина, да и всего

гражданского общества, выявление, предупреждение и профилактика административных правонарушений и преступлений являются предопределяющими. Таким образом вопросы привлечения к административной ответственности являются превентивной функцией государства, направленной на недопущение этих противоправных деяний.

Представляется также целесообразным дополнить содержание Концепции следующими позициями:

Реформирование института административной ответственности будет неполным и незавершенным без совершенствования процедуры рассмотрения дел об административных правонарушениях (привлечения к административной ответственности и порядка обжалования актов органов административной юрисдикции о привлечении к административной ответственности) и укрепления судебного контроля за действиями органов административной юрисдикции путем реформирования процедурного механизма рассмотрения дел об административных правонарушениях судами общей юрисдикции в соответствии с требованиями статей 10, 72, 118 Конституции Российской Федерации, исходя из которых суды могут разрешать дела только посредством судопроизводства, а не в каких-либо иных процедурных формах.

В этом свете подлежит рассмотрению вопрос о выделении из КоАП норм, регламентирующих производство по делам об административных правонарушениях, при сохранении в нем положений о подведомственности таких дел субъектам административной юрисдикции; при этом нормы, регулирующие судопроизводство, должны быть помещены в процессуальное законодательство. В пользу предлагаемого подхода также свидетельствует то, что согласно Конституции Российской Федерации вопросы административного законодательства находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов (пункт «к» части 1 статьи 72), тогда как вопросы процессуального законодательства — в исключительном ведении Российской Федерации (пункт «о» статьи 71).

Кроме того, представляется целесообразным сократить количество составов административных правонарушений, по которым суд (арбитражный суд) является органом, привлекающим к административной ответственности, ограничив их только теми составами, которые представляют повышенную общественную вредность и по которым административные наказания вправе назначать только суд.

Так же в заключении Концепции уместно прописать положение о том, что Концепция нового кодекса Рос-

сийской Федерации об административных правонарушениях не является догмой, а руководством к действию. Таким образом она будет носить не аморфный характер, а находиться в динамике, предопределяющей её дальнейшее развитие и совершенствование.

Подводя итоги следует отметить, что сделано довольно много:

Во-первых, административная реформа, проводимая в стране в связи с совершенствованием организации государственного управления, определила систему и структуру органов исполнительной власти.

Во-вторых, взять курс на построение рыночной экономики, определяющий перспективы социально-экономического развития нашей страны.

В-третьих, в ходе проводимой в стране административной реформы были определены основные механизмы государственного администрирования, при этом уместно отметить, что наметилась устойчивая тенденция развития так называемых сервисных функций как органов государственной, так и органов публичной власти по оказанию публичных услуг населению.

В-четвёртых, в 2015 г. наконец-то был принят кодекс административного судопроизводства КАС РФ [10], который был прописан в ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации «Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства». В Кодексе регламентирован, в том числе и судебный порядок восстановления прав и свобод человека и гражданина, нарушенных незаконными действиями должностных лиц государственной администрации.

В-пятых, совершенствуется и модернизируются действующие законодательство. Полным ходом идет реформа контрольной и надзорной деятельности, при этом следует отметить, что начиная с 2001 г. в Российской Федерации сформировались два негармонизированных до настоящего времени массива законодательства, регулирующих деятельность органов исполнительной власти по осуществлению государственного контроля

и надзора за деятельностью юридических лиц и индивидуальных предпринимателей:

Первое — законодательство о государственном контроле (надзоре);

Второе — законодательство об административных правонарушениях.

В материальных нормах законодательства о государственном контроле закреплён большой массив разнообразных обязательных требований (условий, запретов, ограничений, обязанностей), которые до настоящего времени не систематизированы, имеют различную юридическую силу, не категорированы с учетом характера последствий нарушения данных требований и при этом охраняются во внесудебном и судебном административно-процессуальном порядке. В этой связи имеется насущная необходимость проведения систематизации и категорирования сформировавшегося массива обязательных требований, охраняемых во внесудебном и судебном административно-процессуальном порядке.

В-шестых, уместно отметить, что и доктрина административного права претерпевает существенную модернизацию и всестороннее развитие. Его предмет существенно расширяется и дополняется большим блоком реординарных отношений, когда инициатива исходит от граждан и обращена к органу государственной администрации.

Таким образом, помимо субординационных, властных отношений присущих государственному управлению во всех сферах жизнедеятельности нашего общества, а также в сфере обороны и безопасности, предмет административного права дополняется блоком сервисных отношений по оказанию гражданам государственных услуг.

В — седьмых, значительной вехой стала проводимая реформа института административной ответственности, Концепция которой была утверждена 5 июня 2019 г. на заседании Правительства РФ. Импонирует, что данный документ направлен именно на реформирование института административной ответственности, в связи с чем Концепция носит инновационный, реформистский характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации
2. Миняева М. П. Идея культуры согласия в контексте теорий «Общественного договора» Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо. М. Социум и власть № 1 (51).
3. Кононов П.И. «О предмете современного Российского административного права» // Административное право и процесс. 2011. № 3.
4. Воронов, А.М. «К предмету административного права современной России» // Административное право и процесс 2017. № 8.
5. Стахов А.И. «О необходимости смены парадигмы отечественного административного права под воздействием конституционных норм» // Административное право и процесс. 2018 г. № 6.

6. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утв. ВС РСФСР 20.06.1984) (ред. от 20.03.2001) и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N195-ФЗ (ред. от 23.04.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.04.2019)
7. Проект Федерального закона № 703192–6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть)» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.01.2015). <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=127476#0>.
8. Проект № 957581–6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 18.12.2015) <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=139890#08605356445668649>
9. Шергин А.П. О Концепции проекта нового КоАП РФ // материалы конференции «Актуальные проблемы внесудебного и судебного порядков разрешение административных дел, возникающих из отношений государственного контроля и надзора». Москва. российском государственном университете правосудия. 24 апреля 2019 г.
10. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 19.07.2018) // СЗ РФ от 8 марта 2015 г. № 10, ст. 1391

© Воронов Алексей Михайлович (adminlaw@igpran.ru), Сморчкова Лариса Николаевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская Академия Наук

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СНИЖЕНИЯ ДИСКРИМИНАЦИИ ТРУДА НА РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

MAIN DIRECTIONS OF REDUCING DISCRIMINATION OF LABOR AT RUSSIAN ENTERPRISES

M. Gorchak

Summary. the article discusses the main causes and factors that lead to the formation and occurrence of labor discrimination in enterprises of the Russian Federation (RF). The level of the current development of the problem of labor discrimination and assessment by the state, society, the labor market and employers are analyzed. The mechanism of countering labor discrimination in Russian enterprises is considered. The proposed measures and ways to improve the mechanism in order to form new directions of reducing the level of discrimination in labor in Russia.

Keywords: labor market; labor discrimination; employment; labor Relations; work; labor resources; employers; enterprises; labor law.

Горчак Марина Олеговна

К.э.н., доцент, Российская таможенная академия
Gorchakmarina@mail.ru

Аннотация. в статье рассмотрены основные причины и факторы, которые приводят к формированию и возникновению трудовой дискриминации на предприятиях Российской Федерации (РФ). Проанализирован уровень текущего развития проблемы дискриминации труда и дана оценка со стороны государства, общества, рынка труда и работодателей. Рассмотрен механизм противодействия трудовой дискриминации на российских предприятиях. Предложены меры и пути формирования новых направлений снижения уровня дискриминации труда в России.

Ключевые слова: рынок труда; дискриминация труда; трудоустройство; трудовые отношения; труд; трудовые ресурсы; работодатели; предприятия; трудовое законодательство.

С оискатели рынка труда России беззащитны перед лицом дискриминации по национальному, половому и другим формально защищенным законом признакам. В частности, сложившиеся на рынке труда неформальные правила, препятствуют трудоустройству и профессиональному развитию мужчин некоторых национальностей и женщин, которые, по мнению работодателей, считаются ненадежными сотрудниками компаний [1].

Вопрос дискриминации рабочих является очень важным, но, к сожалению, со стороны государства эта проблема признания пока не находит. По фактам дискриминации на официальном сайте федеральной службы государственной статистики России (Росстат) отсутствуют данные, которые позволили бы отследить степень изученности данной проблематики [2].

В связи с вышеизложенным актуальность исследования проблем дискриминации на рынках труда России очевидна.

Целью научной статьи является исследование и анализ наиболее эффективных направлений, инструментов,

методов и механизмов, позволяющих снизить дискриминацию на рынках труда.

Для этого в рамках научного исследования необходимо решение следующих задач:

- ♦ рассмотреть основные причины и факторы, которые приводят к формированию и возникновению трудовой дискриминации на предприятиях России;
- ♦ проанализировать уровень текущего развития проблемы дискриминации труда и сделать оценку со стороны государства, общества, рынка труда и работодателей;
- ♦ рассмотреть механизм противодействия трудовой дискриминации на российских предприятиях;
- ♦ предложить меры и пути совершенствования механизма с целью формирования новых направлений снижения уровня дискриминации труда в России.

Причины формирования дискриминации труда на российских предприятиях достаточно разнообразны. Их можно классифицировать в три основные группы [3]:

- ◆ правовые причины, суть которых заключается в недостатках отечественной законодательной базы, регулируемой дискриминационные нарушения со стороны работодателей;
- ◆ социальные причины, суть которых заключается в формировании общественных норм и понятий, утверждающих, что люди с одними физическими данными, возрастом, национальностью и полом могут быть лучшими работниками в определенных сферах, чем другие;
- ◆ экономические причины, суть которых заключается в попытке со стороны предприятий снизить объем затрат при найме определенных сотрудников.

Однако, наиболее важной причиной формирования проблемы дискриминации труда на предприятиях России является отсутствие определения «трудовая дискриминация» в Трудовом кодексе Российской Федерации. При этом если исследовать рынок труда на поиск открытых вакансий, можно обнаружить, что большая часть предложений для соискателей включают в себя наличие критериев, говорящих о возрастной или половой дискриминации.

В настоящее время антидискриминационное законодательство многих стран, в том числе и России, носит фрагментарный характер и, используя понятие «трудовая дискриминация», не раскрывает его значение, что усложняет процесс формирования направлений ее снижения на отечественном рынке труда [5].

Тем не менее, со стороны работодателей существует обратное мнение о том, что трудовая дискриминация на предприятиях России крайне слабо развита, и это не является проблемой государственного и национального масштаба. Однако, основанием для такого суждения является незнание российскими предпринимателями, а может и нежелание знать такое понятия как дискриминация труда.

Со стороны работодателей в России, трудовая дискриминация трактуется следующим образом [7]:

- ◆ как некорректные отношения между руководителями и подчиненными организации, где по мнению менеджера, он начальник, а значит прав всегда;
- ◆ как неправомерное давление на работников, чтобы те работали больше, чем необходимо;
- ◆ как необоснованная субъективная оценка одних работников по сравнению с другими.

Сложность доказывания дискриминации — это не специфически российский феномен, а характеристика самого явления в целом. Крайне трудно доказать,

что различное обращение в отношении работника или кандидата на работу связано именно с дискриминацией, а не обусловлено требованиями к деловым качествам работника или спецификой данной работы.

В соответствии со статьей 64 трудового кодекса РФ необоснованный отказ в приеме на работу — это любой отказ в приеме на работу, если он не основан на оценке деловых качеств работника, что в полной мере соответствует Конвенции МОТ № 111 «О дискриминации в области труда и занятий» [6].

В связи с этим системы национального законодательства разных стран, в рамках которых действуют эффективные меры защиты от дискриминации, международные договоры по вопросам дискриминации признают вопрос о доказывании дискриминации одним из самых важных.

История противодействия дискриминации показала, что в делах такого рода стандартные правила доказывания возлагают на заявителя непосильное бремя, не позволяющее установить наличие дискриминационных намерений лица или дискриминационных последствий какой-либо меры. Постепенно судебная практика, международное сообщество, наднациональные органы и законодательство отдельных стран склонились к новым стандартам доказывания в делах о дискриминационном обращении.

На сегодняшний день, направления снижения дискриминации труда в предпринимательской среде России включает в себя узкие предложения, ограничивающиеся, как правило, возможностью судебного обращения со стороны сотрудника.

Однако, в случае доказательства вины в лице работодателя, понесенное наказание будет составлять в районе 100 000–200 000 российских рублей. При этом, по статистике за 2017 год, в России было зафиксировано и рассмотрено судебным порядком лишь 72 дела по направлению «трудовой дискриминации».

По этой же причине отсутствует официальная статистика, а также, формируется актуальность разработки предложений и мер, задачей которых будет улучшение эффективности функционирования механизма снижения дискриминации труда на российских предприятиях.

Исходя из этого, необходимо предложить следующие мероприятия по совершенствованию механизма снижения трудовой дискриминации на предприятиях России, а именно:

- ◆ разработать комплексный законный механизм антидискриминационного поведения предприя-

тий страны в сфере рынка труда, который обязан включать следующие элементы (облегчение возможности доказывания дискриминации труда, усиление ответственности за трудовую дискриминацию и наложение запрета на увольнение работников, которые перед этим подавали жалобы и иски на работодателей) [4];

- ◆ создать специализированный орган расследования трудовой дискриминации и прописать его функции в ТК РФ;
- ◆ более детально прописать определение понятия «трудовая дискриминация»;
- ◆ формирование у общества нетерпения к трудовой дискриминации и борьба со стереотипом основанным на том, что те или иные группы имеют те или иные профессиональные качества и навыки.

Таким образом, анализируя текущее состояние рынка труда России, необходимо отметить, что трудовая дискриминация одна из ключевых институциональных проблем, усложняющая процесс привлечения профессиональных человеческих ресурсов и процесс поиска работы соискателями определенных социально-демографических групп.

При анализе инструментов, используемых для снижения дискриминации труда на российских предприятиях, все сводится к тому, что на сегодняшний день не существует эффективного механизма в противодействии данной проблемы. По этой причине, в рамках научного исследования предложены идеи и меры для повышения эффективности деятельности антидискриминационной политики на рынке труда в России, характеристика и основа которых, зачастую, касаются законодательно-правового поля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Овсянников И. Россия: работники беззащитны перед лицом дискриминации. Режим доступа: <https://russian.eurasianet.org/россия-работники-беззащитны-перед-лицом-дискриминации> (дата обращения: 04.07.2019).
2. Добрикова Е. Дискриминация в сфере труда, или власть стереотипов. Режим доступа: <http://www.garant.ru/article/1127456/> (дата обращения: 04.07.2019).
3. Пелипенко Д.С., Пашнин В. В. Проблема дискриминации в сфере трудовых отношений // Молодой ученый. — 2017. — № 14.
4. Лютов Н.Л., Герасимова Е. С. Дискриминация в сфере труда: вопросы эффективности норм и правоприменительной практики // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3 (64).
5. Неvejeина М. В. Запрет дискриминации в сфере трудовых отношений // Журнал российского права. 2017. № 4 (244).
6. Д.В. Рахинский, Л. Г. Король, И. В. Малимонов, Ю. С. Фоминых Вопросы дискриминации при заключении трудового договора // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2015. № 1.
7. Мануева Ю. А. Дискриминация в сфере трудовых отношений // Современные проблемы права, экономики и управления. 2016. № 1(2).

© Горчак Марина Олеговна (Gorchakmarina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РФ

ISSUES OF INCREASING THE EFFECTIVENESS OF THE SYSTEM OF PREVENTION OF CRIMES AGAINST THE SECURITY OF ENTREPRENEURSHIP IN THE RUSSIAN FEDERATION

**M. Zatsepin
A. Zatsepin
O. Filippova**

Summary. Illegal acts in relation to the security of business often occur where there is no clear legal regulation, there is no control at all or is ineffective. It is obvious that the further normal development of entrepreneurship and market relations requires consistent state measures to ensure appropriate social programs and conditions for their implementation. Otherwise, the absence of these programs will continue to open gateways for criminal business dealers. And in the first place here should not be the development and adoption of "new" legislation, which regulates the different areas and types of business activity, and codification and systematization of already adopted.

Keywords: crime prevention; business security, normative acts, legislation, criminal liability.

Зацепин Михаил Николаевич

Д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества, УрГЮУ; вице президент Российской криминологической ассоциации
mhz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович

К.ю.н., доцент, заместитель директора, Уральский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России); доцент, УрГЮУ; Председатель отделения Российской криминологической ассоциации
tp0507@ya.ru

Филиппова Ольга Владимировна

К.ю.н., доцент, Уральский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), член Российской криминологической ассоциации; Нотариус г. Екатеринбург
Г.ovz24@ya.ru

Аннотация. Противоправные деяния в отношении безопасности предпринимательства чаще всего имеют место там, где нет четкой правовой регламентации, контроль отсутствует вообще или является неэффективным. Совершенно очевидно, что дальнейшее нормальное развитие предпринимательства и рыночных отношений требует последовательных государственных мер обеспечения соответствующих социальных программ, условий их реализации. В противном случае отсутствие этих программ и далее будут открывать шлюзы для дельцов криминального бизнеса. И на первом месте здесь должны быть не разработка и принятие «новых» законодательных актов, четко регламентирующих различные сферы и виды предпринимательской деятельности, а кодификация и систематизация уже принятых.

Ключевые слова: профилактика преступности; безопасность предпринимательства, нормативные акты, законодательство, уголовная ответственность.

В настоящее время государственные меры защиты экономических отношений предпринимателей являются скорее «символическими, хаотичными и не очень эффективными»¹.

¹ Сегодня отношения в сфере безопасности предпринимательства регулируются и организационными нормами, которые: закрепляют определенные организационные структуры и институты; обеспечивают внутрисистемное единство, согласованность функционирования элементов конкретных структур; отражают динамичный характер организации их субъектов.

В нормативных и организационно-правовых актах следовало бы четко и полно отразить задачи обеспечения безопасности предпринимательства, предоставив тем самым определенные полномочия субъектам соответствующей деятельности. Как показывает опыт, основными задачами являются: охрана жизни и здоровья предпринимателей; предотвращение и пресечение преступлений и других правонарушений; ликвидация и нейтрализация источников повышенной опасности, сохранение имущества предпринимателей и их струк-

тур; восстановление нарушенных экономических, социальных и иных связей и отношений; охрана внешнеэкономических связей [11].

Следственная, прокурорская и судебная практика свидетельствует, что преступления в отношении предпринимателей можно предотвратить различными способами. Это: выбор надежных партнеров в организации и осуществлении предпринимательской деятельности (установление направленности деятельности фирмы, факта ее регистрации, наличия офиса и оборудования, возможности осуществлять различные сделки, их обеспеченности ресурсами, гарантий платежеспособности и обеспечения обязательств); юридически грамотное составление и оформление договоров (фиксация порядка и сроков исполнения обязательств и производства платежей, санкций за их неисполнение, правовых и материальных гарантий своевременного и качественного их исполнения, страховых сделок).

В современных условиях эти меры не дают положительного результата, в ходе развития нашего государства, принятие новых законов, направленных на борьбу с правонарушениями в экономике, дают противоположный эффект.

«Приоритет» в области уголовного законодательства с формулированием «новых» норм об уголовной ответственности за совершение новых для нашего общества хозяйственно-должностных преступлений и преступлений в сфере предпринимательства: об ответственности за незаконное использование служебного положения при осуществлении приватизации, налоговой, таможенной, экспортной или лицензионной деятельности; об ответственности за ложное банкротство как своеобразную замаскированную форму хищения; об ответственности за лжепредпринимательство, т.е. создание фирм, акционерных обществ или других форм предпринимательской деятельности без намерения осуществлять уставную деятельность, но в целях получения ссуд, кредитов либо извлечения иной имущественной выгоды и т.д. [5].

В серьезном внимании нуждаются проблемы профилактики обеспечения безопасности внешнеэкономической деятельности (ВЭД), осуществляемой предпринимательскими структурами. Предупредительные меры вытекают здесь из самого характера данной специфической хозяйственно-коммерческой деятельности.

Во-первых, представляют опасность неумелые самостоятельные действия предприятий на внешнем рынке, когда товары продаются по низким ценам, дефицитные изделия меняются на рядовые, цены на них определяются без учета мировой практики и складывающейся конъюнктуры.

Во-вторых, возникают сложности при ознакомлении с местными особенностями, возможностями предпринимательских структур — контрагентов, их финансовым положением, выяснении их деловой надежности.

В-третьих, нескоординированные действия ответственных участников ВЭД приводят к неспособности конкуренции между ними, потерям в цене, нарушениям деловой этики, возникновению осложнений в торгово-экономических отношениях.

В-четвертых, не всегда учитывается опасность заключить сделку с недобросовестным посредником, занимающимся незаконными внешнеторговыми операциями.

В-пятых, не всегда соблюдается правовой режим внешнеэкономической деятельности (регистрация предприятий — участников ВЭД, заключение контрактов и оформление внешнеторговых сделок, получение лицензий, декларирование имущества и грузов и т.п.).

Способами защиты внешнеэкономической деятельности в числе прочих являются разработка и обеспечение разнообразных мер по предупреждению экономической контрабанды, значительно распространившейся в последние годы. Чтобы представить себе характер предупредительных мер, направленных на пресечение контрабанды, необходимо иметь в виду ее главные признаки.

Контрабанду образует лишь факт перемещения через таможенную границу предметов и ценностей. Никакие другие манипуляции с ними (например, незаконное отчуждение предметов, ввезенных с таможенными льготами, или нарушение обязательства об обратном ввозе-вывозе предметов) не могут быть признаны контрабандой. Однако необходимо понять, что в соответствии с уголовным законодательством преступлением признается не только сам факт перемещения предметов через границу, но и приготовительные к нему действия (приобретение предметов с целью незаконного вывоза, изготовление подложных документов для этого и т.п.), а также покушение на контрабанду — попытка нелегального перемещения предметов за границу [3].

Перемещение предметов через границу образует контрабанду лишь тогда, когда соответствующие операции совершаются помимо таможенного контроля, вне мест расположения таможенного органа или вне времени производства таможенного оформления. Незаконное перемещение предметов через границу помимо или с сокрытием от таможенного контроля является преступлением, если оно сопряжено хотя бы с одним из трех обстоятельств: 1) перемещением предметов в крупных

размерах; 2) перемещением предметов группой лиц, организовавшихся для занятия контрабандой; 3) перемещением наркотических веществ, сильнодействующих, ядовитых, радиоактивных, взрывчатых веществ, оружия и боеприпасов.

Либерализация внешнеэкономических связей и снятие многих ограничений создали весьма благоприятные возможности для неконтролируемых процессов в сфере предпринимательства, наркобизнесе, незаконной торговли оружием, изготовления фальшивых денег. Существует реальная угроза необратимой дестабилизации общества, устранить которую правоохранительные органы смогут лишь при переходе от экстенсивных методов работы к интенсивным [6].

Прогностическая оценка тенденций развития экономической преступности такова: в целом сохраняются факторы, образующие причинный комплекс экономической преступности; будут продолжаться спад производства, рост цен практически на все отечественные промышленные и продовольственные товары; увеличится разрыв между темпами роста оплаты труда и ростом цен, следствием чего являются дальнейшее резкое расслоение населения по уровню доходов и падение уровня жизни основной массы граждан; дальнейшее увеличение денежной эмиссии приводит к росту инфляционных процессов; в этих условиях будет усиливаться синдром «бегства от денег», стремление к вложению их в недвижимость, товары и твердую валюту, в том числе незаконным путем; возрастает число хищений и иных способов незаконного завладения материальными ценностями, валютных махинаций, в том числе подделка иностранной валюты и ценных бумаг преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности; наблюдается рост количества зарегистрированных преступлений вследствие исполнения нового законодательства об ответственности за незаконную торговлю, принимаемых организационно-финансовых мер по укреплению государственных органов надзора и контроля за соблюдением законодательства об охране прав потребителей; возрастает количество правонарушений в сфере потребительского рынка в связи с введением в действие законодательства, что вызовет развитие подпольного производства и продажи суррогатов алкогольной продукции в мелкорозничной частной торговой сети [1].

Сдерживать рост преступных деяний и предупредить их появление могут государственные системы организационно-технических мер по усилению не только контроля — за законностью и обоснованностью действий работников банковских, налоговых, правоохранительных структур, «реальная» защита предпринимателей от коррупции чиновников.

Значимость криминологического подхода в деле организации безопасности предпринимательства, в том что, лишь на его основе можно выделить наиболее уязвимые для поражения участки и принять эффективные блокирующие меры. Конечно, указанный подход требует создания специальных информационно-аналитических центров (как ведомственных, так и вневедомственных), поскольку для аналитических разработок необходима весьма обширная и достаточно надежная информация. Должна стать правилом криминологическая экспертиза предлагаемых социальных программ и решений. Обычно при разработке каких-либо проектов (экономических и социальных) побочными последствиями их реализации пренебрегают. Между тем эти последствия, в том числе и криминальные, бывают столь значительны, что сводят на нет планируемый результат [4,8].

В настоящее время не стало актуальным участие специалистов-практиков и ученых-криминологов в решении актуальных задач и проблем:

- ◆ анализе причин и условий возникновения, развития криминальных форм бизнеса (с использованием позитивного опыта ведущих зарубежных стран);
- ◆ изучении взаимосвязи преступности и бизнеса, прогнозировании этого процесса и разработке конкретных мер превентивного характера;
- ◆ разработке и реализации компьютерных программ (всех уровней) социально-экономического развития регионов, включая планы борьбы с преступностью и ее предупреждения;
- ◆ обеспечении криминологической экспертизы всех нормативных актов, организационно-управленческих решений в сфере развития бизнеса.

С развитием наряду с государственными правоохранительными органами системы параллельно действующих частных охранных структур, осуществляющих в той или иной мере борьбу с экономическими преступлениями, остро встает вопрос о координации их деятельности, создании единого информационного фонда и его использовании в работе оперативных аппаратов правоохранительных органов и частными детективными службами. В нормативном порядке решены тактические организационные вопросы, а методика такого взаимодействия разработана слабо [7].

В силу объективно ограниченных в этом деле функциональных возможностей уголовного закона основной упор должен быть сделан на разработке комплекса социальных, экономических, организационных и правовых мер. В то же время существует необходимость совершенствования уголовного законодательства для повышения эффективности его противодействия коррупционным проявлениям. Этот процесс должен осно-

вываться на прочной теоретической базе, его субъекты должны соблюдать принципы уголовной политики, учитывать социально-экономическую, криминологическую обусловленность норм, исторические традиции и международный опыт. Обычно выделяют два направления: а) совершенствование норм о собственно коррупционных преступлениях (хищения с использованием служебного положения, злоупотребление властным служебным положением, взяточничество); б) совершенствование норм, выполняющих определенную профилактическую функцию по нейтрализации причин и условий коррупции (нормы об ответственности за уклонение от уплаты налогов, за уклонение от подачи декларации, за нарушение антимонопольного законодательства и т.д.) [2,9].

В процессе совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства не в полной мере учитываются «положения» имеющие принципиальное значение — допускаются необоснованные ограничения прав и свобод граждан, нарушают их. Правовое регулирование должно быть системным и охватывать рассматриваемое явление в целом, государство и общество должны быть готовы осознанно пойти на существенные материальные затраты в деле укрепления безопасности предпринимательства [10].

Все изложенное позволяет сформулировать некоторые выводы.

1. Качественная, концептуальная программа борьбы с коррупцией должна стать составляющей частью программы борьбы с преступностью. В основе этой программы должна лежать систе-

ма ценностей, интересов и целей государства и общества, которые будут выступать интегрирующим фактором в деле укрепления государства, решения задач борьбы с организованной преступностью, оздоровления общества и участие его в целом.

2. Политический курс, отвечающий интересам общества и большинства людей, устранение очагов конфликтов, создание эффективных и надежных механизмов «дебюрократизации» государственных структур.
3. На постоянной основе требуется криминологическое осмысление новых форм экономических отношений, влияния на них теневой экономики, противоречий между различными видами собственности в целях достижения на общегосударственном уровне баланса интересов и согласования в этой сфере.
4. В качестве организационных мер здесь должны выступать специальные структуры, необходимо исключить их ведомственную и административно-территориальную раздробленность, обеспечить правовую защиту не только работников правоохранительных органов (хотя их материальная оснащенность не в полной мере соответствует последним достижениям науки и техники).
5. Общественное мнение необходимо формировать не только через средства массовой информации о важности для государства и общества борьбы с коррупцией, необходим соответствующий имидж и лицам, принимающим участие в реализации государственной программы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Здоровье нации и национальная безопасность: криминологические и правовые проблемы. М., Российская криминологическая ассоциация. 2013.— с. 380.
2. Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы. М., Российская криминологическая ассоциация. 2015.— с. 361.
3. Новая криминальная ситуация оценка и реагирование. М., Российская криминологическая ассоциация. 2009.— с. 356.
4. Нужна ли криминология и криминологический взгляд на преступность // статья проф. Долговой А. И. М. 2016. Российская криминологическая ассоциация. <http://crimas.ru>
5. Преступность и проблемы борьбы с ней. М., Российская криминологическая ассоциация. 2007.— С. 478.
6. Преступность, ее виды и проблемы борьбы. М., 2011.— с. 371.
7. Проблемы детерминации и предупреждения преступности. М., Российская криминологическая ассоциация. 2017.— 563 с.
8. Регионы устанавливают свои правила сбора валежника (палочная дисциплина)// Российская газета. www.rg.ru. 7/02/2019 г. № 26 (7784). с. 1,4.
9. Следственный комитет рассказал, сколько и за что сажают коррумпированных чиновников. // Российская газета www.rg.ru 7/02/2019 № 26 (7784). с. 1,7.
10. Криминологическая ситуация и реагирование на нее. М., Российская криминологическая ассоциация. 2014.— 298 с.
11. Новые криминальные реалии и реагирование на них. М., Российская криминологическая ассоциация. 2005.— с. 288.

© Зацепин Михаил Николаевич (mnz-1958@mail.ru),

Зацепин Александр Михайлович (tp0507@ya.ru), Филиппова Ольга Владимировна (g.ovz24@ya.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАЗНАЧЕНИЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В ВИДЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ С ПУБЛИЧНЫМ ОБЪЕКТОМ ПОСЯГАТЕЛЬНОСТИ

Каматесов Павел Александрович

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет
KamatesovP.a@yandex.ru

THE PURPOSE OF MEASURES OF CRIMINAL-LEGAL CHARACTER IN THE FORM OF A JUDICIAL FINE FOR THE CRIME OF PUBLIC THREAT

P. Kamatesov

Summary. A new institution of exemption with a judicial fine instead of a criminal liability was introduced by Federal law № 322 of Criminal Procedure Code of the Russian Federation on 07.03.2016. Practice of exemption from liability by paragraph 25.1 of Criminal Procedure Code reflects lack of an unified position of courts in relation to crimes against public interest. The article points on contradictions in judicial practice and shows possible ways to fix such contradictions in cases related to crimes against public interest and crimes with two objects of the criminal encroachment.

Keywords: judicial fine, criminal law measures, crimes with two objects of the criminal encroachment, exemption from liability.

Аннотация. Федеральным законом № 323-ФЗ от 03.07.2016 введен институт освобождения от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Практика применения положений ст. 25.1 УПК РФ показывает отсутствие единой позиции судов при освобождении от уголовной ответственности лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений с публичным объектом посягательства. В настоящей статье указываются противоречия в судебной практике освобождения от уголовной ответственности по двухобъектным преступлениям и преступлениям с охраняемым публичным интересом, а также возможные пути их разрешения.

Ключевые слова: судебный штраф, двухобъектные преступления, освобождение от уголовной ответственности, меры уголовно-правового характера.

Сформировавшаяся практика освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа позволяет выделить ряд проблем, которые возникают при вынесении соответствующих судебных постановлений.

В соответствии с требованиями ст. 25.1 УПК РФ, суд вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если это лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. Наличие приведенных условий «возместить ущерб» или «иным образом загладить причиненный вред» в своем единстве позволяет прекращать уголовное дело или уголовное преследование по всем преступлениям небольшой или средней тяжести без исключения.

Как справедливо отмечено в работах Н.В. Арсеновой, уголовный и уголовно-процессуальный закон не содержат прямых запретов для прекращения уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового

воздействия в виде судебного штрафа по мотивам отсутствия потерпевшего и причинения вреда непосредственно интересам потерпевшего [11].

Схожей позиции придерживается в своем диссертационном исследовании Полуэктов А.Г., указывая что буквальное толкование предполагает «возможность отсутствия непосредственно физического лица в качестве потерпевшего» [14].

Вместе с тем, практика освобождения от уголовной ответственности по ст. 25.1 УПК РФ не отличается единообразием. Так, Президиум Ленинградского областного суда в своем постановлении от 13.06.2017, согласившись с кассационным представлением на постановление Гатчинского городского суда Ленинградской области в отношении М.А., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, указал, что «данное преступление не совершено в отношении какого-либо конкретного потерпевшего, в связи с чем обязательное условие по возмещению причиненного вреда или иному заглаживанию вреда не может быть выполнено. Поэтому

мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа не может быть применена по данной категории преступлений» [6]. Исходя из позиции, представленной в постановлении Президиума Ленинградского областного суда, ни одно уголовное дело по преступлениям, где объектом охраны являются публичные интересы, не может быть прекращено с назначением судебного штрафа.

В противовес практике Президиума Ленинградского областного суда, при рассмотрении кассационной жалобы защитника на приговор Ленинского районного суда г. Владивостока в отношении осужденного по ч. 1 ст. 228 УК РФ Президиум Приморского краевого суда отменил состоявшиеся судебные постановления, производство по делу прекратил, освободил осужденного от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в связи с тем, что у суда первой и апелляционной инстанции не было оснований для отказа в удовлетворении ходатайства, а осужденный принял меры к заглаживанию вреда в виде внесенного на счет добровольного пожертвования в размере 8000 рублей. [8]

По нашему мнению, позиция, в соответствии с которой не допускается освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа по уголовным делам о преступлениях с публичным объектом посягательства, противоречит положениям ст. 25.1 УПК РФ и, как справедливо отмечено Н.В. Арсеновой, свидетельствует о непоследовательности реализации задач Федерального закона № 323-ФЗ от 03.07.2016, необоснованно сужает сферу его действия [11].

Как было указано выше, наличие условий «возместить ущерб» или «иным образом загладить причиненный вред» в своем единстве позволяет прекращать уголовное дело или уголовное преследование по всем преступлениям небольшой или средней тяжести без исключения. На принципиальную возможность прекращения уголовного дела или уголовного преследования при отсутствии потерпевшего указывают А.В. Кудрявцева, К.И. Сутягин [13].

Однако, имеющиеся противоречия говорят о том, что проблема существует и ее необходимо разрешить, в том числе, путем возможного внесения изменений в соответствующие положения УПК РФ, регламентирующие порядок прекращения уголовных дел и уголовного преследования с назначением судебного штрафа.

Здесь обращают на себя внимание основания отказа в удовлетворении ходатайства следователя, приведенные в ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ. К ним отнесены:

- ◆ сведения об участии лица в совершенном преступлении, изложенные в постановлении о воз-

буждении ходатайства, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, установленным в ходе судебного рассмотрения ходатайства;

- ◆ уголовное дело или уголовное преследование должно быть прекращено по иным основаниям [1].

Такое основание отказа, как невыполнение требования о возмещении вреда потерпевшему или заглаживании причиненного вреда в ст. 446.2 УПК РФ отсутствует.

Невыполнение условий освобождения от уголовной ответственности по ст. 25.1 УПК РФ в соответствии с п. 25.2 Постановления Пленума Верховного суда № 19 от 27.06.2013 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» является основанием для возврата ходатайства следователя. Но возврат означает, что позиция сторон не будет непосредственно исследована в судебном заседании, а лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, будет лишено возможности донести до суда – каким образом оно загладило причиненный вред.

Внесение изменений в ст. 446.2 УПК РФ и дополнение такого основания отказа, как «невыполнение условий освобождения от уголовной ответственности, указанных в ст. 25.1 УПК РФ» позволит в судебном заседании исследовать доказательства, подтверждающие возмещение вреда потерпевшему, заглаживание причиненного преступлением вреда. А в связи с тем, что судебные постановления должны быть законными, обоснованными и мотивированными в соответствии с ч. 4 ст. 7 УПК РФ, несоблюдение требований о мотивированности будет являться основанием для отмены состоявшихся судебных постановлений без их возврата следователю.

С другой стороны, в случае, когда ходатайство об освобождении от уголовной ответственности заявляется в судебных стадиях рассмотрения уголовного дела, положения ст. 446.2 УПК РФ применяться не могут.

Осветив неопределенность, возникающую при освобождении лиц от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа по уголовным делам, где непосредственно не причиняется вред потерпевшему, считаем необходимым также указать, что на практике имеется неопределенность и при освобождении от наказания по двухобъектным преступлениям, где формальное наличие по уголовному делу лица, пострадавшего от действий подозреваемого, обвиняемого, признанного в соответствии со ст. 42 УПК РФ потерпевшим, не снимает вопрос о возможности прекращения уголовного дела по ст. 25.1 УПК РФ.

Более того, здесь необходимо упомянуть, что в соответствии с п. 3 постановления Пленума Верховного суда РФ № 17 от 29.06.2010 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», «правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им» [4]. То есть, применительно к освобождению от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, наличие или отсутствие постановления, как процессуального документа, о признании лица потерпевшим само по себе не влечет возникновение основания для применения ст. 25.1 УПК РФ в связи с возмещением вреда потерпевшему. В этом ключе мы обращаемся к практике судов кассационной инстанции по освобождению лиц от уголовной ответственности по двухобъектным преступлениям с назначением судебного штрафа.

Президиум Ленинградского областного суда в своем постановлении от 05.09.2017, согласившись с кассационным представлением на постановление Всеволожского городского суда Ленинградской области в отношении С.А., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 318, ч. 2 ст. 296 УК РФ, указал, что суд первой инстанции «не учел, что по делам данной категории имеются два объекта преступления — как непосредственно потерпевший, так и основной объект уголовной защиты — интересы государства, а потерпевший при этом выступает лишь как дополнительный объект этого посягательства. При таких обстоятельствах по данному основанию прекращены могут быть только такие дела, по которым имеется потерпевший и преступные действия совершены непосредственно против него и его прав» [7].

Из представленных постановлений Ленинградского областного суда следует очевидное единство в позиции Президиума указанного суда при освобождении от уголовной ответственности лиц по двухобъектным преступлениям и преступлениям с охраняемым публичным интересом.

С другой стороны, Президиум Кировского областного суда в своем постановлении от 19.09.2018, не согласившись с доводами судебных постановлений в отношении Ф., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, указал, что у мирового судьи, в соответствии с ч. 5 ст. 446² УПК РФ не было оснований для отказа в удовлетворении ходатайства следователя. В соответствии с позицией Мирового судьи, поддержанной судом апелляционной инстанции, преступление, предусмотренное ст. 319 УК РФ «является двухобъектным, что исключает возможность прекращения уголовного преследования по основаниям, предусмотренным ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ» [5].

В связи с тем, что природа противоречий в судебной практике освобождения от уголовной ответственности по двухобъектным преступлениям и преступлениям с охраняемым публичным интересом, по нашему мнению, одна, вызвана недостаточной ясностью в определении условий освобождения от уголовной ответственности по ст. 25.1 УПК РФ, полагаем, что необходимо принятие единых мер, которые позволят исключить вынесение судебных постановлений, содержащих различное понимание условий освобождения от ответственности по ст. 25.1 УПК РФ.

Здесь обращает на себя внимание позиция ряда авторов, полагающих, что применение ст. 25.1 УПК РФ невозможно, в случае, когда одним из объектов посягательства является охраняемый публичный интерес. Так, по мнению Н.В. Арсеновой «прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в связи с назначением судебного штрафа возможно по преступлениям, где в качестве одного из объектов выступают интересы государства, в случае соблюдения всех условий, предусмотренных ст. 25.1 УПК РФ и ст. 76.2 УК РФ» [11]. Позволим себе указать на некоторую противоречивость позиции автора. С одной стороны, нет ограничений относительно возможности применения исследуемого института по отдельным составам преступлений, а с другой, прекращение уголовного дела допускается по преступлениям, где одним из объектов посягательства выступают интересы государства. По нашему мнению, действующая редакция уголовного и уголовно-процессуального законов позволяет прекращать уголовное дело (уголовное преследование) по всем преступлениям небольшой и средней тяжести. Уместно замечание Т.А. Плаксиной о том, что возможность освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа зависит от того, существуют ли в принципе способы заглаживания вреда, причиненного охраняемым публичным интересам [12].

Необходимо отметить, что наличие противоположной по своей сути судебной практики, отсутствие единства позиции различных авторов говорит лишь о недостаточном правовом регулировании нового института, а ни в коем случае, не об ошибочности или верности избранных позиций.

Мы солидарны с авторами, полагающими, что применение ст. 25.1 УПК РФ — это право суда, предполагающее наличие усмотрения. Как было указано выше, усмотрения у суда на стадии предварительного следствия после принятия к производству ходатайства следователя нет (в той части, что касается отказа в удовлетворении ходатайства следователя по ч. 5 ст. 446² УПК РФ в связи с невыполнением условий освобождения от ответственности). Нет такого основания отказа,

как невыполнение условий, указанных в ст. 76.2 УК РФ, а значит никакого усмотрения у суда, реализуемого с соблюдением принципа состязательности сторон уголовного процесса нет.

Вышеприведенные положения позволяют сделать вывод о том, что институт освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа имеет два, кардинально отличающихся механизма его реализации: на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства. Указанное обстоятельство дает повод рассматривать институт освобождения от уголовной ответственности как новую уголовно-процессуальную форму.

Вернемся к вопросу о том, что значит иным образом заглаживать причиненный преступлением вред? Здесь справедливо замечание Т.А. Плаксиной, о том, что при реализации института освобождения от уголовной ответственности правоприменитель сталкивается с теми же трудностями при оценке такой категории как «заглаживание причиненного вреда», что и при освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием [12, с. 67].

Верховным судом РФ в постановлении Пленума № 19 от 27.07.2013 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» разграничиваются понятия «вреда» и «ущерба». В соответствии с п. 2.1 названного постановления под ущербом понимается имущественный вред, «который может быть возмещен в натуре (в частности, путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества), в денежной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение) и т.д.». Под заглаживанием вреда понимается «имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства» [3].

Нельзя согласиться с мнением ученых, полагающих, что возмещение вреда есть устранение последствий и восстановление состояния объекта посягательства в положение «до совершения преступления» [10, с. 22], ведь с учетом того, что объектом посягательства могут выступать публичные интересы, их восстановление в состоянии «до совершения преступления» невозможно.

Наиболее близкой автору представляется позиция Н.С. Шатихиной, которая под возмещением причинен-

ного вреда понимает «любые действия, направленные на уменьшение степени общественной опасности различных последствий и выражающиеся в предотвращении дальнейшего распространения вредных последствий совершаемого преступления, возмещении причиненного материального ущерба, морального и физического вреда» [9, с. 887].

Применительно к предмету исследования настоящей статьи нас интересует — является ли достаточным для выполнения условий ст. 25.1 УПК РФ принятие мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления законных интересов общества и государства. Речь идет о наличии конкретного результата как условия прекращения уголовного преследования. С другой стороны, достаточно ли просто совершения каких-либо действий, которые имеют направленность на восстановление интересов.

В вышеуказанном постановлении Президиум Приморского краевого суда согласился с тем, что оказание благотворительной помощи организации, основной целью которой является оказание помощи наркозависимым является выполнением условия о заглаживании вреда иным образом (то есть, без привязки к восстановлению нарушенных интересов). Соглашаясь с принципиальной позицией о возможности при указанных обстоятельствах освобождать лиц от уголовной ответственности, считаем необходимым указать на спорность такой позиции, так как механизма контроля за тем, каким образом будут использованы денежные средства не имеется. По нашему мнению, подобного рода пожертвования могут осуществляться только в предусмотренном законом порядке в пользу бюджетных учреждений. С подобным вариантом заглаживания вреда как условия освобождения от ответственности с назначением судебного штрафа не согласна Т.А. Плаксина. По ее мнению, «не является заглаживанием вреда, причиненного публичным интересам, такой вариант социально-полезного поведения, как оказание помощи в виде пожертвований денег или иного имущества государственным, муниципальным и общественным организациям» [12, с. 69]. Действительно не допустимо, когда направление пожертвований в учреждения выступают фактически попыткой подмены положительного посткриминального поведения. Закрепление на законодательном уровне такого порядка есть один из способов разрешения сложившейся на практике проблемы освобождения от уголовной ответственности лиц по двухобъектным преступлениям и преступлениям с публичным объектом посягательства, наравне с личным участием подозреваемого обвиняемого в деятельности учреждений, оказывающих поддержку гражданам (в ситуации с приведенным примером — наркозависимым).

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // СПС КонсультантПлюс;
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // СПС КонсультантПлюс;
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 №19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»// СПС КонсультантПлюс;
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 №17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»// СПС КонсультантПлюс;
5. Постановление президиума Кировского областного суда от 19 сентября 2018 г. №44у-45/2018 // СПС КонсультантПлюс;
6. Постановление президиума Ленинградского областного суда от 13 июня 2017 г. №44у-47/2017 // СПС КонсультантПлюс;
7. Постановление президиума Ленинградского областного суда от 05 сентября 2017 г. №44у-62/2017 // СПС КонсультантПлюс;
8. Постановление президиума Приморского краевого суда от 17 сентября 2017 г. №4У-1589/2018 [44У-220/2018] // СПС КонсультантПлюс;
9. Уголовное право России: Общая часть: Учебник / Под ред. Кропачева Н. М., Волженкина Б. В., Орехова В. В. СПб., 2006;
10. С.Щерба, А. Савкин. Деятельное раскаяние в совершенном преступлении / Под общ. Ред. Щерба С. П. М., 1997.
11. Арсенова Н. В. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа по преступлениям, посягающим на публичные интересы // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2018. № 1 (34). С. 207–209.
12. Плаксина Т. А. Некоторые проблемы применения норм освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (уголовно-правовые аспекты) // Алтайский юридический вестник. 2019. № 1 (25). С. 64–71.
13. Кудрявцева А.В., Сулягин К. И. Судебный штраф // Уголовное право. 2016. № 6. С. 102–110.
14. Полуэктов А. Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты: дисс. канд. юр. наук: 12.00.08.-М.2018.

© Каматесов Павел Александрович (KamatesovPa@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВ

THE THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE LAW ENFORCEMENT OF THE STATES

**Y. Kolesnikov
V. Melnikov**

Summary. In this article authors consider the questions connected with theoretical bases of law-enforcement activity of the States. Today, one of the issues that are Central to a number of branch of law enforcement Sciences is the search for an optimal model of law enforcement function of the state. The answer to this question lies in the plane of the fundamental foundations of the nature and purpose of the state, the understanding of which allows to optimize the model of the national law enforcement system. In this context, the primary task is to determine the parameters of such optimality, which can be identified both by using the deductive method of studying national models of law enforcement function of foreign States, and by analyzing the causal relationship between historically established national law enforcement systems and national cultural characteristics of specific States, their role and position in the social system.

Keywords: State, human rights and freedoms, law enforcement.

Колесников Юрий Алексеевич

*Д.ю.н., доцент, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
yakolesnikov@sfedu.ru*

Мельников Виктор Юрьевич

*Д.ю.н., доцент, Ростовский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
juliameln@mail.ru*

Аннотация. В данной статье авторы рассматривают вопросы, связанные с теоретическими основами правоохранительной деятельности государств. Сегодня одним из вопросов, занимающих центральное в ряде отраслевых наук правоохранительной направленности, является поиск оптимальной модели правоохранительной функции государства. Ответ на данный вопрос лежит в плоскости фундаментальных основ природы и назначения государства, понимание которых позволяет оптимизировать саму модель национальной правоохранительной системы. В этом контексте первостепенной задачей становится определение параметров такой оптимальности, выделить которые возможно, как посредством использования дедуктивного метода исследования национальных моделей правоохранительной функции зарубежных государств, так и путем анализа причинно-следственной связи между исторически сложившимися национальными правоохранительными системами и национально-культурными особенностями конкретных государств, их роли и положения в социальной системе.

Ключевые слова: государство, права и свободы человека, правоохранительная деятельность.

Предварительное расследование представляет собой одну из функций уполномоченных государственных органов и должностных лиц (следственных органов), регулируемую нормами уголовно-процессуального права. Учитывая актуальность и сложность расследования должностных преступлений, Генеральный прокурор РФ возложил надзор за расследованием группы преступлений (коррупционных, террористического характера и т.п., в целом представляющих угрозу общественной, экономической и национальной безопасности государства) на прокуроров субъектов РФ и приравненных к ним иных специализированных прокуроров. Авторы отстаивают позицию, что функция обвинения должна последовательно осуществляться государственным обвинителем, акт обвинения (заключение, постановление) должен выноситься перед судом только этим должностным лицом. Освободив следователя, дознавателя от несвойственных им функции обвинения, можно создать предпосылку для последующего реформирования всего следственного аппарата и органов дознания.

Выявление и расследование преступлений является актуальной проблемой современной науки, так как увеличения количество преступлений в различных формах его проявления является большой угрозой для конституционных прав и свобод граждан, национальной безопасности России. При всей эффективности ряда последних государственных мер политического и правового характера, разрешены не все проблемы, возникающие у представителей правоохранительных органов при расследовании преступлений. Исследуя данный вопрос, есть основания обратить внимание на особенности построения правоохранительной системы ряда зарубежных государств.

Организационное построение органов полиции зарубежных государств, распределение функций и полномочий между различными уровнями управления зависят от сложившихся в каждой конкретной стране форм государственного устройства и степени централизации органов управления [1, с. 12] А.В. Макарин и А.И. Стребков подчеркивают, что «судебные системы в различных

федерациях различаются в зависимости от уровня самостоятельности членов федерации, распределения компетенции между ними и центром, от соотношения федерального права и правовых норм, принимаемых в государственных образованиях, формирующих федерацию» [2, с. 63]. Основные субъекты реализации правоохранительной функции государства имеют свою специфику в зависимости от формы государства.

Модели правоохранительной функции условно можно разделить на три типа: централизованную, децентрализованную и смешанную. Смешанный тип характерен для таких государств, как Великобритания, Япония, ФРГ, Россия и другие. Региональную специфику правоохранительной деятельности можно наиболее полно проанализировать через правовую и организационную формы реализации правоохранительной функции государства. Так, в Российской Федерации существуют единые механизмы правового регулирования, касающиеся порядка формирования и иерархической подчиненности правоохранительных органов власти на местном, региональном и федеральном уровнях, организации институтов гражданского общества, наделенных вспомогательными правоохранительными функциями [3].

В целом правоохранительная система России построена на принципах централизации, унификации и вертикальной системы управления. В этом контексте имеет место взаимообусловленность административно-территориального устройства Российского государства и его правоохранительной модели. Такая правовая модель, определяющая порядок и пределы осуществления правоохранительной деятельности, обусловлена смешанной моделью федерации, характерной для России, в отличие от США, где правоохранительная деятельность в большей мере является децентрализованной [4, с. 105].

Формирование правоохранительных подсистем с относительной локальной административной и юрисдикционной самостоятельностью муниципальных правоохранительных органов и правоохранительных органов штатов, собственное региональное законодательство, определяющее территориальные особенности административного и уголовного преследования, не оценивается в США как недостаток. Начиная с особенностей уголовно-исполнительного производства, построения судебных процессов и заканчивая административными режимами каждый штат выработал уникальную правоохранительную подсистему, адаптируя юридический инструментарий к территориальным социальным, криминальным и иным особенностям [5, с. 94–99].

В правовой системе штатов наблюдается значительная децентрализация, проявляющаяся, в частности, в области уголовного права. Так, в 38 штатах действует

смертная казнь, а в 12 — только пожизненное заключение. Исследователи связывают данную децентрализованную модель правоохранительной системы с исторической особенностью формирования самих США, некогда представлявших собой конфедерацию. В то же время своеобразие правоохранительных традиций, нашедших отражение в действующем законодательстве каждого штата, определяется правоохранительными традициями. Например, попытка административной централизации полиции в США претерпела неудачу из-за сопротивления самих штатов и графств. В силу пошли по пути уничтожения сложившейся системы, вышедшей на уровень цивилизованных форм в пользу централизации и унификации правоохранительной функции хотя бы потому, что при их устранении федеративному центру пришлось бы компенсировать возникший пробел своими бюджетными ресурсами (на полицию местными 66 бюджетами выделяется до 80% средств, потраченных на все полицейские силы страны).

Кроме того, «характерной особенностью фрагментарной модели полицейской системы в целом и американской полицейской системы в частности является традиционное использование частей вооруженных сил (национальной гвардии) для подавления «гражданских беспорядков»» [6, с. 44].

По типу правоохранительных систем наиболее близкородственной США является правоохранительная модель Великобритании, где органы полиции также подчинены муниципальной власти и косвенно подотчетны населению через выборные механизмы главы муниципальных образований [7, с. 68]. Судебные органы имеют определенную степень децентрализации в отношении двух особых регионов Великобритании. В частности, значительную самостоятельность сохранила судебная система Шотландии, а судебные органы Северной Ирландии, хотя и копируют судебную систему Великобритании, также стоят особняком в реализации правоохранительной функции. Правовая система Англии характеризуется смешанным типом и наряду с централизованным уголовным и гражданским законодательством допускает использование самостоятельных источников права в Северной Ирландии и Шотландии.

Правоохранительная система Федеративной Республики Германия также отражает особенности федеративных отношений регионов (земель) и федерального центра. Так, характеризуя правоохранительную систему ФРГ, В.Б. Гольцов отмечает, что «исторические традиции предопределили значительную долю независимости земель от федерального центра. Каждая из 16 земель Германии при сохранении общей правовой основы деятельности самостоятельно определяет структуру и штатную численность полиции, приоритетные направления

деятельности правоохранительных органов» [8, с. 31–33].

Однако наряду с полицией земель в ФРГ действует федеральная полиция. Модель реализации правоохранительной функции Германии основана на смешанном типе отношений, в ней в равной мере присутствуют централизационные и децентрализационные начала. Согласование же правоохранительных органов земель и федеральных правоохранительных органов осуществляется по принципу координации и согласования. Так, федеральное ведомство криминальной (Bundeskriminalamt) полиции в рамках своих полномочий и функций среди прочего осуществляет координацию между органами федеральной полиции и полиции земель, а также органами полиции и правосудия, поддержку деятельности полиции по профилактике и борьбе с преступностью на межрегиональном и международном уровнях. При этом просматривается деформация правоохранительной функции государства, не обеспечивающего в должной мере личную и имущественную защиту своих граждан [9, с. 138–146].

Архитектура правоохранительной функции Японии имеет особые национальные черты и обусловлена не только унитарным государственным устройством, но и традиционным общественным укладом. Так, если в западноевропейской традиции правоохранительная деятельность опирается на юридический формализм и законность, обеспечивается наложением юридических санкций позитивного права, то в японской правовой системе акценты смещаются к публичному осуждению, а применение мер юридических санкций позитивного права правоохранителями является крайне ограниченным [10, с. 45].

Содержание правоохранительной функции Сингапура, невзирая на инновационность экономики и политики государства, продиктовано объективными угрозами и трудностями, определившими антилиберальные механизмы обеспечения законности и правопорядка. В частности, Я. О. Кучина связывает жесткость уголовной политики Сингапура с объективными национально-региональными факторами [11, с. 112].

В отличие от моделей правоохранительной функции государств в англо-саксонской и романо-германской системах права правоохранительная деятельность в странах мусульманского права неразрывно связана с шариатом. В частности, уголовное преследование осуществляется по правилам и правопониманию, определяемым религиозными источниками: Коран, Сунна, кияс (акты толкования Корана и Сунны), иджма (соглашение мусульманских правоведов), урф (обычное право). При этом обычное право на легальном уровне сохраняет ряд

институтов, которые в остальном мире считаются преступлениями. Например, институт кровной мести в известной мере признается в ряде мусульманских государств. Но наряду с этим мусульманское право не легализует скорый, бездоказательный самосуд. Только по решению суда родственникам потерпевшего (умышленное убийство) предоставляется право выбора юридических санкций (прощение, штраф или смертная казнь) [12, с. 298].

Такие международно-правовые акты, как Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) [13], Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) [14], Международный пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» [15], де-юре определяют принципы правоохранительной деятельности государств-участников, среди которых безусловной ценностью признаются права и свободы человека, но в то же время учитывается общественная и государственная безопасность как приоритетная деятельность. Однако де-факто международная политика современного мира демонстрирует насильственное насаждение западноевропейских ценностей, получивших статус «международных» как минимум в двух аспектах. Во-первых, правоохранительная функция государства обеспечивает его внешний и внутренний суверенитет. Соответственно изменение именно этой государственной функции влияет на эффективность обеспечения национального суверенитета в контексте конкретных геополитических условий.

Идеология абсолютизации прав и свобод личности, их безусловного приоритета над интересами общества и государства позволила реализовать проекты искусственной глобализации, продвигая национальные интересы взаимопроникновении соприкасающихся культур, этносов. Но если естественная глобализация основана на взаимном влиянии, исторической адаптации аксиологических элементов культур, то глобализация как искусственный процесс сопряжена с вытеснением национальных ценностей общества западно-либеральными ценностями, возведенными к уровню универсальных.

При этом продвижение идей абсолютизации прав и свобод человека в итоге приводит государства не только к правоохранительной дисфункции, но и создает устойчивую политико-правовую нестабильность соответствующих регионов, реализуя известную концепцию «управляемого хаоса» за счет фактического (ситуационного) массового ограничения тех самых прав и свобод человека, ради которых изначально разрушались национальные правоохранительные системы.

Исходя из сравнительно-правового анализа содержания зарубежных правоохранительных систем очевид-

ной представляется взаимосвязь уровня правопорядка и законности с уровнем правоохранительного контроля, то есть методов и средств правоохранительной деятельности органов государственной власти, общественных институтов и гражданского участия в реализации правоохранительной функции государства. естабильности (кризиса миграционной политики) и т.п.

Права и свободы индивидуума не могут вступать в противоречие с общественными интересами безопасности и стабильности, что подчиняет первые последним. Исследуя особенности правоохранительной функции государства в рамках национальных правовых систем, также необходимо принимать во внимание процессы глобализации, резюмирующие универсализацию и стандартизацию содержания, целей и значения государственных функций. Здесь следует отметить, что международное право оказывает достаточно сильное влияние в том числе на национальные правоохранительные системы прежде всего с позиции общепризнанных принципов и норм международного права, прав и свобод человека и гражданина.

Конкретные сила, средства, методы формирования правопорядка и законности обуславливаются сложной системой территориальных факторов внутри государства и даже на его отдельных территориях. Это вынуждает национального законодателя и правопримирителя использовать не универсальные оторванные от реального контекста иерархии правовых ценностей, а действенные правоохранительные механизмы в конкретном геополитическом региональном пространстве. Это означает, что, например, система тотального правоохранительного контроля, применяемая, например, в Сингапуре, является абсолютно неприемлемой для европейских государств, обладающих высоким уровнем правовой культуры населения. Как и в обратном порядке, использование

либеральных моделей правоохранения для Российской Федерации чревато не соблюдением и неукоснительным исполнением прав и свобод человека, а теневизацией и криминализацией экономической, политической, религиозной и другой деятельности.

На конкретное наполнение и структуру правоохранительной функции каждого государства оказывает влияние история его формирования. Модель реализации правоохранительной функции восточных государств значительно отличается от западных в той мере, в которой это продиктовано соотношением правовой культуры общества, национальных традиций и эффективностью юридических средств, применяемых в восточных обществах. Понимание существа и природы государства и права в конкретном этнокультурном пространстве определяет национальные особенности правоохранительной функции государства, ее эталоны.

Каждая национальная модель адаптирована к конкретным социокультурным особенностям, традициям обществ, в которых они исторически сложились и действуют. При этом большинство названных стран осуществляли безрезультатные попытки отойти от традиционного правоохранительного уклада, в конечном счете только подтвердив необходимость цивилизационного подхода к архитектонике правоохранительной функции. Общие принципы и нормы международного права применимы к правоохранительной деятельности только в том смысле, в котором они не противоречат общественной и национальной безопасности. При этом конкретные национальные модели реализации правоохранительной функции государства определяются фактическим состоянием его социальной, политической, экономической, культурно-духовной, правовой и иной стабильности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов С. В. Социально-ценностные и профессиональные требования к управленческим кадрам (на примере полиции Германии) // Ценности и смыслы. 2011. — № 3. — С. 138–146.
2. Быков А. В., Кикоть-Глуходеева Т. В. Полицейская система современного демократического государства: монография. — М., 2010. — С. 44.
3. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 [Электронный ресурс]. URL: <http://consultant.ru>.
4. Гольцов В. Б. Особенности работы полиции земли Северный Рейн Вестфалия (Германия) при возникновении чрезвычайных ситуаций // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. — № 3. — С. 31–33.
5. Ежевский Д. О. Муниципальная полиция: опыт Великобритании // Административное и муниципальное право. 2008. — № 11. — С. 68
6. Иванов Ю. А. Мусульманское право: вопросы уголовной юстиции // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. — № 4. — С. 298.
7. Курлович П. Н. Полиция в правоохранительной системе США // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. — № 12. — С. 105.
8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод»: заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004) [Электронный ресурс]. URL: <http://consultant.ru>.
9. Кучина Я. О. Правовая система противодействия наркопреступности в республике Сингапур // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. — № 4 (37). — С. 112.
10. Макарин А. В., Стребков А. И. Теория и история политических институтов: учебное пособие для вузов / под ред. А. В. Макарина, А. И. Стребкова. — СПб., 2008. — С. 63

11. Международный пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» [Электронный ресурс]. URL: <http://consultant.ru>.
12. Wolferen Karel Van. The Enigma of Japanese Power: People and Politics in a Stateless Nation. London, 1989. — С. 45.
13. Хажироков В. А. Особенности реализации правоохранительной функции государства в условиях полиэтничности общества в Северо-Кавказском регионе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.11 / В. А. Хажироков. — Ростов н/Д., 2018. — 26 с.
14. Сатурина М. Н. Правоохранительная система государства (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2008. — С. 12.
15. Яшин К. В., Алексеева А. В. Проблемы легализации оружия. Анализ законодательства США и России // Современная наука: теория и практика. 2014. № 3 (7). — С. 94–99.

© Колесников Юрий Алексеевич (yakolesnikov@sfedu.ru), Мельников Виктор Юрьевич (juliameln@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Южный федеральный университет

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

CIVIL–LEGAL MEANS OF COUNTERACTION OF CORRUPTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

I. Konnov

Summary. the Author examines the means of combating corruption enshrined in the civil legislation of the Russian Federation. The institutions of compensation for damage and compensation for moral damage, invalidity of transactions and confiscation of property, prohibitions and restrictions on transactions were mentioned as such means. In the course of the analysis the shortcomings of the current legislation, first of all, the lack of the concept of corruption in the civil law as a basis for the recognition of transactions and actions in bad faith.

Keywords: corruption, counteraction, good faith, invalidity of transactions, prohibitions and restrictions.

Коннов Иван Александрович

*К.полит.н., доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); заместитель директора, Нижегородский институт управления — филиал РАНХиГС
konnov-ia@mail.ru*

Аннотация. Автор статьи исследует закрепленные в гражданском законодательстве Российской Федерации средства противодействия коррупции. В качестве таких средств отмечены институты возмещения ущерба и компенсации морального вреда, недействительности сделок и конфискации имущества, запретов и ограничений на совершение сделок. В ходе проведенного анализа отмечены недостатки действующего законодательства, в первую очередь, отсутствие понятия коррупции в гражданском законодательстве как основания для признания сделок и действий недобросовестными.

Ключевые слова: коррупция, противодействие, добросовестность, недействительность сделок, запреты и ограничения.

Общественная опасность коррупции не нуждается в каком-либо дополнительном обосновании, этот факт в настоящее время является общепризнанным и не оспаривается. Но это не означает, что все вопросы, связанные с коррупцией, также не нуждаются в дополнительном осмыслении, и прежде всего, в части противодействия этому, безусловно негативному, явлению нашего мироустройства.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации [3] коррупция отнесена к одной из основных угроз государственной и общественной безопасности. В связи с этим одним из принципов Национальной стратегии противодействия коррупции, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13.04.2010 № 460 [4], являются «использование в противодействии коррупции системы мер, включающей в себя меры по предупреждению коррупции, по уголовному преследованию лиц, совершивших коррупционные преступления, и по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных деяний, при ведущей роли на современном этапе мер по предупреждению коррупции».

Российская Федерация находится в числе стран, которые первыми подписали Конвенцию Организации Объединенных Наций против коррупции, принятую Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 года, и ратифицировала ее в 2006 году [5].

Российской Федерацией кроме указанной Конвенции подписаны и ратифицированы ряд других не менее важных международных актов, направленных на борьбу с коррупцией [6,7,8,9].

Основополагающим нормативным правовым актом в сфере борьбы с коррупцией в Российской Федерации является Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее — Федеральный закон № 273-ФЗ) [1].

Говоря о международно-правовом регулировании борьбы с коррупцией не обходимо отметить, что 4 ноября 1999 года в Страсбурге Советом Европы была принята Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (далее Конвенция) [10]. Данная Конвенция вступила в силу с 1 ноября 2003 года. Российская Федерация до настоящего времени не присоединилась к указанной Конвенции.

Тем не менее, Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию заслуживает своего изучения, для установления тех правовых механизмов, которые используются в иностранном и международном законодательстве для борьбы с коррупцией, с целью возможной имплементации или адаптации наиболее эффективных норм в отечественном законодательстве. Цель Конвенции определена в возмещении ущерба,

причиненного коррупцией. Несмотря на неприсоединение России к Конвенции стоит отметить, что такой способ защиты права как возмещение ущерба, причиненного неправомерными действиями, российским законодательством предусмотрен.

Статья 3 Конвенции отражает положения о возмещении ущерба в результате коррупции, фиксирует правило на предъявление иска с целью получения полного возмещения ущерба, подлежащего возмещению материальный ущерб, упущенная финансовая выгода и нематериальный вред.

По данной проблеме и по общему правилу статьи 15 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

По вопросу ответственности за ущерб статья 4 Конвенции устанавливает, что «Каждая Страна предусматривает в своем внутреннем праве, что если не сколько от ветчиков от ответственных за ущерб, причиненный одним из них и тем же актом коррупции, то они будут нести солидарную и долевую ответственность».

В статье 1080 ГК РФ установлена ответственность за совместно причиненный вред: лица, совместно причинившие вред, отвечают по терпевшим солидарно. При этом во вложении на лиц, причинивших вред, долевой ответственности осуществляется судом по заявлению терпевшего и в его интересах. Отмечаем, что данная норма закреплена в законодательстве Российской Федерации.

Далее в статье 5 Конвенции закреплена следующая: «Каждая Страна предусматривает в своем внутреннем праве належащие процедуры, позволяющие лицам, несшим ущерб в результате акта коррупции, возмещения его публичными должностными лицами в ходе осуществления ими своих функций, требовать возмещение ущерба от государства или, в случае если Страна не является государством, от соответствующих властей данной Страны».

По добные положения, которые действуют ос нования требований возмещения вреда за счет государства, содержатся в статье 16 ГК РФ (в возмещение убытков, причиненных государственными органами и органами местного самоуправления) и 1069 ГК РФ (от ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами)

Статьей 7 Конвенции регламентировано наименование сроков исковой давности к допроизводству возмещению ущерба в связи с актом там и коррупцией и доложен составлять не менее трех лет со дня, когда лицу, несшему ущерб, стало известно или должно было стать известно о возникновении ущерба или о совершении акта коррупции и о лице, ответственном за это.

В Российской Федерации статьей 196 ГК РФ общий срок исковой давности установлен в три года. При этом статья 197 ГК РФ предоставляет возможность законодательного установления для отдельных видов требований специальных сроков исковой давности, сокращенных или более длительных по сравнению с общим сроком.

Тем не менее, как представляется, сводить механизм гражданско-правового противодействия коррупции только к возмещению ущерба будет не вполне правильным. Объяснить это можно тем, что далеко не всегда в результате коррупции причиняется ущерб, последствия коррупции могут быть и без причинения ущерба, как это, к примеру, имеет место при получении взятки за исполнение должностным лицом своих прямых обязанностей: врачом за выполнение операции; сотрудником полиции за вынесение решения о возбуждении уголовного дела при наличии к тому достаточных оснований.

Нередко такие взятки маскируются под подарки за добросовестное исполнение своих обязанностей, а по сути — являются обязательным условием для такого добросовестного исполнения. Должна ли в таких случаях завуалированная взятка остаться без гражданско-правовых последствий? Как представляется, — нет. Здесь представляется интересным предложение об обращении к понятию «репутационного ущерба» [17, С. 8], который относится к категории морального вреда, а не материального ущерба. Любая коррупционная деятельность связана прежде всего с деятельностью органов публичной власти, иных учреждений и институтов, репутация которых страдает от коррупции, подрывается их авторитет. Поэтому компенсации должны подлежать не только материальный ущерб, но и моральный вред (ст. 150 ГК РФ), причиненный добродетели и репутации субъекта гражданского права, к числу которых относятся не только физические и юридические лица, но и публичные субъекты.

Эффективность гражданско-правового противодействия коррупции заключается, на наш взгляд, в экономической основе коррупции, желании извлечь необоснованную материальную выгоду, а потому, противодействие, кроме публично-правового наказания и порицания, должно носить эквивалентный механизм

материального противодействия коррупции. То есть, материальное последствие выявленной коррупции должно как минимум превышать ожидаемую выгоду от коррупционного действия. При этом, система штрафов, применяемая в уголовном праве, далеко не всегда оказывается эффективной, так как не всегда оказывается реально исполнимой. Коррупционеры оформляют свое имущество не на свое имя, не на имя своих близких родственников — супругов, детей. То же самое касается и института конфискации имущества, нажитого преступным путем.

В этой части российский законодатель сделал определенные шаги. Так, Федеральным законом от 3 декабря 2012 года № 231-ФЗ пункт 2 статьи 235 ГК РФ «Основания прекращения права собственности был дополнен подпунктом 8, который к основаниям прекращения права собственности добавил такое основание, как недоказанность приобретения имущества в соответствии с законодательством о противодействии коррупции. Но как отмечается в научных публикациях, в данной норме заложен существенный недостаток, а именно, под ее действие не подпадают лица, не указываемые в декларациях должностных лиц, а также лица, дающие взятку и посредники во взятках [11, с. 52–55; 16, с. 27–37]. Таким образом, данная норма хотя и является шагом в направлении гражданско-правового противодействия коррупции, но она нуждается в своей доработке, в совокупности с другими нормами права.

Другим гражданско-правовым инструментом противодействия коррупции, существующим в отечественном гражданском праве, является институт недействительности сделки. Коррупция — это явление противоречащее правопорядку, а потому сделки, отягощенные «коррупционным элементом», являются на наш взгляд недействительными в силу ст. 169 ГК РФ, хотя, как совершенно верно отмечает Е. С. Губенко: «признание недействительными сделок, сопряженных с коррупционными правонарушениями, в нормах гражданского права прямо не предусмотрено» [12, С. 32]. В статье 169 ГК РФ отмечается, что о сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности, ничтожна и влечет последствия, установленные статьей 167 Кодекса. В случаях, предусмотренных законом, суд может возыскать в доход Российской Федерации все полученное по такой сделке сторонами, действовавшими умышленно, или признать иные последствия, установленные законом.

Здесь стоит отметить лишь то обстоятельство, что для сферы государственных закупок, нередко критикуемой за высокую коррупционность, профильный Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок, товаров, работ, услуг для госу-

дарственных и муниципальных нужд» прямо предусмотрел возможность признания сделки недействительной, если такая сделка содержит коррупционные признаки (п. 22 ст. 34).

Сложность в применении данных норм представляется в сложности установления этих самых коррупционных признаков — личной заинтересованности участника торгов в их результате, так как нередко истинные бенефициары сделок остаются неизвестными. Но здесь вполне применимым представляется использование критерия добросовестности, закрепленного в ст. 10 ГК РФ, для определения общего характера сделки, как совершенной добросовестно или с целью извлечения необоснованной выгоды, равно как и с целью причинения ущерба иным участникам гражданских правоотношений, то есть — недобросовестно.

Одной из мер противодействия коррупции в области гражданского законодательства является запрет на дарение и получение вознаграждения государственным служащими. Статья 57.5 ГК РФ содержит запрет на дарение, заключение обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей, лицам, занимающим государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, государственным служащим, муниципальным служащим, служащим Банка России в связи с их должностными обязанностями.

Еще одним гражданско-правовым инструментом противодействия коррупции следует признать положения ст. 174 и 174.1 ГК РФ, которые регулируют отношения, связанные с возможными последствиями коррупционных действий должностных лиц и руководителей организаций и учреждений, а также сделок с имуществом в нарушение запрета или ограничения распоряжения таким имуществом. Эти нормы в основном связаны с коррупционными действиями при банкротстве [13, с. 22–27]. Данные нормы направлены прежде всего против злоупотреблений должностных лиц и руководителей против интересов организаций и учреждений, а также публичных интересов, к которым относится и противодействие коррупции.

Таким образом, проведенное исследование норм гражданского законодательства, представленного ГК РФ и иными законами, свидетельствует о существовании гражданско-правового механизма противодействия коррупции. Этот механизм представлен в виде комплекса норм: о возмещении материального ущерба и морального вреда частным и публичным интересам участников гражданских правоотношений; норм о кон-

фискации имущества, приобретенного в результате коррупционной деятельности; запретов и ограничений на совершение действий, входящих в должностные полномочия, но направленных против законных интересов и прав участников гражданского оборота; нормы о недействительности сделок, совершенных с противоправной целью.

При этом было отмечено, что данный механизм на данный момент времени далек от совершенства, его применение затруднено из-за недостатков законодательной техники, пробелов в законодательстве. Поэтому начавшийся процесс усиления гражданско-правового

противодействия коррупции нуждается в своем продолжении на основе глубокого научного осмысления всех возможных мер противодействия коррупции инструментами гражданского права, одним из основных принципов которого является добросовестность участников гражданских правоотношений.

По двоя итог, отметим, что коррупция представляет собой серьезную угрозу обществу. Для борьбы с этим явлением, по нашему мнению, следует активно применять не только меры уголовно-правового и административного характера, но и в полной мере использовать существующие гражданско-правовые средства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6228.
2. Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ, 2009. № 29. Ст. 3609.
3. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.01.2016, № 1 (часть II), ст. 212.
4. Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 (ред. от 13.03.2012) «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» // Собрание законодательства РФ, 19.04.2010, № 16, ст. 1875.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства РФ, 26.06.2006. № 26. ст. 2780.
6. Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (Конвенция заключена 21.11.1997 г.) // Собрание законодательства РФ, 23.04.2012, № 17.
7. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999 г.) // Собрание законодательства РФ, 18.05.2009, № 20, ст. 2394.
8. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства РФ, 04.20.2004, № 40.
9. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (Заключена в г. Варшаве 16.05.2005) // Собрание законодательства РФ, 19.02.2018, № 8, ст. 1091.
10. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию. (ETS № 174) Страсбург, 4 ноября 1999 года // сайт Совета Европы [Электронный ресурс] // Доступ — URL: Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007f58d> (дата обращения 08.05.2019).
11. Арямов А.А., Ручева Е. О. Проблемы применения института конфискации имущества как средства противодействия коррупции // Российский следователь. 2017. № 3. С. 52–55.
12. Губенко Е.С. К вопросу о противодействии коррупции в публичных закупках // Конкурентное право. 2015. № 3. С. 31–33.
13. Илюшина М. Н. Гражданско-правовые механизмы преодоления коррупции и реформа гражданского законодательства о недействительности сделок // Российский следователь. 2017. № 24. С. 22–27.
14. Кабанова И. Е. Гражданско-правовые последствия коррупционного поведения // Юрист. 2014. № 6. С. 25–31.
15. Коннова П. И. Антикоррупционные нормы международного права как основа противодействия коррупции в России // Балтийский гуманитарный журнал № 3 (16), Том 5, 2016. — с.249–253
16. Кузнецова О.А., Степанов В. В. Межотраслевая правовая природа конфискации имущества // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 27–37.
17. Сеницын С.А., Позднышева Е. В. Гражданско-правовые санкции за совершение коррупционных правонарушений // Законодательство и экономика. 2015. № 5. С. 7–10.

© Коннов Иван Александрович (konnov-ia@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИСТОЧНИКОВ БЮДЖЕТНОГО ПРАВА

CONCEPTUAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE SOURCES OF BUDGET LAW

K. Nikolashvili

Summary. The article is devoted to the theoretical foundations of the study of one of the key categories of budget law — its sources. It contains a comparative analysis of the concepts of «sources of budget law» and «forms of budget law», covering the issue of their relationship in the scientific literature. It is concluded that the concept of «source of law» has no independent meaning, different from other existing basic categories in legal science, so it is legitimate to consider the form and source of law as identical concepts. Special attention is paid to the specifics of such a source of budget law as a planning legal act, which is the main form of implementation and legal regulation of budget activities. In addition to the budget, which is a public financial plan, performance-oriented acts (primarily state and municipal programs) are also built into the budget planning system, which link budget funds with the results of their use.

Keywords: budget law, source of law, form of law, planning acts.

Николашвили Картлос Ираклиевич

*Аспирант, Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
libra-92@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению теоретических основ исследования одной из ключевых категорий бюджетного права — его источников. Дается сравнительный анализ понятий «источники бюджетного права» и «формы бюджетного права», освещения вопроса об их соотношении в научной литературе. Сделан вывод, что понятие «источник права» не имеет самостоятельного значения, отличного от других существующих в юридической науке базовых категорий, поэтому правомерно рассматривать форму и источник права как понятия тождественные. Особое внимание в статье уделяется специфике такого источника бюджетного права, как плановый нормативный правовой акт, являющийся основной формой осуществления и правового регулирования бюджетной деятельности. Кроме бюджета, который представляет собой публичный финансовый план, в систему бюджетного планирования встроены также программно-целевые акты (прежде всего, государственные и муниципальные программы), которые связывают бюджетные средства с результатами их использования.

Ключевые слова: бюджетное право, источник права, форма права, плановые акты.

Любое научное исследование, имеющее своим предметом вопросы и проблемы отдельной правовой отрасли, должно основываться на подходах к определению базовых юридических категорий, формируемых общей теорией права. Поскольку юриспруденция, в отличие, например, от логики и математики, не является точной наукой, спектр точек зрения относительно понимания этих категорий весьма широк. Вряд ли можно утверждать, что даже такие базовые понятия, как «право», «правовой акт», «источник права», имеют единообразное толкование. Соответственно, когда общеправовые понятия исследуются в специальном, отраслевом преломлении, возникает необходимость выбора между той или иной теоретической концепцией. С другой стороны, отраслевое исследование обогащает теорию права необходимым эмпирическим, прикладным материалом. Таким образом, связь в данном случае обоюдонаправленная. Тема источников бюджетного права тем ценна и интересна, что именно в бюджетном праве источники обладают спецификой, не свойственной абсолютно большинству отраслей права.

Понятием, наиболее близким по смыслу к «источнику права», является «форма права». Само существование двух термином, обозначающих схожее явление, поро-

дило в науке длительную дискуссию по вопросу их соотношения. Ситуация осложняется тем, что отсутствует и единство во взглядах, что именно следует понимать под источником, а что под формой права; вводятся дополнительные условные допущения и акценты, например — «источник в юридическом смысле». В самом общем разрезе можно выделить два принципиальных подхода к определению соотношения указанных понятий: в рамках первого подхода «источник права» и «форма права» рассматриваются как понятия тождественные, синонимичные, в рамках второго — как взаимосвязанные, но различные по сути.

Для отдельного использования данных терминов нужно понимать, в чем заключается научная ценность такого подхода и существует ли она. Понятие формы является философской категорией и имеет под собой богатейшую базу научных исследований. В философии форма рассматривается в диалектическом единстве с содержанием: содержание всегда оформлено, а форма содержательна. Как писал Гегель, содержание есть не что иное, как переход формы в содержание, а форма — переход содержания в форму [9, с. 232]. Именно Гегель выделил внутреннюю и внешнюю форму содержания: «Соотношение явления с собою... вполне опре-

деленно, имеет форму внутри самого себя, и, так как оно обладает ею в этой тождественности, то оно обладает ею как существенным устойчивым существованием. Таким образом, форма есть содержание, а в своей развитой определенности она закон явлений. В форму же, как нерелегированную внутрь себя, входит отрицательный момент явления, несамостоятельное и изменчивое, — она есть равнодушная, внешняя форма» [9, с. 298]. Применительно к праву, внешняя форма — это доступная для человеческого восприятия объективация правовых норм: в виде письменных документов и иных способов выражения информации, которым государством придается официальное, юридическое значение¹. Внутренняя форма — это способ организации нормативно-правового материала, взаимосвязи составляющих его частей.

Таким образом, форма права — чрезвычайно емкое и вместе с тем достаточно определенное понятие, имеющее глубокое методологическое, научно-философское обоснование.

Ученые, которые придерживаются раздельного восприятия терминов «источник» и «форма» применительно к праву, как правило, используют смысловое значение источника, как нечто того, что дает начало чему-либо². В этой связи выделяются источники в материальном, идеологическом и иных смыслах [7, с. 37–44]. Если говорить об источниках в материальном смысле, то такое понимание поглощается философским учением о базисе и надстройке, обладающим собственным понятийным аппаратом. Правильнее в данном случае вести речь о диалектической детерминированности права существующей системой социально-экономических отношений. Попытки выразить источник права как явление, отличное от формы права, в институционально-властном аспекте неизбежно приводят к его отождествлению с такими понятиями, как субъект правотворчества (субъект, выражающий публичную волю) и правотворческий процесс (процесс выражения публичной воли) [16, с. 16]. Корректнее, с точки зрения формальной логики, в таком случае говорить об источнике правотворчества, а не об источнике права.

Следует также обратить внимание на использование термина «источник» в Конституции Российской Федера-

¹ В литературе отмечается возможность не только письменного, но и устного закрепления правовой нормы в виде, например, джентльменского соглашения, которое представляет собой договор сторон о возникновении, изменении или прекращении конституционно-правовых отношений, заключенный в устной форме, соблюдение которого гарантируется честным словом. В настоящее время такой источник конституционного права существует только в Ливане [13, с. 207].

² Так, еще И. В. Михайловский писал: «В сущности, почти все ученые одинаково понимают термин «источник права» — как факторы, творящие право, а разногласия начинаются только при решении вопроса, что должно считаться нормотворящими факторами». [18, с. 237].

ции, статья 3 которой гласит, что единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. В данном случае под источником понимается именно субъект, коллективный субъект, который обладает исключительным правом делегировать властные полномочия иным субъектам.

Из сказано следует, что понятие «источник права» не имеет самостоятельного значения, отличного от других существующих в юридической науке базовых категорий. В этой связи вполне обоснованной представляется точка зрения тех авторов, которые рассматривают форму и источник права как понятия тождественные, следуя укоренившейся в отраслевой учебной и научной литературе традиции использовать именно понятие «источники права», понимая под ними формы выражения правовых норм [6, с. 167].

Определившись по данному концептуальному вопросу, необходимо ответить и на другой вопрос: в чем именно заключается специфика источников бюджетного права, какие задачи стоят перед исследователем, кроме механического перечисления существующих источников и поиска в них бюджетно-правых норм?

Ответ на этот вопрос напрямую связан с разграничением форм права на внешнюю и внутреннюю.

В отношении правовой системы государства внешние формы права едины, и их сущностная определенность не может зависеть от той или иной правовой отрасли. Например, если признавать источником российского права решения Конституционного суда Российской Федерации (независимо от отношения к этому суждению), то такое признание будет равнозначным для всех правовых отраслей: нельзя, например, считать соответствующие решения источником трудового права и отрицать у них это свойство применительно к бюджетному праву. Можно лишь говорить о доле присутствия того или иного источника в конкретной отрасли права: в частности, юридический обычай, широко распространенный в гражданском праве, в отраслях российского публичного права, включая бюджетное, присутствует в минимальной доле или вообще отсутствует.

Вместе с тем вопрос об источниках права имеет несколько уровней детализации. Например, констатируя очевидный тезис о том, что источником права являются нормативные правовые акты, в рамках каждой отдельно взятой отрасли права возникает необходимость уточнения, какие именно виды нормативных правовых актов, классифицируемые по различным основаниям, относятся к источникам данной конкретной отрасли права. Если источниками, скажем, гражданского права являются нормативные правовые акты только федерально-

го уровня, то источниками бюджетного права будут являться акты, принимаемые на всех уровнях публичной власти. В случае с нормативными договорами (соглашениями) возникает вопрос о сочетании международных и внутригосударственных договоров (соглашений) в системе источников конкретной правовой отрасли.

Невозможно и методологически неверно рассматривать источники бюджетного права в отрыве от их первоосновы — бюджетных правоотношений, которые лежат в основе предметной определенности бюджетно-правовых норм и, соответственно, форм их выражения. Научкой финансового права выработано понятие, которое позволяет максимально полно отразить специфику, границы и все существенные аспекты предмета и содержания финансово-правового регулирования. Это понятие — финансовая деятельность. Ее разновидность — бюджетная деятельность, понятие которой впервые было введено в научный оборот и исследовано Ю. А. Крохиной в монографии «Бюджетное право и российский федерализм» (М., 2001).

До этого предмет бюджетного права в отечественной финансово-правовой литературе определялся и раскрывался преимущественно через категорию «отношений», как особая группа общественных отношений, возникающих в рамках финансовой деятельности государства. Так, по определению М. И. Пискотина, нормы бюджетного права регулируют специфическую область отношений, складывающихся в процессе финансовой деятельности государства, а именно отношения, связанные с образованием и использованием общегосударственного фонда денежных средств, каким является бюджет [22, с. 50].

Главная особенность бюджетной деятельности заключается в ее плановой основе, и это является определяющим отличием методов и форм ее осуществления и правового регулирования. Кроме бюджета, который представляет собой публичный финансовый план, в систему бюджетного планирования встроены также программно-целевые акты (прежде всего, государственные и муниципальные программы), которые связывают бюджетные средства с результатами их использования.

Акты бюджетного планирования являются разновидностью плановых актов, специфика регулятивных свойств которых существенно отличает их от других форм выражения права. По этой причине вопрос о юридической природе плановых актов долгое время являлся предметом оживленной дискуссии в литературе. Практически все работы по данной тематике были написаны в эпоху советского государства и права, когда планы имели всеобъемлющее значение и проблема определения их места в системе социальных регулято-

ров имело принципиальное значение. Однако результаты этих исследований актуальны и сегодня, с учетом усиливающейся роли программно-целевых механизмов управления в целом и программно-целевого бюджетного планирования, в частности.

Точки зрения, высказанные в ходе дискуссии, можно подразделить на четыре группы.

Первая точка зрения построена на отрицании наличия у плановых актов какого-либо юридического содержания. Ее сторонники (К. Архипов [4, с. 32], А. И. Елистратов [12, с. 29], А. С. Гордон [11, с. 79–82], Е. Б. Пашуканис [21, с. 80–83] и другие) противопоставляли план как форму нового, предельно конкретизированного, технического регулирования общественных отношений в социалистическом обществе, праву как абстрактной форме регулирования отношений в буржуазном обществе. В этой позиции было сильно выражено идеологическое начало, отмечалось, что планирование преодолевает (т.е. ставит себе целью преодолеть) товарную форму и правовую форму общественных отношений производства, замещая правовую норму технико-организационной и стремясь к совпадению сущности экономических процессов с формой их проявления [11, с. 79]. Приводились и другие аргументы: например, по мнению В. П. Шкредова, плановые директивы очень часто изменяются и по этой причине не содержат в себе признаков, характерных для правовых норм [24, с. 86–88].

Вторая точка зрения противоположна первой и основана на признании плановых актов разновидностью нормативных правовых актов, а плановых норм — соответственно разновидностью норм права (Н. Г. Александров [1, с. 200], С. М. Берцинский [5, с. 114–116], А. В. Мицкевич [19, с. 163–170], С. Н. Соловьев [8, с. 92–104], А. Ф. Шебанов [23, с. 118–120], С. А. Голунский [10, с. 22–26], Г. И. Хайдас [25, с. 42] и другие). При этом большинством ученых, разделявших данную позицию, отмечалось, что главная особенность плановых норм («норм-заданий», «норм-задач») заключается в способе регулирования общественных отношений — указании на запланированный результат и средства его достижения. На этом основании некоторые ученые предлагали даже изменить традиционное представление о правовой норме [10, с. 23].

Согласно третьей точке зрения плановые акты являются актами применения права. Наиболее полно данная позиция выражена в трудах С. С. Алексеева [2, с. 103, с. 155–156; 3, с. 165–212].

Четвертая точка зрения объединяет мнения, в соответствии с которыми планы обладают правовым характером, но являются правовыми актами особого рода,

не относясь ни к нормативным, ни к правоприменительным актам. Так, О.Е. Кутафин определяет экономико-социальные планы как форму конкретизации правовых норм [17, с. 93]. По мнению А.Ф. Ноздрачева планы являются специфическими правовыми актами, существо которых составляют плановые задания, имеющие правовую форму выражения в виде плановых показателей [20, с. 19–25]. А.К. Кравцов, автор специального монографического исследования, посвященного соотношению планов и права, также рассматривает планы в качестве равноценной, наряду с нормами, составной части права (им предложена формула: «Право = план + нормы») [14, с. 102].

В действительности, в любой правовой норме выражена цель — обеспечить желаемый режим функционирования общественных отношений. Например, норма статьи 41 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений, имеет целью обеспечить сохранность здоровья населения России.

В плановой норме цель обретает количественно или качественно измеряемое выражение с указанием времени, необходимого для его достижения. Например, предусматривается выход на определенный норматив обеспеченности населения лечебно-профилактическими учреждениями и врачами определенных специальностей, уровень обеспечения учреждений медицинским оборудованием и подготовки кадров для работы на этом оборудовании и т.д.

Убедительна точка зрения тех авторов, которые указывают на особую, сложную конструкцию плановых норм. Бюджетная программно-целевая норма не только фиксирует цель деятельности государственных органов или органов местного самоуправления, но и связывает достижение данной цели с определенным объемом и направлениями бюджетного финансирования. Причем цель и финансы в данной норме не делимы: без финансов цель недостижима и, наоборот, финансы имеют смысл только как средство достижения цели.

Плановые нормы, как правило, конкретизируют, развивают положения «неплановых» норм законодательства. Однако это, а также особая конструкция плановых норм не являются достаточным основанием для вывода о ненормативности плановой нормы и отнесения планов к особой форме существования права. В теории права признается наличие, наряду с общими правовыми нормами, специальных правовых норм, к числу которых и следует относить плановые нормы. Последние в свою очередь также могут иметь различную степень детализации, соотносясь друг с другом как общие и специальные.

Признание наличия у плановой нормы признаков юридической нормы обуславливает определенные требования к изложению содержания такой нормы, использование юридических терминов и конструкций, позволяющих в полной мере раскрыть потенциал планирования, в том числе программно-целевого, как метода бюджетной деятельности.

Сказанное определяет значительную специфику не только внешней, но и внутренней стороны источников бюджетного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961. — 271 с.
2. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. — 187 с.
3. Алексеев С. С. Проблемы теории права. Т. 1. Свердловск, 1972. — 396 с.
4. Архипов К. Компетенция Союза СССР в области планирования // Советское строительство. 1929. № 10. С. 32–34.
5. Берцинский С. М. Советская административно-правовая норма планового организационного руководства // Советское государство и право. 1965. № 1. С. 113–117.
6. Васильев А. М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М. 1976. — 287 с.
7. Васильева Т. А. Понятие и значение источника права // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2010. № 73. С. 37–44.
8. Вопросы советского административного и финансового права. М., 1952. — 216 с.
9. Гегель Г. В.Ф. Энциклопедия философских наук. Наука логики (Т. 1). — М.: Мысль, 1974. — 472 с.
10. Голунский С. А. К вопросу о понятии правовой нормы в социалистическом праве // Советское государство и право. 1961. № 4. С. 21–36.
11. Гордон А. С. Введение в планирование народного хозяйства. М., 1969. — 112 с.
12. Елистратов А. И. Административное право. М., 1929. — 336 с.
13. Конституционное право: университетский курс: Учебник в 2 томах / С. В. Арбузов, Т. В. Бережная, И. А. Володько и др.; под ред. А. И. Казанника, А. Н. Костюкова. М.: Проспект, 2015. Т. 1. — 432 с.
14. Кравцов А. К. План и право: (Правовой аспект централизованного планирования социалистического государственного производства). Воронеж, 1976. — 156 с.

15. Крохина Ю. А. Бюджетное право и российский федерализм. М., 2001—352 с.
16. Кузнецова М. В. Понятие и сущность источников права // История государства и права. 2014. №12. С. 15–18.
17. Кутафин О. Е. Плановая деятельность Советского государства: (Государственно-правовой аспект). — 239 с.
18. Михайловский И. В. Очерки философии права. Т. 1. — Томск, 1914. — 357 с.
19. Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства. М., 1967. — 175 с.
20. Ноздрачев А. Ф. Государственное планирование и правовое регулирование. — 192 с.
21. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. М., 1928. — 128 с.
22. Пискотин М. И. Советское бюджетное право. М. 1971. — 412 с.
23. Шебанов А. Ф. Форма советского права. М., 1968. — 215 с.
24. Шкредов В. П. Экономика и право. М., 1967. — 189 с.
25. Хайдас Г. И. К вопросу о правовой природе государственных народнохозяйственных планов // Советское государство и право. 1961. № 1. С. 37–46.

© Николашвили Картлос Ираклиевич (libra-92@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМАТИКИ НОРМ ОБ ИСПОЛНЕНИИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ (МУНИЦИПАЛЬНОМУ) КОНТРАКТУ

Парфенюк Наталья Валерьевна
Аспирант, Тюменский государственный
университет, Тюмень
parn_2012@mail.ru

FEATURES THE TAXONOMY OF NORMS ON THE ENFORCEMENT OF OBLIGATIONS UNDER THE STATE (MUNICIPAL) CONTRACT

N. Parfenyuk

Summary. In the article, the author addresses the issue of General and special rules governing the relations of the parties in the performance of obligations under the state contract. Drawing attention to the priority of special rules contained in the Federal'nom zakone ot 05.04.2013 № 44-FZ «O kontraktnoy sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd» (Federal law of 05.04.2013 № 44-FZ «On the contract system in the procurement of goods, works and services for state and municipal needs») the author raises theoretical and practical problems related to the systematics of special rules on the performance of obligations under the state contract. Investigating these problems, the author comes to the conclusion that the provisions of the Law on the contract system, providing for special rules for the conclusion and execution of public contracts, extended its regulation to the sphere of public relations, which has traditionally been the sphere of regulation of the civil code, and therefore there is a situation in which the special rules of the Law on the contract system, designed to specify the General rules actually change them.

Keywords: state contract, the state, the state customer, the contract system, performance of obligations, special rules, General rules, special types of contracts.

Аннотация. В статье анализируются общие и специальные нормы, регулирующие отношения сторон при исполнении обязательств по государственному контракту. Обращая внимание на приоритетность специальных норм, сконцентрированных в Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», автор поднимает проблемы, относящиеся к систематике специальных норм об исполнении обязательств по государственному контракту. Исследуя их, автор приходит к выводу, что нормы Закона о контрактной системе, предусматривающие специальные правила заключения и исполнения государственных контрактов, распространили свое регулирование на ту сферу общественных отношений, которая традиционно являлась сферой регулирования ГК РФ, в связи чем наблюдается ситуация, при которой специальные нормы Закона о контрактной системе, призванные конкретизировать общие нормы, в действительности изменяют их.

Ключевые слова: государственный контракт, государство, государственный заказчик, контрактная система, исполнение обязательств, специальные нормы, общие нормы, специальные договорные конструкции.

Современный гражданский оборот невозможно представить без участия в нем различных субъектов. Участвуя в обязательственных правоотношениях, эти лица наделены конкретным правовым статусом, а юридическая цель данного вида отношений четко определена: передача имущества, выполнение работ, оказание услуг и т.п. Перечень юридических целей не исчерпывающий и предполагает наличие у участников правовых связей, влияющих на порядок исполнения договорных обязательств. Все эти цели, особенности деятельности по исполнению обязательств содержатся в нормах специального законодательства, к нормам которого относится и Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] (далее — Закон о контрактной системе).

Вопрос об особенностях исполнения государственных контрактов — один из ключевых в системе отношений в сфере государственных закупок. На первый взгляд ничего необычного здесь нет: есть общая норма Гражданского кодекса России (далее — ГК РФ) [2], предусматривающая принятие специального законодательства по вопросам приобретения товаров, работ, услуг для государства; есть специальное законодательство о таких закупках и негласное правило о приоритете специальных норм над общими. Конечно, не исключено столкновение норм общих и специальных, в связи с чем в ГК РФ для преодоления возникающих коллизий предусмотрено обращение к общим началам гражданского законодательства. Но последствия общепринятого соотношения норм общих и специальных в проблематике контрактных отношений оказываются шире и выра-

жаются в подрыве классической теории о государстве как участнике гражданского правоотношения. Этот вывод мы сделали при сопоставлении норм главы 21 ГК РФ об исполнении обязательств, возникающих из общих норм, регулирующих порядок заключения, исполнения и прекращения договоров, со специальными нормами законодательства о контрактной системе в сфере закупок, регулирующих отдельные элементы исполнения государственных контрактов.

Традиционное определение обязательства, данное впервые Д.И. Мейером и развитое в советском правоведении М.М. Агарковым и О.С. Иоффе, характеризует его как правоотношение, где одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие (передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т.п.) либо воздержаться от такого действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности. Такая модель одностороннего обязательства представлена в ст. 307 ГК РФ, но в реальном имущественном обороте чаще используются более сложные конструкции: как на стороне должника, так и на стороне кредитора могут выступать несколько лиц; в большинстве своем преобладают синаллагаматические обязательства — когда обе стороны выступают одновременно в качестве должника и кредитора в рамках одного обязательства.

Кроме того, в обязательстве всегда есть один кредитор и один должник, есть предмет обязательства; исполнение происходит во времени и в пространстве; они могут не исполняться, в связи с чем усиливается значение обеспечения исполнения и ответственность за их неисполнение или ненадлежащее исполнение; в обязательствах могут изменяться лица; они прекращаются надлежащим исполнением, но могут прекратиться и по другим основаниям. Эти сходства, характерные для всех обязательственных отношений, позволяют законодателю сформулировать общие правила, применимые к обязательствам, независимо от основания их возникновения. Поиск нормы, применимой к тому или иному обязательству, в силу ст. 307.1 ГК РФ, производится от нормы специальной нормы к норме общей. В связи с этим «систему норм ГК РФ можно образно представить себе в виде трапеции, где в основании сосредоточены более специальные нормы, а по мере продвижения вверх нормы становятся все более общими, при этом вершина знаменуется принципами гражданского права» [10, С. 21].

Согласно ст. 307.1 ГК РФ к обязательствам, возникающим из договора, общие положения об обязательствах применяются только в том случае, если иное не предусмотрено правилами об отдельных видах договоров, содержащихся в ГК РФ и иных законах. Иными словами,

в обязательственных правоотношениях, возникающих из договора, специальные нормы имеют приоритет над общими нормами. Общие нормы при наличии специальных выглядят вторичными, являясь при этом конгруэнтными (совпадающими). При этом специальная норма не исключает действие общей: она делает изъятие, ограничивая при этом объем общей нормы и сферу регулирования.

Сущность обязательства состоит в достижении материального блага одним лицом за счет действий (реже бездействий) другого лица. Вера кредитора в желаемый результат для себя за счет чужих действий предопределила особенности регламентации правил об обязательствах. В первую очередь они посвящены жесткой регламентации действий обязанного лица, в их числе нормы о презумпции процентного характера денежных обязательств (ст. 317.1 ГК РФ) и т.п. Законодатель предусмотрел неизвестные ранее правила о межкредиторском соглашении (ст. 309.1 ГК РФ), об иждивении должника (ст. 309.2 ГК РФ), о сроках исполнения обязательства в случае, если сроки исполнения обязательства оказались не установленными (ст. 314 ГК РФ), о порядке погашения требований по однородным обязательствам (ст. 319.1 ГК РФ), о потестативных условиях обязательства и его встречном исполнении (ст. 327.1 ГК РФ). Применительно к ответственности за нарушение обязательств в нормах ГК РФ впервые установлена презумпция возмещения должником кредитору убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, независимо от использования кредитором иных способов защиты нарушенных прав (абз. 2 п. 1 ст. 393 ГК РФ).

В нормах Закона о контрактной системе используются специальные правовые конструкции, регулирующие лишь отдельные аспекты установления и исполнения сторонами обязательств, возникающих из государственных контрактов. Специальные правовые конструкции — это предусмотренные законом особые правила распределения прав и обязанностей в сравнении их с базовой договорной моделью, меняющие при этом баланс таких прав и обязанностей или устанавливающие преимущество в пользу одного из участников правоотношений или предусматривающие особый порядок заключения и исполнения обязательств, возникающих из договора. Такие правовые конструкции договорами не являются, однако могут применяться к большинству договорных отношений, закреплённых в ГК РФ. Специальные (договорные) конструкции в Законе о контрактной системе — это юридические приемы, способы, используемые в отношении государственных контрактов.

В Законе о контрактной системе (ст. 95) закреплён комплекс мер, которые являются обязательными при

исполнении договора. Соответствующий базовый договор (к примеру, возмездного оказания услуг) в силу этих условий не меняет своих квалифицирующих характеристик, подчиняясь соответственно нормам глав 30 или 39 ГК РФ, однако к нему дополнительно применяются специальные правила Закона о контрактной системе. Специальные договорные конструкции способны влиять на обязательства, вытекающие из государственных контрактов, но они не меняют их существа (само законодательно установленное словосочетание «государственный контракт» указывает не на новый вид договора, а на особенности его заключения: от лица определенных субъектов; направленность на определенные цели). И, тем не менее, проблема все же существует, ведь нормы Закона о контрактной системе, предусматривающие специальные правила заключения и исполнения контрактов, распространили свое регулирование на ту сферу общественных отношений, которая традиционно являлась сферой регулирования ГК РФ.

Согласно вводной статье в подразд. 1 разд. III ГК РФ «Общие положения об обязательствах», именуемой «Понятие обязательства» (ст. 307), структура и содержание всего подраздела предопределяют сущность обязательственного отношения и его динамику. Это та базовая идея, которая обеспечивает существующую систематику общих норм об обязательствах. При этом попытка сконструировать границы и условия осуществления обязательственных прав предпринята законодателем в п. 3 ст. 307 ГК РФ: «при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию». Вместе с тем, из этой нормы явно не удается определить границы реализации обязательственных прав — следовательно, специальным законом может быть отменено требование учета прав и законных интересов сторон и т.д.

Контрактная система охватывает различные по своей природе отношения, но применительно к общей цели — закупке товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд, их ядро образует обязательство, основанное на нормах гражданского права. Можно сделать вывод, что систематизация норм о гражданско-правовых обязательствах должна быть закреплена не в Законе о контрактной системе, а исключительно в ГК РФ. Из буквального толкования норм Закона о контрактной системе следует, что для экономистов — составителей этого документа, задача выделения и последовательного расположения норм об обязательствах, а также иных правовых норм разной отраслевой принадлежности, оказалась технически неразрешимой. Полагаем,

что в Законе о контрактной системе следует закрепить не гражданско-правовые нормы об обязательствах при заключении и исполнении государственных контрактов, а нормы, касающиеся системной организации процесса осуществления закупок, в основу которых должны быть положены этапы осуществления закупочного процесса, формируемые под влиянием организационных начал. Еще одним решением этой проблемы может стать изменение содержания Закона о контрактной системе в части закрепления исполнения обязательств сторонами отношений с учетом метода систематики норм, заключающегося в объединении норм об обязательствах в специальном акте без изменения их содержания через инкорпорацию [12, С. 164–165].

Наша позиция обусловлена тем, что обязательственные отношения являются отношениями имущественно-стоимостными и однородными, вследствие чего они подпадают под действие гражданско-правовых норм, которые и так уже закреплены в ГК РФ. Принятие Закона о контрактной системе с положениями об особенностях регулирования отдельных вопросов исполнения обязательств привело к тому, что концепция кодификации гражданского законодательства, основа которой — комплексность, полнота правового материала, расположенного в ГК РФ с учетом систематики, его фундаментальность, стабильность регулирования и сведения издания различных подзаконных актов к минимуму, — была нарушена. Вместе с тем, нормы об обязательствах, закрепленные в Законе о контрактной системе, как положения специального законодательства соотносятся с нормами гражданского права (общего частного права) как *lex specialis* и *lex generalis*, т.е. отношения в сфере контрактной системы при отсутствии специальных предписаний регулируются общими положениями гражданского права. Примечательно, что к концу 2019 года Министерство экономического развития поставило цель упростить отдельные положения Закона о контрактной системе, однако эти упрощения не касаются вопросов исполнения обязательств сторонами. Так, 18 апреля 2019 года Государственная дума уже приняла поправки к Закону о контрактной системе в третьем чтении. Такие поправки направлены на упрощение процедуры планирования закупок, увеличение начальной цены контракта, заключение с единственным поставщиком, упрощение процедуры заключения контрактов по отдельным предметам закупок. Однако вопросы исполнения обязательств сторонами в новых поправках к Закону о контрактной системе не нашли своего разрешения [13].

Специфичность отношений, возникающих из государственного контракта после его заключения, проявляется в том, что они представляют собой такой тип правоотношений, который осложнен публичным началом в виде сочетания частноправовых и администра-

тивно-правовых элементов. Вследствие этого принцип автономии воли субъектов правоотношения, присущий сторонам договора, действует в «усеченном» виде: сторона, вступающая с государством в договорные отношения в сфере закупок, лишена возможности формировать условия договора в соответствии со ст. 432 ГК РФ: государственный заказчик самостоятельно формирует все условия государственного контракта, которые, в соответствии с Законом о контрактной системе, являются существенными.

В рассматриваемых правоотношениях не проявляется в полной мере и другой принцип — принцип равенства участников гражданского правоотношения. Государство, устанавливающее пределы реализации принципа равноправия участников отношений, в необходимых случаях не уравнивает свои права в соответствии с правами других участников отношений. Так, буквальное толкование норм Закона о контрактной системе позволяет констатировать некоторые пределы реализации принципа равноправия участников гражданских отношений, предоставляя государственному заказчику ряд правомочий самостоятельно определять: способ заключения контракта (ст. ст. 24, 48, 59, 72, 83 Закона о контрактной системе); контрагента, в том числе посредством установления дополнительных требований к участнику закупки (ст. 31 Закона о контрактной системе); перечень договорных условий (п. 1 ч. 1 ст. 33, ч. 11 ст. 34 Закона о контрактной системе); срок заключения государственных контрактов; способ и размер обеспечения исполнения контракта (ч. 14 ст. 44, ч. ч. 3, 6 ст. 96 Закона о контрактной системе). Кроме того, ст. 46 Закона о контрактной системе установлен запрет на проведение переговоров с участником закупки до выявления победителя закупки. Также в Законе о контрактной системе не идет речь и о балансе интересов сторон, поскольку, по сути, законодательство представляет в этом плане приоритеты интересам государственных заказчиков.

Из сказанного вытекает более глобальная проблема — проблема исполнения обязательств, возникающих из обязательства, осложненного административными элементами (государственного контракта), которое с частноправовой точки зрения является несовершенным. Закрепленные в ст. 307 ГК РФ общие правила об обязательствах предусматривают, что они должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, с одной стороны, с другой стороны, — эффективные частноправовые саморегулирующие элементы, необходимые на начальной стадии возникновения контактных отношений, практически отсутствуют, что порождает проблему исполнения обязательств со стороны государственного заказчика в той части, где он выступает должником. К примеру, к вопросам исполнения обязательств госу-

дарства по государственному контракту в соответствии со ст. 94 Закона о контрактной системе относится комплекс мер, связанных с вопросами приемки, оплаты поставленного товара, выполненных работ (оказанных услуг), вопросами взаимодействия государственного заказчика с поставщиком (подрядчиком, исполнителем) при исполнении, изменении, расторжении контракта, применении государственным заказчиком мер ответственности к поставщику (подрядчику, исполнителю) при неисполнении условий контракта и др. Общая же догматика гражданско-правового обязательства такова (по ГК РФ): общие представления о гражданско-правовом обязательстве (гл. 21.); исполнение обязательства (гл. 22); обеспечение исполнения обязательств (иначе — укрепление кредиторских прав) (гл. 23); перемена лиц в обязательстве (гл. 24); ответственность за нарушение обязательств (гл. 25); прекращение обязательств (гл. 26). Как видим, в каждой главе присутствует своя идея, но «сквозной» из них является общая — обязательства должны исполняться надлежащим образом.

Если сравнивать статьи 308–329 главы 22 ГК РФ (исполнение обязательства) со статьей 94 Закона о контрактной системе, а также статьями, устанавливающими правила исполнения государственных контрактов, то можно сделать вывод, что Закон о контрактной системе помимо общих норм, связанных с исполнением договоров (приемки и оплаты), включает в себя нормы, регулирующие порядок расторжения контракта. Иными словами, согласно нормам Закона о контрактной системе вопросы прекращения обязательства (путем расторжения договора) относятся к вопросам его исполнения. В итоге нормы, по существу, оказываются направленными не на взаимодействие сторон при исполнении контрактов. Подобная систематика специальных норм нелогична, так как разрушает последовательный шаблон необходимых этапов жизненного цикла установленного и существующего обязательства. Аналогично сформулированы и правила об изменении государственного контракта, которые, по существу, направлены на изменение отдельных условий обязательства, а не на его исполнение, даже если такие изменения осуществляются в рамках исполнения государственного контракта.

Специальные правила установлены в Законе о контрактной системе и в отношении обеспечения исполнения контракта. Закон о контрактной системе в качестве обеспечения исполнения обязательства допускает только банковскую гарантию, содержание которой ограничено по сравнению с общими нормами о независимой гарантии, установленными в гл. 23 ГК РФ, а также обеспечительный платеж. Согласно ч. 2 ст. 45 Закона о контрактной системе, банковская гарантия является безотзывной и должна содержать сумму банковской гарантии, подлежащую уплате гарантом заказчику в случае ненад-

лежащего исполнения обязательств принципалом в соответствии со статьей 96 Закона о контрактной системе. Исходя из буквального толкования этой нормы, размер обеспечения исполнения контракта должен быть равен сумме гарантии и составлять от 5 до 30 процентов начальной (максимальной) цены контракта, указанной в извещении об осуществлении закупки. То есть сумма гарантии, подлежащая уплате гарантом заказчику, обеспечивает исключительно ненадлежащее исполнение обязательств поставщика (подрядчика, исполнителя) по контракту, и не включает в себя ответственность гаранта. Кроме того, согласно ч. 2 ст. 45 Закона о контрактной системе, банковская гарантия должна содержать обязанность гаранта уплатить заказчику неустойку (штраф или пени) в размере 0,1 процента денежной суммы, подлежащей уплате, за каждый день просрочки. То есть обязанность оплатить неустойку за неисполнение требования по уплате суммы по банковской гарантии является самостоятельной ответственностью гаранта перед бенефициаром и не включается в сумму гарантии, в то время как по правилам ч. 2 ст. 377 ГК РФ ответственность гаранта может включаться в сумму гарантии.

В этой связи возникает другой закономерный практический вопрос: может ли заказчик отказаться принимать банковскую гарантию, если в сумму гарантии включена ответственность гаранта? Если принимать во внимание закрытый перечень оснований для отказа, предусмотренный в ч. 6 ст. 45 Закона о контрактной системе, а также нормы статьи 96 Закона о контрактной системе, устанавливающей особенности предоставления обеспечения исполнения контракта, ответ на поставленный вопрос будет положительным. Однако все сказанное никак не согласуется с общими нормами ст. 377 ГК РФ о независимой гарантии, и в этом проявляется еще одна нерешенная законодателем проблема — Закон о контрактной системе ограничивает основания для принятия заказчиком банковской гарантии и не содержит указания на то, что банковская гарантия должна соответствовать общим требованиям гражданского законодательства. Противоречие специальных норм общим нормам не согласуется с их основным предназначением — конкретизацией общих норм, а не их изменением. Для восполнения этого пробела заказчики включают в документацию о закупке общие правила ГК РФ о независимых гарантиях. Следовательно, можно точно проследить, как специальные договорные конструкции, предусмотренные Законом о контрактной системе, в их сравнении с общими правилами ГК РФ, меняют баланс прав и обязанностей сторон, а также устанавливают преимущества в пользу государственного заказчика в данных правоотношениях.

Что касается ответственности сторон обязательства, то даже несмотря на то, что она установлена контрактом,

по своей сути это лишь мера ответственности за нарушение обязательств, вытекающих из контракта, являющаяся по общим нормам самостоятельным гражданско-правовым институтом. С другой стороны, в судебной практике обязанность уплатить неустойку за нарушение обязательств рассматривается в качестве одного из обязательств сторон, предусмотренных договором [5,7]. Включение Законом о контрактной системе норм о расторжении государственного контракта в структуру норм об исполнении обязательств по контракту, на наш взгляд, обусловлено тем, что Закон о контрактной системе наделяет государственного заказчика не только правом расторгнуть контракт в одностороннем порядке на основаниях, предусмотренных ГК РФ (ст. 95 Закона о контрактной системе), но и предусматривает отдельные случаи, при которых расторжение контракта является обязанностью государственного заказчика при его исполнении. Среди таких случаев, например, несоответствие поставщика (подрядчика, исполнителя) и (или) поставляемого товара требованиям, установленным извещением об осуществлении закупки, документацией о закупке.

Так или иначе, в настоящий момент ситуация складывается таким образом, что исполнение обязательств по государственному контракту со стороны государственного заказчика охватывает собой любые действия, совершаемые им в рамках исполнения контракта, в том числе и применение к контрагенту по контракту мер ответственности и иных способов воздействия, реализуемых после заключения контракта и направленных на достижение целей осуществления закупки путем взаимодействия заказчика с поставщиком (подрядчиком, исполнителем). По этой причине проблемы исполнения обязательств государства по государственным контрактам не ограничиваются общими гражданско-правовыми проблемами исполнения обязательств.

Одним из непростых по причине своей неоднозначности является вопрос об осуществлении государственным заказчиком оплаты за поставленные товары, выполненные работы, оказанные услуги. В рамках контрактной системы в сфере закупок эта проблема носит еще и управленческий характер. Так, осуществление оплаты поставленных товаров, выполненных работ, оказанных услуг по государственному контракту поставлено в зависимость от порядка исполнения обязательств по оплате, содержащихся в самом контракте.

Как справедливо отмечают по этому поводу П. Андреев и М. Ненашев «специфика контрактной системы, обусловленная публично-правовым статусом заказчика, превращает его право не принимать и не оплачивать исполнение государственного контракта по частям в обязанность: порядок приемки и оплаты работ отно-

сятся к существенным условиям контракта, изменение которых не допускает» [8, С. 37–42]. Иными словами, если государственный контракт предусматривает возможность достижения цели закупки путем сдачи промежуточных результатов, в рамках которых предусматривается поэтапная оплата товаров, работ, услуг, то при разрешении споров возможно будет взыскать оплату за частично выполненные работы, поставленные товары, оказанные услуги. В случае, если государственный контракт не содержит указаний на этапы выполнения работ и не предусматривает возможность сдачи промежуточных результатов, то исполнение государством обязательств по оплате пропорционально исполненному обязательству практически невозможно. Государственный заказчик всегда будет доказывать, что достижение цели закупки путем взаимодействия заказчика с поставщиком (подрядчиком, исполнителем) на этапе исполнения контракта возможно только при сдаче результата работ в целом, и отказывать в исполнении обязательств по оплате ввиду неисполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) основного обязательства, предусмотренного контрактом (сдаче результата работ в целом). Именно поэтому проблема исполнения обязательств по оплате в большей степени носит управленческий, нежели гражданско-правовой характер.

Грамотное содержание государственного контракта с точки зрения права — обязанность административно ответственных лиц по его подготовке в силу принципа нерушимости условий договора «*pacta sunt servanda*». Проецируя сказанное в правовую плоскость исполнения договоров, заключенных в рамках Закона о контрактной системе, это означает: так или иначе, но договор должен исполняться на согласованных условиях, даже если исполнение одной из сторон условий договора окажется обременительным. Однако споры, связанные с неисполнением обязательств по контракту со стороны государственного заказчика из-за отсутствия у него заинтересованности в результате выполнения работ (оказания услуг) и невозможность оплаты уже исполненного по обязательству ввиду отсутствия возможности определить стоимость исполненного обязательства на практике возникают часто, что обусловлено порядком расторжения государственных контрактов.

Учеными высказывается и противоположная точка зрения. Р. А. Назаров отмечает, что заказчик в любом случае обязан оплатить фактически выполненные по контракту подрядчиком работы, так как «гражданско-правовые отношения носят взаимный и эквивалентный характер. Было бы нарушением принципов гражданского права, если бы заказчик оплатил менее предоставленного ему» [9]. В качестве примера автор ссылается на Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 мая 2014 года № 19371/13 [6]. Однако в этом

документе речь идет об отношениях государственного заказчика и подрядчика по государственному контракту, заключенному в рамках Федерального закона от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [3], на смену которому пришел Закон о контрактной системе, содержащий принципиально иные правила исполнения сторонами обязательств, вытекающих из государственного контракта. Действительно, в случае приемки заказчиком работ в отсутствие прописанных в контракте этапов приемки у заказчика возникает обязанность их оплаты, но правоприменительная практика идет по пути того, что заказчик обязан оплатить принятые работы даже в отсутствие самого контракта [4]. Здесь возникает вопрос: если заказчиком работы не приняты, и он реализует комплекс мер, направленных на расторжение контракта, а в самом контракте порядок поэтапного исполнения контракта не урегулирован? При отсутствии закрепления этапности выполнения работ у заказчика нет оснований принимать их, даже если они исполнены в части — он не сможет выделить объем работ из общего и определить их стоимость. Любое изменение, вносимое в государственный контракт в части корректировки объема работ, выделения отдельных работ из общего объема, а также выделение стоимости таких работ будет расцениваться как изменение существенных условий, что, по общему правилу, недопустимо. Случаи возможности изменения существенных условий контрактов закреплены в ст. 95 Закона о контрактной системе, но рассматриваемая ситуация к ним не относится. К тому же, если результат не был принят или истребован заказчиком и его потребительская ценность не доказана, подрядчик не вправе не только получить стоимость выполненных работ, но и компенсировать произведенные затраты (ст. 729 ГК РФ).

Сегодня ответа на поставленный автором вопрос не существует. Так или иначе, все будет упираться в замкнутый круг императивности норм Закона о контрактной системе о существенных условиях контракта при его заключении, как следствие отсутствие возможности у поставщика (подрядчика, исполнителя) согласования условий контракта в рамках ст. 432 ГК РФ, при наличии проблем управленческого характера, проблем исполнения обязательств по оплате в связи с невозможностью ее осуществления.

Решение проблемы исполнения обязательств по оплате государством частично исполненного поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства по государственному контракту возможно не только путем грамотно составленного содержания государственного контракта за счет включения поэтапной оплаты работ, но и посредством внесения в дей-

ствующее законодательство о контрактной системе поправок, устанавливающих императивные требования об обязательном включении в условия государственных контрактов по отдельным видам работ (услуг) этапов их исполнения. В законодательстве необходимо закрепить следующие правила: если в государствен-

ном контракте нет этапов исполнения или они выполняются последовательно, то подлежащие оплате суммы по частично исполненному обязательству необходимо определять как разницу между ценой контракта и стоимостью поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (ч. 1). Ст. 3105 (утратил силу).
4. Определение ВС РФ от 21 января 2015 г. № 308-ЭС14–2538 по делу № А77–602/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Президиума ВАС РФ от 12.11.2013 № 8171/13 по делу № А41–19033/2012 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 4.
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 13.05.2014 № 19371/13 по делу № А45–27060/2012 // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 9.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. 2016.
8. Андреев П. Г., Ненашев М. М. Оплата частично выполненных работ по государственному контракту // Право и экономика. 2017. № 1. С. 37–42.
9. Назаров Р. А. Шпаргалка по госзакупкам // Р. А. Назаров. М.: Юстицинформ, 2016. 172 с.
10. Сарбаш С. В. Элементарная догматика обязательств: Учебное пособие / Исслед. центр. частн. права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, Рос. школа частн. права. М.: Статут, 2016. 336 с.
11. Хохлов В. А. Общие положения об обязательствах: учебное пособие. М.: Статут, 2015. 288 с.
12. Яковлев В. Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики). М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. С. 164–165.
13. Проект Федерального закона № 682010–7 от 18.04.2019 г. О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс».

© Парфенюк Наталья Валерьевна (parn_2012@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тюменский государственный университет

ПОЗИТИВИСТСКИЙ ПОДХОД К ОСМЫСЛЕНИЮ ПРИНЦИПОВ ПРАВА

POSITIVIST APPROACH TO UNDERSTANDING THE PRINCIPLES OF LAW

**G. Tyschenko
V. Bedenkov**

Summary. This article is devoted to the study of the essence of the principles of Russian law through the positivist research method of legal categories. On the basis of the analysis of the history of the formation of positivism, it is concluded that it is impossible to apply this method completely to the principles of Russian law. Not all principles of law can be settled formally, because the list of them is quite extensive and some of them lay in the field of the people's legal awareness, in the view of the majority of people about the ideal law. And the above-mentioned is not recorded in writing.

Keywords: principles of law, legal category, positivism, lawful thinking, legal awareness.

Тыщенко Глеб Валерьевич
Аспирант, Алтайский государственный
университет
gleb.tyshchenko.2017@mail.ru
Беденков Владимир Владимирович
Старший преподаватель, Алтайский
государственный университет
bedenkov-1989@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется сущность принципов российского права через позитивистский метод исследования правовых категорий. Исходя из анализа истории формирования позитивизма, делается вывод о невозможности его полного применения к принципам российского права. Не все принципы права могут быть закреплены формально, поскольку их перечень достаточно обширен и часть из них находится в плоскости народного правосознания, в представлениях большинства людей об идеальном праве, не зафиксированных в письменной форме.

Ключевые слова: принципы права, правовая категория, позитивизм, правовое мышление, правосознание.

Н и для кого не секрет, что на сегодняшний день в юридической практике происходит всеобщее руководство именно писанными нормативными установками, отход от которых представляется для многих юристов-практиков и правоведов немислимым и бесперспективным. Именно доктрина юридического позитивизма легла печатью на деятельность законодателя и правоприменителя. Не избежали воздействия позитивистских установок многие правовые явления и в том числе и принципы российского права.

Правовой позитивизм стал достаточно популярным направлением в современной практической юриспруденции. Причины этому различны. Одной из них является достаточно долгая история данного течения, существовавшего в трудах мыслителей, ещё и не оформленная в научной форме. Хотя и считается, что позитивистский подход к праву как обоснованное научное направление сложился относительно недавно — лишь в середине XIX столетия, истоки юридического позитивизма можно усмотреть и в достаточно более ранние периоды мировой истории, например, в трудах философов античности и, в частности, Платона. Также приверженность ранним позитивистским установкам можно усмотреть в трудах Николло Макиавелли, Томаса Гоббса, Жана Бодена, Георга Вильгельма Фридриха Гегеля и других известных представителей западноевропейской правовой мысли. Не случайно уже в трудах

Николло Макиавелли можно найти истоки правового позитивизма. Эти истоки, по мнению исследователя, юридического позитивизма А. Н. Бацунова «основываются на идее сильной власти, свободной от моральных норм и обусловленных лишь политической целесообразностью». Так, в трактате автора «Рассуждение о первой декаде Тита Ливия» основывается идея сильного государства, умеющего «обуздывать эгоистическую природу человека, сохранять государственный порядок» [1; с. 132–133]. Н. А. Бацунов отмечал, что идеи Макиавелли имеют под собой метафизическую и этическую основу, и что «он готов дать разумные основания в качестве незыблемого закона, который остановит хаос человеческих страстей и желаний ... Так происходит абсолютизация закона» [1; с. 132–133].

В своем же современном оформлении юридический позитивизм стал основываться в целом на постулатах позитивной философии, которая получила в общественной и научной среде высокую популярность в середине XIX века. В самом общем виде современную характеристику правового позитивизма можно охарактеризовать следующим образом: «Для массового сознания стало характерным убеждение, что у человека нет, и не может быть никаких прав, кроме тех, которые (прямо) предусмотрены в законодательстве, выражающем интересы господствующего класса». «Признавался неограниченный произвол в законотворчестве» [4; с. 12].

В связи с вышеизложенным следует согласиться с позицией некоторых авторов о том, что юридический позитивизм выразился для российской правовой действительности определённым искажением общественного правового сознания, существовавшего ранее, и в котором явным образом было выражено стремление, в первую очередь, оценивать с политико-юридических позиций нравственные и социокультурные явления жизни. Всё это означает, по сути, умаление духовной жизни человека, в которой существовали и существуют такие неотчуждаемые элементы правового статуса как свобода, честь, достоинство личности. Все эти элементы либо отменяются, либо выносятся на периферию правовой жизни. Легальным и, следовательно, «общепризнанным» становится лишь то, что санкционировано правом в его значении писанного нормативно-правового акта, закона. Никакие культурные, исторические, психологические, духовные традиции общества зачастую не имеют при юридическом позитивизме никакого значения. Силу в обществе и государстве получают только право и закон.

Видным представителем позитивистского направления в дореволюционной России был Г.В. Шершеневич. В своей работе «Общая теория права» учёный-правовед признавал за правом его писаную форму. Так, по его мнению, «высшим основным понятием следует, без сомнения, признать понятие о праве, а в связи с его сущностью исследованию подлежат вопросы об образовании права, о нарушении права, о применении права, о создаваемых правом отношениях». Право составляет явление государственной жизни, а потому его понятием может выясниться только на фоне понятия о государстве, которое, в свою очередь, предполагает понятие об обществе». «К этому присоединяется методология юридических и государственных наук». «Философия права не должна подставлять под реальные понятия свои идеальные представления, выдавать за право то, что, по её мнению, должно бы быть правом» [6; с.с. 171–174]. По сути это означало то, что за скобки юридического позитивизма в философии права Г.В. Шершеневича и многих его последователей из прошлого и современности выносилась вся культурно-историческая и духовная реальность, с которой право может быть органически связано.

Таким образом, «позитивистское понимание права, представленное Г.Ф. Шершеневичем, наглядно демонстрирует тенденцию к абсолютизации права, к игнорированию всех остальных духовно-культурных элементов, составляющих контекст самого права» — справедливо отмечает в своей работе А.Н. Бацунов [с. 1; с. 132–133].

В отличие от Г.Ф. Шершеневича, одним из ярких критиков позитивного права и его пагубного односто-

ронного воздействия на общественные отношения был известный дореволюционный правовед П.И. Новгородцев. Так, в своей научной работе «Кризис современного правосознания» он демонстрирует исток того феномена, который называет «апофеозом права». «Апофеозом права» он называет декларацию прав человека 1789 г. и республиканскую конституцию 1849 г. «Эти документы ставили собой цель вывести человечество в более высокое нравственное состояние путём политических и правовых решений». «Все они (решения) исходили из мысли, указывает в своей работе П.И. Новгородцев, что правовое государство имеет достаточно средств, чтобы обеспечить в обществе свободу, равенство и братство, водворить в нём внутреннее согласие и единство, создать среди людей совершенные нравственные отношения» [3; С. 329–339] «Это был своего рода социальный утопизм, полагавший, что посредством права можно решить все социальные задачи» — указывает А.Н. Бацунов.

Следующие высказывания П.И. Новгородцева оказываются актуальными для наших дней, в которых тоже превалирует идея права и правового государства и его критическая оценка: «...правовое государство не есть венец истории, не есть последний идеал нравственной жизни; это не более, как подчинённое средство, входящее как частный элемент в более общий состав нравственных сил». В связи со сказанным можно сделать вывод, что «право по отношению к полноте нравственных требований есть слишком недостаточное и грубое средство, неспособное воплотить чистоту моральных начал» [3; С. 329–339].

С сожалением, следует констатировать, что позитивистский подход к осмыслению правовых явлений, в том числе и принципов права, разделялся во второй половине девятнадцатого и первой половине двадцатого века большинством учёных-исследователей, несмотря на существенную критику позитивизма целым рядом их оппонентов. И сегодня многие исследователи согласны, что именно позитивистский подход станет ключом к решению многих проблем правовой действительности. Кроме того, считалось и считается, по сей день, что с помощью позитивизма можно обосновать многие правовые явления, находящиеся в большей степени в области глубинной, духовно-культурной, жизни общества. Многие правовые явления, подлежащие применению как естественно-правовые насильственным образом пытаются втянуть в русло позитивистской материи. Однако многие категории права и, прежде всего, принципы права не могут быть всецело и всесторонне исследованы и объяснены с помощью доктрины позитивного права.

С этим согласны уже не только правоведы далёкого прошлого, но и довольно многие современные учёные-юристы, занимающиеся, например, вопросами вза-

имодействия позитивного и естественного права. Так указывается: «в современной отечественной юриспруденции, отдавая дань и заслугу в развитии общей теории государства и права естественно-правовой доктрине, появляются суждения о необходимости в современном праве позитивизации естественного права». «Мысль о перспективности этой задачи, казалось бы, благородна и очевидна — чем больше положений естественно-правовой доктрины будут включены в позитивное право (действующее законодательство), тем (якобы) справедливее будут и законодательство, и сама общественная жизнь».

В этой установке уверены все наиболее ярые и последовательные в своих суждениях сторонники юридического позитивизма. Вместе с тем, искусственно вложенное в позитивное право естественное вряд ли способно будет выполнять возложенные на него задачи. «Дело в том, — как утверждал известный английский правовед, моралист и сторонник нравственно-правового учения о праве, Иеремиа Бентам — что «абстрактные положения естественно-правовой доктрины невозможно без остатка формулировать языком позитивного права. «Позитивное право (Законы) — это своего рода прокрустово ложе для естественного права, которое принято называть философией права, или юридической метафизикой, поэтому как бы человек не пытался точно и ясно изложить в законе положения естественно-правовой доктрины в форме юридических позитивных норм, либо лодыжки ног приходится отрубать, и тогда праву не на чем будет ходить, либо отрубить голову, тогда думать будет нечем».

Сторонники позитивного права и применения исключительно формально-юридического подхода к оценке всех без исключения правовых явлений приводят в обоснование своей заявленной позиции, казалось бы, достаточно существенные доводы. К таковым можно отнести к примеру, что только замкнутая и выверенная система правовых норм, обеспеченная авторитетом и властно-принудительной силой государства способна обеспечить в обществе устойчивый и непоколебимый правопорядок. Постоянные же ссылки и указания на несоответствия норм правовых актов, законов на несоответствие нормам «иного порядка» (традиционным, морально-этическим, религиозным, политическим, обычно-правовым) не могут признаваться обоснованными и допустимыми, поскольку способствуют в лучшем случае постоянным и нескончаемым спорам и разногласиям о сущности права, а в худшем случае к постоянным общественным конфликтам и даже революциям. Сторонники позитивно-правовой концепции с уверенностью заявляют, что только при неотступном выполнении всех научно-обоснованных требований юридического (этактического) позитивизма у общества может появиться

реальная возможность избежать как постоянных «бесплодных» дискуссий, так и погружения общества в бездну разрушения государственности и революционного хаоса. А сама юридическая наука при выполнении этих требований способна будет приобрести целостно завершённую и отличную от других правовых наук форму.

Вместе с тем, такая оценка роли исключительно позитивистской юриспруденции не является раз и навсегда общепризнанной, а выводы, сделанные ее сторонниками и последователями, не могут быть признаны столь оптимистичными, претендующими на мнение, не поддающиеся критической оценке.

На самом деле кажущаяся на первый взгляд простота и ясность юридического позитивизма на проверку оказывается способна привести к противоположному результату, чем тот, о котором говорилось позитивистами. В связи с этим именно юридический позитивизм, по мнению его критиков способен к созданию условий, приводящих к наиболее широкомасштабным конфликтам между обществом и государством, при которой уже не существует какой-либо иной авторитетной инстанции, в полной мере способной к юридическому разрешению возникшего правового спора. Поскольку именно государство, вооружившееся установками этактического (юридического) позитивизма является в большей степени заинтересованным лицом в продвижении своих интересов в жизнь через формально-закреплённые нормы права. А эти интересы не всегда могут быть полезными обществу или его отдельным институтам. По мнению антипозитивиста И.И. Царькова, к ранее изложенному следует добавить следующее: «замкнутость системы юридических норм становится косной и не способной быстро реагировать на вызовы времени, что ещё больше усугубляет первую ситуацию». В целом же юридический позитивизм содержит в своём составе множество подводных камней, устранить которые он своими силами уже не в состоянии [5; с.39–54].

Принципы права, на наш взгляд, не будучи производными от позитивного права, могли бы выступить в качестве критериев устранения противоречий между государственными и общественными интересами, привели бы к созданию государственно-общественного компромисса по многим вопросам правового регулирования. Принципы права не продукт позитивного права, а итог воплощения развитого общественного правосознания. Принципы права не могут устанавливаться произвольно и механически, не учитывая внутренней психологии индивида, социальных групп и всего общества, воззрений на право, так как роль принципов права как надпозитивного регулятора по своей сути не может сообщаться с сугубо позитивистскими установками. Так, «исходя из нормативного понимания права, где оно

(право) трактуется как писаное право (законодательные нормы), роль правового сознания сводится к правовой пропаганде (просвещению) и правовому воспитанию, ибо «нет права вообще», а есть только определённые формулировки законов и других нормативных актов, усвоение которых достигается в процессе правового воспитания». Поэтому вряд ли уместно применять исключительно позитивистский метод познания принципов права, совсем не учитывая внутреннюю сущность исследуемых явлений. Отбрасывать позитивистский подход к исследованию принципов права также не следует, поскольку принципы права должны также закрепляться нормативно. В какой-то степени это облегчает правоприменительную деятельность субъектов права. Другое дело заключается в том, что не стоит абсолютизировать позитивистский метод исследования при оценке принципов российского права.

Вместе с тем, использовать лишь исключительно позитивистский метод познания, изучения и использования принципов права не представляется возможным. В изучении принципов права важно использовать и данные естественно-правовой доктрины. «Естественная школа права основывается на рассмотрении права как формы общественного сознания. Для концепции естественного права главным является тезис о возможности существования права без текстов законов. Поэтому право, исходя из такого правопонимания, «не текст закона», а содержащаяся в общественном сознании система понятий об общеобязательных нормах, правах обязанностях, запретах, условиях их возникновения и реализации, порядке и формах защиты».

В связи с вышеуказанным, следует отметить, что в процессе научного рассмотрения принципов российского права не следует руководствоваться лишь одной научной школой, принижая или игнорируя другую. Принципы права должны основываться на прочном фундаменте общественного сознания, находящегося в тесной связи с идеей естественных прав человека и гражданина. Это такие права, как право на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность, на запрет применения уничижающих и жестоких наказаний. Естественные права консолидируются в принципы права, то есть в высшие правовые постулаты их выражающие. Вместе с тем принципы права могут выражаться и формально. Идею о том, что естественное и позитивное право должны быть взаимосвязаны активно и с обоснованными доводами отстаивал в своей работе И. А. Ильин [2; с. 149–415, 310]. Автор неоднократно подчёркивал в своей работе различие и взаимосвязь внутренней составляющей правовой жизни людей и внешней объективно выраженной.

Подводя итог, следует отметить, что научная доктрина юридического позитивизма трудноприменима всецело для исследовательской и практической оценки принципов российского права. Несмотря на существенное облегчение правоприменительной практики, не все принципы права могут быть закреплены формально, поскольку их перечень может быть достаточно обширным и лежать в плоскости народного правосознания, в представлении большинства людей об идеальном праве. Поэтому доктрина юридического позитивизма в большей степени не подходит для объяснения и практического закрепления принципов прав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бацинов А. Н. Социально-философские истоки феномена юридического позитивизма//Вестник Воронежского государственного технического университета. 2010. Т. 6. Вып. 7. С. 132–135.
2. Ильин И. А. «О сущности правосознания»//Собр. соч: в 10 т. Т. 4. М., 1994. — 576 с.
3. Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. Введение//П.И. Новгородцев. Сочинения. М.: Раритет, 1995. — 269 с.
4. Смазнова О. Ф. Право и время. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. — 168 с.
5. Царьков И. И. Моральная несостоятельность и правовая утопия юридического (этического) позитивизма// Вестник Волжского государственного университета им. В. Н. Татищева. 2014. С. 39–54.
6. Шершеневич Г. Ф. О теории права//Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология/ сост. А. П. Альбов и др. Спб.: Алетейя, 1997. — 388 с.

© Тыщенко Глеб Валерьевич (gleb.tyshchenko.2017@mail.ru), Беденков Владимир Владимирович (bedenkov-1989@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Федорин Владимир Евгеньевич

К.ю.н., доцент, Центральный филиал ФГБОУВО
Российский государственный университет правосудия
fedorin-ve@mail.ru

FEATURES OF THE EXECUTION OF PUNISHMENT IN THE FORM OF FORCED LABOR

V. Fedorin

Summary. This article deals with topical issues, the enforcement of punishment in the form of forced labor — one of the fairly new types of criminal executive punishment, adopted in the context of the Concept for the Development of the Criminal Executive System of the Russian Federation until 2020. The article deals with the issues of legislative regulation of forced labor, the problems of sentencing and the execution of this type of punishment.

Keywords: penal system, criminal penalties, forced labor.

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются актуальные проблемы, исполнения наказания в виде принудительных работ — одного из достаточно новых видов уголовно-исполнительного наказания, принятого в контексте Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года. В статье рассматриваются вопросы законодательной регламентации принудительных работ, проблемы назначений наказания и исполнения данного вида наказания.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, меры уголовного наказания, принудительные работы.

Несовершенство норм уголовного законодательства во все времена было основной причиной нарушения прав осужденных. Реализация мер уголовного наказания, эффективно исполнение назначенного уголовного наказания являются одним из актуальных вопросов развития уголовно-правовой политики в свете необходимости всей уголовно-исполнительной системы. Одной из задач Концепций развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года [1] является расширение наказаний и иных мер уголовного наказания, не связанных с лишением свободы. Для реализации этой задачи в 2011 году в УК РФ [2] был внесен новый вид уголовного наказаний — принудительные работы.

Новый вид наказаний предполагает обязательное привлечение осужденного к труду без права свободного выбора места работы, рода деятельности и профессии, а также связанный с лишением и ограничением права на вознаграждение за выполненную работу. Анализ осмысления ст. 53 Уголовного Кодекса РФ [2] и ст. 8 Уголовно-исполнительного Кодекса РФ [3] предопределяет, что принудительные работы являются мерой наказания, которая позволит в будущем заменить такой вид строгого наказания как лишение свободы за совершение преступлений небольшой и средней тяжести.

Одной из проблем, возникших при введении этого наказания, является отсутствия достаточных материально-технических средств, средств финансирования и законодательно закреплённой нормативной базы,

которая бы позволила успешно реализовывать этот вид наказания.

Согласно уголовно-исполнительному законодательству, реализация принудительных работ реализуется в исправительных центрах либо изолированных участках, которые осуществляют свою деятельность в исправительных центрах, связанных с обязательным привлечением осужденного к труду.

Многие правоведы определяют исправительный центр как особое исправительное учреждение, с более мягким режимом наказания. Исполнение принудительных работ реализует только лишь право осужденных самостоятельно выбирать место работы и место жительства. С этим можно полностью согласиться, поскольку уголовно-исполнительное законодательство определяет что осужденные должны проживать и осуществлять трудовую деятельность в исправительном центре.

Особенностью назначаемого наказания является обязательное предварительное назначение наказания, связанное с лишением свободы на срок не свыше пяти лет. Следует отметить, что порядок и условия отбывания наказания во многом совпадет с лишением свободы в колониях-поселениях.

Из анализа норм законодательства, можно прийти к выводу о том, что исполнение наказаний в виде принудительных работ реализуется в исправительных цен-

трах — т.е. специальном учреждении уголовно-исполнительной системы. Вся система исправительных центров функционирует на основе ряда принципов, к которым следует отнести:

- ◆ экономический принцип определяющий экономическую организацию системы управления исправительным центром, т.е. создание исправительных учреждений предопределяет снижение расходов на функционирование всех исправительных учреждений за счет снижения расходов на содержание обвиненных в совершении преступлений, а также обеспечения функционирования исправительного центра за счет средств, которые удерживаются из заработной платы осужденного [6, с. 57];
- ◆ концентрационный принцип, который связан с тем, что решение задач поставленных перед исправительным центром решается не только за счет выполнения одним исправительным учреждением поставленных перед ним задач, но за счет общей совокупной реализации всеми учреждениями поставленных перед ними задач [5, с. 81];
- ◆ принцип простоты предполагает, что осуществление работы исправительного учреждения связано с небольшими «управленческими» задачами, т.е. для его функционирования достаточно нескольких десятков сотрудников, в отличие от обеспечения работы учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы;
- ◆ прогрессивность системы управления исправительным центром связана с реализацией доктрины международного права по эффективному исполнению уголовного наказания [7, с. 62].

Так, то 2017 года на территории РФ не существовало исправительных центров, однако с течением времени, с ведением дополнений в уголовное законодательство, число исправительных учреждений подобного типа стало возрастать. При этом это было связано и с тем, что суды стали выносить обвинительное заключения, назначая данный вид наказаний; однако, данный вид наказаний на сегодняшний день не пользуется достаточной популярностью как часто используемый и реализуемый на практике вид наказания.

Связано это прежде всего с тем, что вопрос отбывания наказания в данных видах учреждения оставался все же недостаточно проработанным с законодательной точки зрения.

Законодательная регламентация цели исправления осужденного предполагая и создания нового ориентиров при исполнении принудительных работ. По своей внутренней сущности принудительные работы предпо-

лагают особую организацию труда осужденных, которая позволяет рассчитывать достижение специально-предупредительного эффекта, иными словами подчеркивая профилактическую значимость этого вида наказания [4, с. 99]. Сложно признать карательную сущность принудительных работ, совпадающую по своему значению с другим видом наказания — исправительными работами.

На сегодняшний день исправительные центры создаются, как правило, на базе исправительных колоний, поскольку это является, прежде всего, экономически выгодным, поскольку сокращение расходов на строительство центров является экономически целесообразным для нашего государства, при этом государственные органы не только реализуют новый вид уголовного наказания, но и позволяют существенно сократить расходы по финансовому обеспечению нового вида исправительных учреждений. При этом, еще одним экономически и хозяйственно важным элементом исполнения подобного вида наказаний является отсутствие необходимости формирования нового штата сотрудников, которое при строительстве исправительного центра на базе колонии приводит только лишь к его расширению и не требует нового «набора», что является еще одним подтверждением экономии средств для обеспечения сотрудников.

Ключевым вопросом при исполнении наказания любого вида остается исчисления срока исполнения наказания. Правовая регламентация принудительных работ остается недостаточно четко проработанной в уголовно-исполнительном законодательстве. Согласно ст. 60.4 Уголовно-исполнительного кодекса РФ [3] срок отбывания наказания не зависит от отработанных дней и количества произведенных удержания из заработной платы, таким образом работа и срок не связаны, а значит значительно переоценивается сущность принудительных работ как наказания.

Многие авторы и вовсе рассматривают принудительные работы как совокупность уже существующих наказаний: лишения свободы, ограничения свободы, исправительных и обязательных работ. При таких обстоятельствах значительно труднее оценивать принудительные работы как гуманное альтернативное лишению свободы наказание.

Основным средством исправления осужденного является воспитательное воздействие на осужденного, выражающегося общественно полезном труде. Следует отметить, что на сегодняшний день в законодательстве также отсутствует регламентация осуществления трудовой деятельности, например, порядок предоставления отпуска, режимы осуществления работ. Законодатель лишь указывает общие условия в уголовно-исполнительном законодательстве, в остальном же прочие вопросы ре-

гламентации труда рассматриваются в контексте законодательных норм трудового права. Кроме того, проблемным вопросом отбывания данного вида наказания является недостаточная регламентация вопроса о раздельном содержании мужчин и женщин, которые хотя и отбывают наказание в одном исправительном центре, но во многом не решены организационные вопросы их отдельного содержания.

На основании вышесказанного, на сегодняшний день создание слаженной системы исправительных центров не всегда возможно, поскольку для начала необходимо создать слаженную систему исправительных центров на базе исправительных колоний, между тем на практике возникают и иные проблемы, которые связаны, прежде всего, с новизной этого вида наказания и отсутствием практики его применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 N1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106055/ (дата обращения: 22.05.2019).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 23.04.2019) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 22.05.2019).
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N1-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 22.05.2019).
4. Авдеев В. А. Принудительные работы как новый вид наказания в системе мер уголовно-правового характера // Известия БГУ. 2012. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnye-raboty-kak-novyy-vid-nakazaniya-v-sisteme-mer-ugolovno-pravovogo-haraktera> (дата обращения: 22.05.2019).
5. Доронин Д. Е., Гречишкин М. С. Актуальные проблемы исполнения наказания в виде принудительных работ. // Развитие общественных наук российскими студентами. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-ispolneniya-nakazaniya-v-vide-prinuditelnyh-rabot> (дата обращения: 22.05.2019).
6. Степашкин В. М. Проблемы применения принудительных работ // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 4 (45).
7. Купряченко О. С. Порядок исполнения наказания в виде принудительных работ // Общество: политика, экономика, право. 2016, № 6.

© Федорин Владимир Евгеньевич (fedorin-ve@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный университет правосудия

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В РОССИИ И СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Филимонов Андрей Анатольевич

Старший преподаватель, Владивостокский филиал
ФГКОУ ВО «ДВЮИ МВД России»
andrei_84-05@mail.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE USE OF PUNISHMENT IN THE FORM OF DEPRIVATION OF THE RIGHT TO HOLD CERTAIN POSITIONS OR ENGAGE IN CERTAIN ACTIVITIES IN RUSSIA AND THE COUNTRIES OF THE ASIA-PACIFIC REGION

A. Filimonov

Summary. The article is devoted to criminal punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities.

The author analyzes the legal norms of the domestic criminal legislation and the criminal legislation of a number of countries in the Asia-Pacific region, on the interpretation of the punishment.

The author draws attention to the difference in legal formulations and approaches concerning penalties related to deprivation of rights in the criminal legislation of the APR countries and domestic criminal legislation.

A comparative analysis of the criminal law of Russia and Asia-Pacific countries allows us to conclude that in terms of the appointment and execution of punishment in the form of deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities, the Russian criminal law is more concretized. The criminal legislation of Russia pays much more attention to this type of punishment, highlighting it among all other types of punishment as specific. In Russian criminal law, the penalty of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities is regulated by specific articles, both in terms of appointment and in terms of execution, while in the criminal legislation of the APR countries it is not interpreted in detail.

Keywords: criminal penalty, sentencing, criminal liability, crime, deprivation of rights, political rights, position.

Аннотация. Статья посвящена уголовному наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Автором проведен анализ правовых норм отечественного уголовного законодательства и уголовного законодательства ряда стран Азиатско-тихоокеанского региона, по вопросу интерпретации рассматриваемого наказания.

Автор обращает внимание на различие в правовых формулировках и подходах, касающихся наказаний, связанных с лишением прав в уголовном законодательстве стран АТР и отечественном уголовном законодательстве.

Сравнительный анализ уголовного права России и стран АТР позволяет сделать вывод о том, что в плане назначения и исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью Российский уголовный закон более конкретизирован. Данному виду наказания уголовное законодательство России уделяет намного больше внимания, выделяя его среди всех остальных видов наказания как специфическое. В Российском уголовном законодательстве наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью регламентируется конкретными статьями, как в плане назначения, так и в плане исполнения, в то время как в уголовном законодательстве стран АТР оно подробно не интерпретировано.

Ключевые слова: уголовное наказание, назначение наказания, уголовная ответственность, преступление, лишение прав, политические права, должность.

Вряде стран АТР также предусмотрены это виды наказаний, связанные с лишением прав. Однако далеко не во всех. Так, в уголовном законодательстве Японии, Сингапура, Новой Зеландии, Малайзии не предусматриваются наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности. Данные законодательства не рассматривают такое наказание ни как дополнительное, ни как основное.

В тоже время уже законодательство Китайской Народной Республики (Далее по тексту — КНР), Республики Корея и Социалистической Республики Вьетнам (Далее по тексту — Вьетнам) выделяет такой вид наказания, как лишение права заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности.

В частности, в КНР за ряд преступлений предусмотрено лишение политических прав [1].

А вот во Вьетнаме и Республике Корея отдельным видом наказания считается лишение права заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности [2]. Однако формулировка и интерпретация этого вида наказания несколько иная, чем в российском уголовном праве.

Вместе с тем дифференцированный подход при рассмотрении данного вида наказания, назначаемого как в качестве основного, так и в качестве дополнительного определяет существенные различия в сроках назначения наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности в уголовном законодательстве определенных стран АТР и нашей страны.

Как правило, на меньший срок всегда назначается данное наказание, если оно служит дополнением к основным наказаниям. Но в настоящее время в связи с изменениями уголовного законодательства в особых случаях, которые предусмотрены статьями Особенной части УК РФ, дополнительно может быть назначено и наказание, связанное с лишением права заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности. В этих случаях срок назначения наказания может быть значительно выше.

В нашей стране предусматривается возможность назначения наказания и в случаях, когда оно не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ, о чем сказано в ч. 3 ст. 47 УК РФ. При этом согласно данной статье во внимание следует брать личность виновного, а также степень и характер общественной опасности совершенного преступления. Однако, несмотря ни на что, сохранить за осужденными право заниматься

определенной деятельностью или занимать определенные должности суд не может.

Вместе с тем сроки исчисления наказания уже определяет ч. 4 ст. 47 УК РФ. На основании данной статьи с момента отбытия наказаний будет отчитываться право заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности, если указанный вид наказания является дополнением к таким наказаниям как: лишение свободы; принудительные работы; содержание в дисциплинарной воинской части; арест.

Между тем с момента вступления приговора суда в законную силу будет отчитываться право заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности, если указанный вид наказания является дополнением к следующим наказаниям: условное осуждение; ограничение свободы; исправительные или обязательные работы.

Таким образом, в России данный вид наказания находит широкое применение, но в большей степени — в качестве дополнительного вида наказания. В странах АТР (КНР, Республика Корея, Вьетнам) это наказание широко распространения не получило.

В тоже время ни уголовное законодательство ряда стран АТР, ни уголовное законодательство РФ, ни как дополнительное, ни как основное наказание не предусматривает лишение права заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности с условным назначением.

Уголовный закон большинства азиатских стран отличается от такового в Европе, прежде всего, суровостью наказания за отдельные виды преступлений. Действительно, если в Европе уже практически повсеместно распространены моратории на смертную казнь, то в азиатских странах смертная казнь остается основным видом наказания за особо тяжкие преступления; в некоторых странах она даже существует с наказанием в виде пожизненного лишения свободы, хотя последний вид наказания, в основном, служит альтернативой наказанию в виде смертной казни.

Как правило, довольно легкий вид наказания, применяемый как в качестве основного, так и в качестве дополнительного вида наказания — это как раз наказание, которое связано с лишением права заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности. Но именно этот вид наказания практикуется далеко не во всех азиатских странах, даже в странах азиатско-тихоокеанского региона.

Весьма суровый подход к наказанию, большой объем кары, который несут сами по себе наказания за пре-

ступления в странах АТР,— все это никак не предусматривает наказания, которые связаны с лишением права заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности, и которые считаются потенциально легкими.

В некоторых странах АТР указанный тип наказания применяется как разновидность наказания в виде поражения в правах.

В частности, в КНР статьей 34 уголовного кодекса предусмотрено наказание в виде лишения политических прав (п. 2 ст. 34). Статья 54 поясняет состав наказания. В ней разъясняются виды прав, которых лишается лицо, совершившее преступление:

1. лицо лишается права участвовать в выборах, то есть реализовывать свое избирательное право,
2. лицо лишается права избираться на определенные должности,
3. лицо лишается права публичных выступлений, права публиковаться, права путешествовать, а также права демонстрировать свободу в правовом отношении,
4. лицо лишается права занимать конкретные должности в государственных учреждениях, в органах государственной власти,
5. лицо лишается права занимать различные руководящие должности в государственных организациях, в государственных компаниях, на государственных предприятиях, в народных коллективах.

Срок лишения политических прав устанавливается от 1 года до 5 лет, однако статья 57 регламентирует это ограничение дополнительным положением: лица, приговоренные к пожизненному (бессрочному — в понятийном аппарате уголовного законодательства КНР) заключению или к смертной казни, лишаются политических прав пожизненно. Однако бывают случаи, что такое наказание как смертная казнь подлежит замене. В данном случае на срок от 3 до 10 лет чаще всего осуществляется отсрочка исполнения приговора на следующие виды:

- ◆ бессрочное лишение свободы;
- ◆ срочное лишение свободы.

Между тем регламентирует сроки исчисления наказания в виде лишения политических прав уже ст. 58. Срок исчисления этого наказания в качестве дополнительного отсчитывается со дня окончания основного вида наказания в виде лишения свободы, краткосрочного ареста, условного освобождения. С начала исполнения основного наказания начинается действие наказания в виде лишения политических прав.

Стоит отметить, что во время исполнения наказания в виде лишения политических прав, преступник обязан:

1. Не использовать права, прописанные в ст. 54;
2. Подчиняться надзору;
3. Соблюдать определенные нормативные акты:
 - ◆ правила органов общественной безопасности Госсовета КНР относительно управления надзором;
 - ◆ административные правила;
 - ◆ законы.

Таким образом, в КНР до сих пор не существует наказания, которое связано с лишением права заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности. Однако здесь выделяется аналогичное наказание, где виновный лишается политических прав. Как правило, оба эти наказания имеют много схожих черт, включая цели, но все-таки выделяются существенные отличия в содержательной стороне и их исполнении.

В тоже время, если говорить о Республике Корея, то здесь уголовное законодательство предусматривает наказание, которое связано с лишением права заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности. В частности, статьи 43 и 44 уголовного кодекса Корейской республики предусматривают такое наказание и трактуют его как процесс лишения и приостановления квалификации.

Однако, как показывает детальный анализ уголовного права Республики Корея, такое наказание применяется в основном в качестве дополнительного. Статья 43 очерчивает круг прав, которых лишается осужденный к данному виду наказания. При этом подчеркивается, что лица, которые приговорены к пожизненному лишению свободы, пожизненным каторжным работам или смертной казни, данных прав лишаются.

Основными правами, которых лишается осужденный, являются:

- ◆ право стать должностным лицом,
- ◆ активное и пассивное избирательное право, причем на основании права общественного,
- ◆ права на исполнение обязанностей в соответствии с квалификацией относительно конкретной деятельности на основании общественного права, условия которого предписаны в законе,
- ◆ права на исполнение обязанностей в соответствии с квалификацией руководителя, аудитора или управляющего юридических лиц, а также инспектора, куратора за деятельностью юридических лиц.

В то же время, если лицо в качестве основного вида наказания отбывает ограниченное лишение свободы,

то оно ограничивается в квалификации относительно определенного круга прав, до момента завершения исполнения наказания или отмены последнего.

Статья 44 предусматривает процедуру приостановления квалификации, что по внешним признакам уподобляется наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на конкретный срок. Полное или частичное приостановление квалификации устанавливается на срок не менее 1 года, но не более 15 лет. В случае, когда ограниченные каторжные работы или ограниченное лишение свободы и приостановление квалификации были наложены одновременно, срок приостановления считается со дня, когда исполнение каторжных работ или лишения свободы закончено либо данные наказания отменены.

Наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью предусмотрено и в уголовном законодательстве Вьетнама.

Статья 21 предусматривает запрет на осуществление деятельности, связанной с пребыванием на определенной должности, на осуществление деятельности или реализацию функций в пределах определенной профессии и компетенций.

Данное наказание главным образом применяется в качестве дополнительного. В Статье 21 не разграничиваются области применения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, однако значительно расширяет сущность этого вида наказания, в частности, — статья, поясняет, что под правом занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью понимаются:

- ◆ лишение возможности пребывать в конкретной должности,
- ◆ лишение возможности осуществления профессиональной деятельности.

Данный вид наказания в уголовном праве Вьетнама применяется в качестве дополнительного наказания к наказанию в виде лишения свободы на ограниченный срок, ареста, штрафных санкций.

Как уже указывалось, эти страны АТР являются основными, в которых уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Сравнительный анализ уголовного законодательства в рамках применения наказания в виде лишения пра-

ва занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в РФ и в ряде стран АТР показал различия по формулировки содержания данного вида наказания, по срокам его назначению, а также по соотношению важности наказания.

Так, в уголовном законодательстве Республики Корея исследуемый вид наказания сформулирован следующим образом: «процесс лишения и приостановления квалификации», сроки наказания предусмотрены от пожизненного и на определенный срок в качестве только дополнительного вида наказания.

Во Вьетнаме рассматриваемое наказание сформулировано как «запрет на осуществление деятельности, связанной с пребыванием на определенной должности, на осуществление деятельности или реализацию функций в пределах определенной профессии и компетенций» на срок до десяти лет с применением в качестве дополнительного наказания.

В РФ это запрет занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления либо заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью на срок от шести месяцев до трех лет в качестве дополнительного наказания и на срок от одного года до пяти лет в качестве основного.

Таким образом, различия в применении наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью весьма существенные, и связаны с особенностями функционирования государств Востока, — своеобразным пониманием справедливости.

Наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью является наказанием, не граничащим с лишением свободы или с взысканием с осужденного материальных средств. В морально-этическом плане данный вид наказания является наиболее гуманным. Поэтому применяется данный вид наказания к лицам, совершившим не тяжкие преступления. Однако наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, назначаемое как дополнительное, несет в себе определенную отягчающую нагрузку.

С другой стороны, целями рассматриваемого вида наказания являются:

- ◆ восстановление справедливости, попранной преступным деянием,
- ◆ предупреждение преступлений в данной профессиональной области, в данной должности.

Поскольку цель изоляции от социума не предусматривается, то само по себе наказание носит отчасти весьма условный характер.

Не для всякой категории преступников данный вид наказания является достаточным для возможного исправления. С этим связано то обстоятельство, что в качестве основного ни в РФ, ни в упомянутых странах АТР почти не применяется наказание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности. Психологический аспект применения рассматриваемого вида наказания заключается в осознании осужденным тяжести содеянного в контексте осуществления определенной профессиональной деятельности. Наказание призвано сформировать у осужденного мнение о собственной профессиональной пригодности в связи с совершенным им, уголовно наказуемым деянием, и, как следствие этого, — вызвать деятельное раскаяние.

В последнее время вокруг данного вида наказания ведутся споры среди правоведов. Проблема заключается в том, что нельзя лишить виновного права заниматься деятельностью, если с ее помощью он осуществляет свои основные свободы и права, например, право воспитывать собственных детей, организация собственного досуга. В КНР практикуется лишения определенной категории прав, в частности, — политических, а то время как в России такое лишение не предусмотрено.

Важно заметить, что деятельность, которая является нормативно урегулированной и требует специальной подготовки, навыков, знаний в конкретной сфере, необходимо трактовать как «иная деятельность». Как правило, такой деятельностью является:

- ◆ деятельность в сфере частных охранных структур;
- ◆ рыболовство;
- ◆ охота;
- ◆ управление транспортом.

Следует отметить, что в настоящее время в УК РФ сроки назначения наказания, которое связано с лишением права заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности строго закреплены.

Если говорить о возможности лишить пожизненно виновного права заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности, то это возможно в редких случаях. В качестве примера можно привести КНР (данный вид конкретизируется и рассматривается в контексте лишения политических прав).

Вместе с тем право заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности в качестве основного вида допускается при следующих обстоятельствах:

- ◆ замена более мягким видом не отбытой части наказания;
- ◆ более мягкое наказание, чем за данное преступление предусмотрено;
- ◆ в санкции инкриминируемой нормы, если данное наказание не предусмотрено.

Два случая, например, в российском уголовном праве предусмотрены соответственно статьями 64 и 80 УК РФ.

Рассматриваемый вид наказания разделяется на два важнейших аспекта:

- ◆ невозможность занять определенную должность;
- ◆ невозможность заниматься определенным видом деятельности.

Эти аспекты принципиально различны и несут разную психологическую нагрузку и степень тяжести.

Должность — это определенная область для осуществления профессиональной деятельности. Деятельность — более широкое понятие. Оно подразумевает систему действий, направленных на достижение определенных целей, удовлетворение потребностей и интересов.

Должность ограничивается профессиональной деятельностью, она определяется конкретными компетенциями, которыми обязано владеть лицо, занимающее данную должность. Лишение права занимать определенную должность равноценно лишению права осуществлять профессиональную деятельность. Лишение права заниматься определенной деятельностью означает запрет на осуществления деятельности, которая может быть, и не связана с профессией.

Поэтому наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью характеризуется внутренней альтернативой. Потребность в осуществлении определенных видов деятельности составляет основу естественных прав человека и гражданина, а эти естественные потребности закон не вправе ограничивать. Закон может запретить, например, участия в выборах, воспрепятствовать реализации избирательных прав, но не может ограничить деятельность, связанную с добыванием средств на существование. Поэтому уголовный закон подходит к формулировке наказания с особым вниманием, конкретизируя, какой именно деятельности он может воспрепятствовать.

Сравнительный анализ уголовного права России и стран АТР позволяет сделать вывод о том, что при ис-

полнении наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью Российский уголовный закон более конкретизирован. Данному виду наказания уголовное законодательство России уделяет намного больше внимания, выделяя его среди всех остальных видов наказания как специфическое.

В Российском уголовном законодательстве наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью регламентируется конкретными статьями, как в плане назначения, так и в плане исполнения, в то время как в уголовном законодательстве стран АТР оно практически не интерпретировано.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс КНР / Автор: Коробеев А. И. — изд. 2-е. пер. — Издательство: Юридический центр Пресс, 2011.
2. Уголовный кодекс КНДР / Автор: Коробеев А. И. — изд. 2-е. пер. — Издательство: Юридический центр Пресс, 2011.
3. Уголовный кодекс Таиланда / Автор: Коробеев А. И. — изд. 2-е. пер. — Издательство: Юридический центр Пресс, 2010.
4. Уголовный кодекс Японии (с изм. и доп. на 1 янв. 2002 г.): пер. с япон. В. Н. Еремина; науч. ред. А. И. Коробеев. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2012.
5. Уголовный кодекс Новой Зеландии / Автор: Коробеев А. И. Издательство: Юридический центр Пресс, 2003.
6. Уголовный кодекс Китая / Автор: Коробеев А. И. Издательство: Юридический центр Пресс, 2006.
7. Уголовный кодекс Сингапура / Автор: Коробеев А. И. Издательство: Юридический центр Пресс, 2005.

© Филимонов Андрей Анатольевич (andrei_84-05@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Владивосток

ОСНОВАНИЯ, УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

GROUND, CONDITIONS AND PROCEDURE FOR THE ELECTION OF A PREVENTIVE MEASURE IN THE FORM OF HOUSE ARREST

V. Firsov

Summary. The article analyzes the grounds, conditions and application of a preventive measure as house arrest, considers the possibility of using the results of operational investigative activities as basis for selection house arrest, justifies the need to improve legal regulation for the selection and application of house arrest as a preventive measure. In addition, the article draws attention to the incompatibility of the court's competence to elect a preventive measure in form of house arrest to the principle of competition and equality of sides.

Keywords: a preventive measure, house arrest, basis, general and special conditions, election and application, the results of operational investigative activities.

Фирсов Владимир Григорьевич

Независимый исследователь

firsov_vg65@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ оснований, условий и порядка избрания меры пресечения в виде домашнего ареста, рассмотрена возможность использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве оснований для избрания домашнего ареста, обоснована необходимость совершенствования нормативно-правового регулирования избрания и применения домашнего ареста как меры пресечения. Кроме того, в статье обращено внимание на несоответствие полномочий суда по избранию меры пресечения в виде домашнего ареста принципу состязательности и равноправия сторон.

Ключевые слова: мера пресечения; домашний арест; основания, общие и специальные условия; избрание и применение; результаты оперативно-розыскной деятельности.

В соответствии со ст. 97 УПК РФ, дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных УПК РФ, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый: скроется от дознания, предварительного следствия или суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью; может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Изучение имеющихся в теории уголовного процесса мнений об основаниях избрания домашнего ареста, практики избрания домашнего ареста и законодательного регулирования показывает отсутствие единой трактовки и понимания того, что же может быть такими основаниями.

Часть ученых считает, что основаниями избрания мер пресечения могут быть только уголовно-процессуальные доказательства. Так, К.Б. Калиновский и А.В. Смирнов полагают, что основания избрания мер пресечения — это уголовно-процессуальные доказательства о конкретных фактах, указывающих на возможные процессуальные нарушения со стороны обвиняемого или подозреваемого, которые закреплены в ст. 97 УПК РФ[1].

По мнению Е.В. Быковой и Б.А. Цветкова, дознаватель, следователь, прокурор и судья должны прогнозировать возможное поведение подозреваемого, обвиняемого не интуитивно, а на основе имеющихся данных, подтвержденных сведениями, собранными и закрепленными в соответствии с требованиями, предъявляемыми к доказательствам[2].

В.В. Климов считает, что наличие фактических данных, выступающих основаниями избрания мер пресечения в виде домашнего ареста, и соответствие их определенным законом критериям должно быть установлено при строгом соблюдении процессуальных норм. Достоверность оснований обеспечивается процессуальным порядком доказывания и закрепления в материалах уголовного дела[3].

Так же считают и Е.Ю. Жога и В.П. Рукавишников, полагающих, что доказательствами, наличие которых позволяет следователю полагать, что обвиняемый может скрыться от органов дознания, предварительного следствия и суда, следует считать фактические данные, полученные из источников, круг которых определен в ч. 2 ст. 74 УПК РФ[4].

В тоже время ряд ученых считает, что возможно использовать результаты оперативно-розыскной деятельности в качестве оснований для избрания мер

пресечения. Так, Светочев В.А. считает, что в случае представления в суд материалов, содержащих результаты оперативно-розыскной деятельности, они могут быть положены в основу принятия решения об избрании меры пресечения лишь при надлежащем их представлении в соответствии с требованиями УПК РФ, Федерального закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности», а также соответствующих ведомственных инструкций[5].

Вместе с тем, согласно ч. 3 ст. 107 УПК РФ, домашний арест в качестве меры пресечения применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению суда в порядке, установленном ст. 108 УПК РФ для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, при этом в ч. 1 ст. 108 УПК РФ указано, что судья не может принимать решение на основании данных, не проверенных в ходе судебного заседания, в частности результатов оперативно-розыскной деятельности, представленных в нарушение требований ст. 89 УПК РФ. Анализ текста ст. 89 УПК РФ показывает, что законодатель проявил непоследовательность, так как в ней не содержится порядок представления результатов оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), в ней только говорится о запрете использования результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ. Однако, результаты ОРД не могут отвечать требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ.

Результаты ОРД представляют собой сведения о фактах и обстоятельствах, которые могут отвечать правовому требованию относимости, предъявляемому к содержанию доказательств в уголовном процессе. Действительно, результаты ОРД могут содержать сведения о фактах и обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, и в силу этого быть относимыми.

Однако одного соответствия требованию относимости недостаточно для того, чтобы признать их доказательствами. Необходимо, чтобы они отвечали и требованию допустимости, предъявляемому к формедоказательства, т.е. были получены из источников, установленных уголовно-процессуальным законом, и в соответствии с предусмотренными им способами. Этому требованию результаты ОРД не отвечают и отвечать не могут. Они получают из источников, установленных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», а не УПК РФ. Способами их получения являются оперативно-розыскные мероприятия, а не следственные и судебные действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законом[6].

Таким образом, основной проблемой использования результатов ОРД в качестве оснований для избрания меры пресечения в виде домашнего ареста является

предусмотренное ч. 1 ст. 108 УПК РФ положение о том, что такими обстоятельствами не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания, в частности результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные в нарушение требований ст. 89 УПК РФ, то есть возможность признания указанных сведений, полученных оперативно-розыскным путем, отвечающими требованиям, предъявляемым к доказательствам. Действительно, одним из требований предания сведениям доказательственного статуса является соблюдение установленного порядка получения доказательств, а на сегодняшний день, в УПК РФ нет установленной процедуры представления результатов ОРД.

Потребность в использовании результатов оперативно-розыскной деятельности при избрании мер пресечения по уголовным делам носит объективный характер. В значительной мере она обусловлена тем, что получение сведений о предполагаемом, прогнозируемом поведении подозреваемого, обвиняемого в кратчайшие сроки при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения только уголовно-процессуальными средствами и методами в современных условиях часто оказывается просто невозможным.

В процессе доказывания устанавливаются сведения о произошедших событиях, явлениях и свойствах объективной реальности, а основания для избрания меры пресечения содержат сведения о возможном, прогнозируемом поведении подозреваемого, обвиняемого. Установить достоверно в ходе доказывания предполагаемую возможность осуществления подозреваемым, обвиняемым действий, перечисленных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, невозможно, так как может быть получен только вероятностный вывод о том, что подозреваемый, обвиняемый «*может*» (с *большой или меньшей вероятностью*) совершить действия, предусмотренные ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

С учетом конкретных целей, на достижение которых направлен домашний арест, а также избрания меры пресечения в виде домашнего ареста в начальный период расследования уголовного дела, после задержания лица, когда сведения, полученные путем производства следственных действий, как правило, еще не получены, представляется необходимым использование имеющихся результатов оперативно-розыскной деятельности, представленных в соответствии с требованиями Федерального закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности», а также соответствующих ведомственных инструкций, в качестве оснований для избрания данной меры пресечения.

Категорическое отрицание допустимости результатов ОРД в уголовном судопроизводстве не оправдано,

так как тогда теряется смысл некоторых из оперативно-розыскных действий. Результаты ОРД могут содержать относимую информацию, дающую основания полагать, что обвиняемый, подозреваемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, может продолжать заниматься преступной деятельностью; может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Это может быть информация о получении обвиняемым, подозреваемым заграничного паспорта, не обнаруженном при обыске, о приобретении билетов на самолет, о сговоре с другими соучастниками, как скрыться от предварительного следствия, уничтожить доказательства и т.д.

При этом необходимо отметить, что сведения, дающие достаточные основания полагать, что подозреваемый, обвиняемый скроется от органов предварительного следствия или суда, может продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства, либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу, не являются обстоятельствами, подлежащими доказыванию, предусмотренными ст. 73 УПК РФ. Мнение о том, что данные сведения могут быть только доказательствами, не соответствует уголовно-процессуальному закону. Указанные сведения, в том числе и результаты ОРД, должны быть приобщены к материалам уголовного дела и представлены в суд для обоснования необходимости избрания подозреваемому, обвиняемому меры пресечения в виде домашнего ареста. В судебном заседании при рассмотрении ходатайства следователя об избрании домашнего ареста, указанные конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основаниями для избрания меры пресечения, должны быть проверены.

Таким образом, допустимо использование результатов ОРД, полученных в соответствии с требованиями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и представленных следователю установленным порядком, проверенных в судебном заседании, в качестве оснований для избрания меры пресечения в виде домашнего ареста.

Так как обстоятельства, указанные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, носят прогностический характер, применение меры пресечения в виде домашнего ареста возможно при вероятности наступления данных обстоятельств. Однако данное предположение должно базироваться на достаточных основаниях, то есть следователь, дознаватель, а также суд, получив достаточные данные о предполагаемой, прогностической возможности подозреваемого, обвиняемого осуществить поступки, перечисленные

в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, принимает решение об избрании меры пресечения.

Как же оценивается достаточность данных о том, что подозреваемый, обвиняемый может совершить указанные действия, предусмотренные ч. 1 ст. 97 УПК РФ? По мнению В. А. Светочева, под достаточностью понимают совокупность данных, содержащихся в материалах уголовного дела и имеющих доказательственное значение, полученных в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, иначе их использование, в том числе и для обоснования необходимости применения той или иной меры пресечения, было бы недопустим[7].

В. С. Чистякова полагает, что основаниями избрания мер пресечения являются указанные в законе обстоятельства, подтвержденные такой совокупностью доказательств, которая дает возможность обоснованно предположить, что лицо, находясь без воздействия меры пресечения, может совершить одно из указанных в законе действий[8].

Таким образом, под достаточностью понимается наличие в уголовном деле совокупности сведений, дающих основание полагать, что подозреваемый, обвиняемый, если к нему не будет применена мера пресечения, предположительно осуществит одно или несколько действий, перечисленных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

Мера пресечения в виде домашнего ареста может быть избрана в отношении обвиняемого, а в исключительных случаях при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, и с учетом обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК РФ, мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого. В законе не указано, в чем может заключаться «исключительность» случаев избрания меры пресечения в отношении подозреваемого. Л. Д. Кудинов считает, что исключительными являются случаи, когда лицо, подозреваемое в совершении тяжкого преступления, не может оставаться на свободе до предъявления обвинения, поскольку представляет опасность для общества, может уклониться от расследования и суда, воспрепятствовать установлению истины по делу, продолжить преступную деятельность, а следователь не располагает необходимой и достаточной совокупностью доказательств для его привлечения в качестве обвиняемого. При этом в постановлении об избрании меры пресечения должны быть указаны обстоятельства, подтверждающие исключительность ситуации[9].

По мнению части ученых, при избрании мер пресечения по судебному решению, в суд должны быть представлены сведения, подтверждающие обоснованность

обвинения в совершении преступления. Так, по мнению И. Н. Кондрата, «законность и обоснованность применения меры пресечения обеспечивается наличием в деле обвинительных доказательств к моменту избрания этой меры пресечения. Поэтому эти доказательства подлежат всесторонней, полной и объективной оценке независимо от того, применяется данная мера к обвиняемому или подозреваемому» [10].

Согласно другой точки зрения, суду следует ограничиться установлением наличия оснований для избрания мер пресечения, предусмотренных УПК РФ, не оценивая доказательства, подтверждающие обоснованность обвинения в совершении преступления.

Так, Ф. М. Кудин считает, что «если признать обвинение (подозрение) основанием меры пресечения, произойдет смешение оснований производства различных процессуальных действий, сотрется четкая грань между привлечением лица в качестве обвиняемого и применением мер пресечения, которые, по общему правилу, хотя и следуют одно за другим, однако по своему характеру и назначению в системе уголовного судопроизводства далеко не равнозначны» [11].

По нашему мнению, обвинение или подозрение лица относится к необходимым условиям избрания меры пресечения. Данное положение вытекает в том числе и из разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5, согласно которому «Следует учитывать, что наличие обоснованного подозрения в том, что заключенное под стражу лицо совершило преступление, является необходимым условием для законности ареста... Должны существовать и иные обстоятельства, которые могли бы оправдать изоляцию лица от общества. К таким обстоятельствам, в частности, может относиться возможность того, что подозреваемый, обвиняемый или подсудимый могут продолжить преступную деятельность либо скрыться от предварительного следствия или суда либо сфальсифицировать доказательства по уголовному делу, вступить в сговор со свидетелями. При этом указанные обстоятельства должны быть реальными, обоснованными, то есть подтверждаться достоверными сведениями.» [12].

Таким образом, под основаниями избрания меры пресечения в виде домашнего ареста следует понимать достаточную совокупность содержащихся в материалах уголовного дела фактических данных, позволяющих полагать, что подозреваемый, обвиняемый может скрыться от дознания, предварительного следствия и суда, продолжит заниматься преступной деятельностью, может угрожать свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Избрание любой меры пресечения, в том числе и домашнего ареста, при наличии предусмотренных законом оснований, возможно только при определенных условиях.

Н. В. Буланова под такими условиями избрания меры пресечения понимает обстоятельства, создающие правовую ситуацию, которая допускает возможность применения меры пресечения. Такими условиями (обстоятельствами) выступают наличие возбужденного уголовного дела и привлечение лица в качестве подозреваемого или обвиняемого [13].

В. А. Светочев считает, что под условиями избрания меры пресечения в виде домашнего ареста следует понимать совокупность уголовно-процессуальных и фактических обстоятельств, позволяющих избрать данную меру пресечения и обеспечить законность такого избрания [14].

Разделяя мнение указанных авторов, отметим, что под условиями применения домашнего ареста следует понимать установленные законом обстоятельства, отсутствие которых исключает возможность избрания данной меры пресечения.

Общими условиями избрания мер пресечения являются установленные законом обстоятельства, отсутствие которых исключает возможность избрания любой меры пресечения. К общим условиям избрания меры пресечения относятся:

1. наличие возбужденного уголовного дела, находящегося в производстве следователя, дознавателя;
2. привлечение лица, в отношении которого следователем (дознавателем) принято решение об избрании меры пресечения, в качестве подозреваемого или обвиняемого.

Специальными условиями избрания домашнего ареста следует считать наличие таких обстоятельств, которые позволяют избрать и применить меру пресечения в виде домашнего ареста.

К специальным условиям избрания меры пресечения в виде домашнего ареста относятся:

1. обстоятельства, в связи с которыми невозможно применение иной, более мягкой меры пресечения;
2. обстоятельства, характеризующие личность подозреваемого, обвиняемого;
3. жилое помещение, в котором проживает подозреваемый, обвиняемый в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях. С учетом состояния здоровья подозреваемого

или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение.

Многие авторы относят к специальным условиям или основаниям избрания домашнего ареста относят категорию преступления, в совершении которого подозревается или обвиняется лицо, в отношении которого избирается мера пресечения в виде домашнего ареста[15].

В соответствии с ч. 3 ст. 107 УПК РФ, домашний арест в качестве меры пресечения применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению суда в порядке, установленном ст. 108 УПК РФ. Согласно ч. 1 ст. 108 УПК РФ, заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет.

Указанное построение правовой нормы, при котором порядок судебного избрания меры пресечения в виде домашнего ареста осуществляется по правилам избрания заключения под стражу, вызывает множество вопросов, противоречий и затруднений.

В связи с отсутствием четкого нормативного порядка применения данной меры пресечения, постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 в п. 36 дано разъяснение, согласно которому порядок принятия решения об избрании данной меры пресечения аналогичен установленному статьей 108 УПК РФ порядку избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу (ч. 3 ст. 107 УПК РФ). При этом *условия, связанные с видом и размером наказания, которые установлены ч. 1 ст. 108 УПК РФ для применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, на домашний арест не распространяются, поскольку они не предусмотрены статьей 107 УПК РФ*[16].

Кроме того, возникают затруднения с пониманием, распространяются ли на домашний арест требования, предусмотренные ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ о том, что заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений в сфере предпринимательской деятельности.

По мнению О.Ю. Тарасенко, изъятие подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской деятельности из круга субъектов, в отношении которых может быть применено заключение под стражу, противоречит принципу равенства всех

перед законом и судом и подвергается критике. Ведь благодаря результату преступной деятельности у подозреваемых или обвиняемых в совершении таких преступлений больше возможностей скрыться от органов дознания, предварительного следствия или суда, продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Мера пресечения в виде домашнего ареста не может мешать реализации подобных намерений[17].

Таким образом, для избрания меры пресечения в виде домашнего ареста необходимо наличие указанных в законе оснований, общих и специальных условий, что позволит не допустить нарушения уголовно-процессуального закона, обеспечить защиту прав подозреваемого, обвиняемого и обеспечит возможность дальнейшего применения меры пресечения.

В соответствии с п. 13 ст. 5 УПК РФ, избрание меры пресечения — принятие дознавателем, следователем, а также судом решения о мере пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого.

При наличии предусмотренных ч. 1 ст. 97 УПК РФ оснований для избрания меры пресечения, общих и специальных условий, при необходимости избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу, следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом соответствующее ходатайство. К постановлению прилагаются материалы, подтверждающие обоснованность ходатайства.

Если ходатайство возбуждается в отношении подозреваемого, задержанного в порядке, установленном ст. 91 и 92 УПК РФ, то постановление и указанные материалы должны быть представлены судье не позднее чем за 8 часов до истечения срока задержания.

В соответствии с ч. 10 ст. 108 УПК РФ, если вопрос об избрании в отношении подсудимого в качестве меры пресечения заключения под стражу (*соответственно и домашнего ареста*) возникает в суде, то решение об этом принимает суд по ходатайству стороны или по собственной инициативе, о чем выносится определение или постановление.

Право суда по собственной инициативе принимать на судебных стадиях уголовного судопроизводства решение об избрании меры пресечения в соответствии с ч. 10 ст. 108 и ч. 1 ст. 255 УПК РФ противоречит конституционному статусу суда, вытекающему из ст. 120 Конституции Российской Федерации, и принципу со-

ствязательности и равноправия сторон при осуществлении судопроизводства, закрепленному в ее статье 123, а также ч. 3 ст. 15 УПК РФ, что явилось предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ (Постановление от 22 марта 2005 г. № 4-П)[18].

Указанным решением Конституционного Суда РФ признаны не противоречащими Конституции РФ ч. 10 ст. 108, ч. 9 и 11 ст. 109 и ч. 1 ст. 255 УПК РФ, допускающие рассмотрение судом по собственной инициативе вопроса о применении к подсудимому в качестве меры пресечения заключения под стражу, поскольку содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу не предполагают возможность принятия судом решения по указанному вопросу без исследования представленных сторонами обвинения и защиты доказательств, подтверждающих наличие или отсутствие оснований для применения данной меры пресечения.

Постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого, прокурора, защитника, если последний участвует в уголовном деле, по месту производства предварительного расследования либо месту задержания подозреваемого в течение 8 часов с момента поступления материалов в суд. Подозреваемый, задержанный в порядке, установленном ст. 91 и 92 УПК РФ, доставляется в судебное заседание. В судебном заседании вправе также участвовать законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, руководитель следственного органа, следователь, дознаватель.

Рассмотрев ходатайство об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, судья выносит постановление об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста либо постановление об отказе в удовлетворении ходатайства. При избрании меры пресечения в постановлении судьи должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение.

Применение меры пресечения в виде домашнего ареста является правовым механизмом обеспечения уголовного преследования лица, совершившего преступление. В соответствии с ч. 2 ст. 22 Конституции РФ, арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению.

Домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого. Однако, в соответствии

с ч. 3 ст. 15 УПК РФ, суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

В связи с изложенным, представляется, что суд должен не избирать меру пресечения в виде домашнего ареста, а осуществлять контроль за законностью и обоснованностью избрания меры пресечения в виде домашнего ареста следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора. В ходе проверки в судебном заседании законности и обоснованности избранного следователем, дознавателем домашнего ареста суд должен принимать решение о применении данной меры пресечения или об отказе в ее применении. Так, в соответствии с п. 3 и 4 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, каждый задержанный или заключенный под стражу незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда; каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным[19].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Таким образом, под основаниями избрания меры пресечения в виде домашнего ареста следует понимать достаточную совокупность содержащихся в материалах уголовного дела фактических данных, позволяющих полагать, что подозреваемый, обвиняемый может скрыться от дознания, предварительного следствия и суда, продолжит заниматься преступной деятельностью, может угрожать свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.
2. Результаты ОРД, полученные в соответствии с требованиями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и представленные следователю установленным порядком, допустимо использовать в качестве оснований для избрания меры пресечения в виде домашнего ареста.
3. При решении вопроса об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста необходимо наличие совокупности общих и специальных

условий, отсутствие одного из условий повлечет невозможность избрания данной меры пресечения.

Специальными условиями избрания домашнего ареста следует считать наличие таких обстоятельств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, которые определяют возможность избрать и применить меру пресечения в виде домашнего ареста.

4. Суд должен осуществлять контроль за законностью и обоснованностью избрания меры пресечения в виде домашнего ареста следователем

с согласия руководителя следственного органа, а также дознавателем с согласия прокурора.

5. Отсутствие четкого и детального регулирования порядка избрания меры пресечения в виде домашнего ареста, применение в этих целях в соответствии с ч. 3 ст. 107 УПК РФ порядка избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, предусмотренного ст. 108 УПК РФ, диктует необходимость внести изменения в УПК РФ для решения вышеизложенных проблем и повышения эффективности избрания меры пресечения в виде домашнего ареста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. (Серия «Краткий курс») - СПб, 2005. - С. 91.
2. Быкова Е.В., Цветков Б.А. Основания применения залога в качестве меры пресечения // Прокурорская и следственная практика. - 2003. № 3-4. - С. 150.
3. Климов В.В. Законность и обоснованность домашнего ареста в уголовном судопроизводстве России: Дис. канд. юрид. наук — г. Москва 2011. - С.117.
4. Жога Е.Ю., Рукавишников В.П. Цели и основания применения предварительного заключения под стражу // Следователь. - 2000. № 7. - С. 18-27.
5. Светочев В.А. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Российской Федерации: Дис. канд. юрид. наук — г. Калининград 2009. - С.121.
6. Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности: монография. М., Проспект, 2015. - С. 74-75.
7. Светочев В.А. Указ. соч. - С. 93.
8. Чистякова В.С. Уголовно-процессуальное право: учебник / Под общ. ред. проф. П.А. Лупинской. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юристъ, 1997. - С. 214.
9. Кудинов Л.Д. Предварительное заключение под стражу в советском уголовном процессе: автореф. Дис. канд. юрид. наук. М., 1985.
10. Кондрат И.Н. Обеспечение прав личности в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и правоприменительная практика: монография. М. Юстицинформ, 2015. - С. 128.
11. Кудин Ф.М. Принуждение в уголовном судопроизводстве. Красноярск, 1985. - С. 106.
12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (п. 14) // Российская газета. - 2003. - 2 декабря.
13. Буланова Н.В. Заключение под стражу при предварительном расследовании преступлений: Научно-методическое пособие / Под ред. докт. юрид. наук М.Е. Токаревой. - М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2005. - С. 69.
14. Светочев В.А. Указ. соч. - С. 93.
15. Овчинников Ю.Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе: Дис... канд. юрид. наук. - Омск, 2006. - С. 87;
16. Постановление пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога». // Российская газета. - 27 декабря 2013 г.
17. Тарасенко О.Ю. Домашний арест как средство нивелирования уголовной ответственности // Библиотека криминалиста. Научный журнал, 2017 № 2 (31). - С. 141.
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. N 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан». Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/12139253/71a38a31f282a7d6f074d8cae3711d40/#ixzz5jZSfuA1m>.
19. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в Риме 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2, ст. 163.

© Фирсов Владимир Григорьевич (firsov_vg65@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСТОРИЯ СЛЕДСТВИЯ И СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В РОССИИ

THE STORY OF THE INVESTIGATION AND THE INVESTIGATING AUTHORITIES IN RUSSIA

A. Shuralev

Summary. in the article the author gives a historical insight into the history of the first investigative actions and investigative bodies from Kievan Rus to the modern Russian Federation in our country. How their forms and performers have changed throughout history, what causes have given rise to them and what significance has the right to the consciousness of our people acquired throughout history.

Keywords: Russkaya Pravda, sachlich, arch, the persecution of the arch, assistants, thief, Proteroscarabaeus, the poslukha, widoki, juices, abenaki, Yemets, an adversarial process. inquisitorial process, a major's office, judicial police officers and judicial investigators.

Шуралёв Алексей Васильевич

К.ф.н., доцент, Московская Академия Следственного
Комитета Российской Федерации
tom-shur@yandex.ru

Аннотация. в статье автор даёт исторический экскурс в историю существования в нашей стране первых следственных действий и следственных органов от Киевской Руси до современной Российской Федерации. Как на протяжении истории менялись их формы и исполнители, какие причины их порождали и какое значение приобретало право в сознание нашего народа на протяжении истории.

Ключевые слова: Русская Правда, заклич, свод, гонение свода, помочники, тать, ПотеРусскаяПравдаевший, послухи, видоки, соки, ябетники, емец, состязательный процесс. инквизиционный процесс, майорские канцелярии, судебные приставы и судебные следователи.

Следователь — это профессия, которая требует от человека максимального умственного сосредоточения и волевого напряжения всех его сил.

Поиски преступника и раскрытие преступлений, детальное расследование не только совершённых, но и готовящихся, по праву это можно отнести к научно-исследовательскому труду, которым занимаются не только учёные-теоретики, но и учёные-практики, вместе взятые. Вдобавок ко всему, следователь должен обладать самым важным и значимым в своей профессии — умением наверняка применить своё знание правовых норм к конкретному преступнику за совершённое им преступление.

Профессия следователя имеет длительную историю. Истоки её в Киевской Руси, которое существовало на территории нашей страны с IX века по XIV век. В своде законов этого раннефеодального государства «Русская Правда» мы находим упоминание людей вступавшие в те или иные противоправные отношения, которые при этом оказываются в поле деятельности людей князя или представителей родовой общины, условно напоминающие участников современного уголовного процесса и первоначальные следственные действия против нарушителей.

«Заклич» (крикун) — человек, который апеллировал ко всем людям славянской общины за помощью в случае совершения против него кем-то: насилия, грабежа и других неправомерных действий. Это делалось на торговой

площади и лишь только после этого все люди общины могли вступить за него и искать «татя» (вора).

Сразу после этого организуется «свод» (разновидность очной ставки) и «гонение следа» (поиски преступника всем миром по оставленным им следам преступления). Весь этот процесс заканчивался или нахождением преступника, или прекращением дела, если преступник не найден. Пойманный преступник должен возместить большую виру (выплатить штраф) или же подвергнуться испытанию: взять раскалённое железо в руки или быть опущенным связанным в большую бочку с холодной водой. Если он не обожжётся или сразу пойдёт ко дну, значит невиновен.

«Заклич» имел своих сторонников, которые известны в «Русской Правде» как «помочники». В «Русской Правде» есть изначальное наименование «истца» — «ПотеРусскаяПравдаевший». Обвиняемого поддерживали «очистники». Арбитра между «закlichem» и обвиняемым не было. В роли свидетелей служили «послухи» (утверждавшие о совершённом преступлении на основании слуха) и «видоки» (очевидцы совершённого преступления).

Предтечами современных следователей являются в «Русской Правде» «соки» и «ябетники». Их функция заключалась в выявлении каких-либо нарушений или преступлений, укрывавшихся от киевского князя родовой общиной и донос ему об этом. Свои услуги они предлагали за плату всем, а профессию, которой занимались называли «сочением» (нахождением воров и убийц).

«Соки» и «ябетники» были привилегированным слоем населения в IX–XIV веках. [5]

Убийство в Древней Руси называлось «головничеством», от которого впоследствии произошло близкое по смыслу название одной из отраслей права — уголовное. Занимался расследованием убийства по «Русской Правде» специальный чиновник при киевском князе — «емец», который являлся первым сыскным агентом в истории следствия и следственных органов в нашей стране.

Существовали в Киевской Руси и другие изначальные формы следственных действий и следственных органов. Об этом мы находим упоминания в двух других исторических документах: «Новгородская судная грамота» и «Псковская судная грамота». Например, в этих документах упоминается об особом значении в практике досудебного расследования такой формы следственного действия как — обыск. В Новгороде и, особенно в Пскове ему отдавалось приоритетное значение в суде. Отказ обвиняемого от проведения обыска автоматически приравнивалось к его виновности. Для вызова в суд в Пскове существовала должность «позовник», который вызывал в суд конкретных лиц с помощью «позовницы», на которой стояла печать главного храма Пскова — Собора Святой Троицы. В судах Пскова и Новгорода, когда судили больных и недееспособных принимали участие — «стряпчие», которые выполняли функции адвокатов для них. Правда им разрешалось участвовать лишь в двух процессах за день. [5]

В Киевской Руси существовал состязательный процесс при разрешении судебных споров с особой ролью в нем родовой общины. С дальнейшим развитием российской государственности, особенно в период становления централизованного государства со столицей в Москве, с XV века по XVII век, состязательный процесс меняется на розыскной или инквизиционный, в котором главным субъектом уголовного преследования является государство.

Историческими документами, характеризующие инквизиционный процесс в нашей стране являются: «Судебник 1497 года», «Судебник 1550 года» и «Соборное Уложение 1649 года». Формирование этого процесса приходится на правление Ивана III (1462–1505), Ивана IV (1533–1584) и представителей династии Романовых: Михаила Федоровича (1613–1645) и Алексея Михайловича (1645–1676).

Централизованное государство требовало от своих подданных полного выполнения своей воли, выплаты постоянной подати и других фискальных повинно-

стей. Началось это с запрещения уходить крестьянам от своих постоянных землевладельцев. Для этого был введён «Судебник 1497 года» по которому крестьянам разрешалось уходить лишь за неделю до осеннего дня памяти святого Георгия — 26 ноября (Юрьев день) и неделю после него. Такую же политику преследовал и «Судебник 1550 года». Но постепенно крестьянский выход запретили введением в 1580-х годах «заповедных лет», которые с принятием «Соборного Уложения 1649 года» были отменены. Закрепощение трудового населения страны сопровождалось усилением самодержавия. [1] Опричнина, введенная Иваном IV способствовала формированию бюрократического аппарата государства и созданию приказной системы управления страной. К первоначальному управлению на местах волостелей и воевод добавились приказные избы и губернские старосты. [2] Особая роль представляла родовая община, подвергшаяся дифференциации и ставшая частью низовой бюрократической системы.

Специальными задачами для новых государственных систем на местах являлись поиски беглых крестьян, расследование крамолы на царя и государство и «облихование» (расследование преступлений), совершаемых профессиональными преступниками («лихими людьми»). В практике ведения сыска и проведения следственных действий главную роль играла пытка к обвиняемым и осуждённым. Основными следственными органами в это время являлись: Приказ тайных дел, Приказная изба, Уездная управа.

Именно с этого периода начинает действовать известное право: «Слово и дело государево» — порядок участия в политическом сыске в России XVII—XVIII веков, произнесение которого свидетельствовало о готовности дать показания (доклад, донос) о неправде государя или государственном преступлении. [3]

Инквизиционный процесс дошёл до крайней степени совершенства император Пётр I, но при этом он ликвидировал институты губернских старост и воевод, передав от них следственные функции в руки учреждённой им полиции. Пётр I положил начало полицейской системе надзора за общественным порядком и досудебной подготовке полицией материалов дел уголовного характера. Именно при этом императоре были выработаны три модели построения следственных органов: 1/ самостоятельный следственный аппарат («майорские» канцелярии); 2/ следственный аппарат, включенный в аппарат прокуратуры; 3/ следственный аппарат при судебном органе (Розыскная контора Вышнего суда).

Изначально Пётр I в 1702 году учредил вести политические дела в Москве — Преображенскому приказу,

а в Санкт-Петербурге — Тайной канцелярии. Эти учреждения были первыми специализированными органами политического сыска и суда в России и просуществовали в течение первой половины 18 века. Принимали дела к рассмотрению эти органы после доноса кем-то о каком-либо преступлении.

Но самым важным и интересным нововведением Петра I стало учреждение 25 июля 1713 года «майорских канцелярий», дата которого является в настоящее время праздником для сотрудников Следственного Комитета Российской Федерации¹. Создание этого органа было вызвано крайней необходимостью расследовать казнокрадство и коррупцию, которые осуществили его ближайшие сподвижники как в центре, так и на местах.

Пётр I не мог больше мириться с таким беспределом и решил доверить самое ответственное дело людям военным, знающих устав и военную присягу. Он был уверен в их честности и порядочности, что доверил им провести доскональное расследование казнокрадства и мздоимства, совершённых первыми лицами в государстве. Но по мере того как продвигалось это расследование и открывались небывалые преступления его приближённых, руководители этих «майорских канцелярий» стали меняться каждый год. Пётр лично контролировал все нити расследования, приказывал применять пытку к обвиняемым, по его приказу были казнены князья: М. И. Волконский и М. П. Гагарин. Но расследование следователей «майорских канцелярий» на этом не прекратилось и вскоре привело к главному обвиняемому — А. Д. Меншикову, находящегося в фаворе у самой жены Петра I. Именно она, под предлогом скорого рождения нового наследника Петру уговорила не казнить своего первого друга и сподвижника.

Развязка событий, связанных с расследованием «майорских канцелярий», окончилась неблагоприятно для всех его участников. При не выясненных обстоятельствах наступила преждевременная смерть Петра I. А. Д. Меншиков вскоре потерял власть и умер в ссылке. Другие сподвижники Петра I для того, чтобы больше не делать споров друг с другом о своих нажитых имуществах и сохранить за собой место у власти, которую они получили при Петре I, ровно 20 лет не хоронили гроб с телом императора в землю, боясь за себя в трудных политических ситуациях они прибегали к мёртвому Петру как к арбитру.

После Петра I, следственные органы были ликвидированы и вновь воссозданы лишь в 1808 году. При им-

¹ 27 июля 2013 года постановлением Правительства Российской Федерации был учреждён в нашей стране — День сотрудника Следственного Комитета Российской Федерации.

ператрице Анне Иоанновне, инициаторе строительства каменной Петропавловской крепости со знаменитым Алексеевским рavelином, был воссоздан в Московской губернии Сыскной приказ, который приравняли к статусу, созданных Петром I, коллегий. Его функцией была — уголовная юстиция и он одновременно являлся пересыльным пунктом приговоренных к ссылке колодников. В 1753 году Сыскной приказ был преобразован в розыскную экспедицию.

21 февраля 1766 году императрица Екатерина II своим указом ликвидировала Тайную Канцелярию, передав её функции Тайной Экспедиции при Сенате, поставив во главе её своего доверенного человека, Степана Ивановича Шешковского, штаб-квартира которого находилась в Петропавловской крепости. А другим своим указом от 1767 года ограничила применение пытки при допросе обвиняемых, санкцию на которую мог выдать лишь губернатор.

Внук великой императрицы Александр I манифестом от 8 сентября 1802 года учредил Министерство Внутренних Дел, которому с 1811 года стали подведомственны все местные административно-полицейские учреждения, занимавшиеся вопросами внутреннего правопорядка. Возрождение петровских «майорских канцелярий» началось с создания судебных приставов, которые специализировались на производстве уголовных расследований. Их создание стало четвёртой моделью построения органов расследования, при которой следственный аппарат функционировал в структуре органов исполнительной власти.

В 1826 году по именному указу Николая — I, была создана Особая канцелярия МВД и присоединена к Собственной Его Величества канцелярии, известное как III Отделение жандармерии. Она занималась внешней разведкой, внутренним политическим сыском, уголовными преступлениями, социально-экономической политикой и цензурой. В 1827 году Николай — I учредил в помощь III Отделению 150 тысяч человек жандармского корпуса. Чтобы стать жандармом специально проводился строгий отбор, так что в жандармерии служили настоящие профессионалы своего дела, лично верные императору.

III Отделение жандармерии стало настоящей спецслужбой, на основе которой в будущем в нашей стране были созданы специализированные службы госбезопасности. Именно благодаря III Отделению жандармерии за время правления Николая — I в Российской империи не произошла революция.

Великие реформы императора Александра II, положившие начало буржуазному развитию нашей страны,

возродили и систему судебных следователей, после утверждения императором 20 ноября 1864 года Устава Уголовного Судопроизводства¹, который заменил на некоторое время инквизиционный уголовный процесс состязательным. Но это не способствовало личной безопасности самого императора. Вдобавок ко всему упразднив 6 августа 1880 года III Отделение жандармерии, Александр II подписал себе смертный приговор, ускорив одновременно революционный процесс в стране.[7]

В ходе судебной реформы Александра II в России впервые создаётся система независимого предварительного следствия, входящего в структуру судебной власти, с детальной регламентацией процессуального

положения судебного следователя, которая просуществовала до октября 1917 года. [4]

С 1917 года по 1920 — е годы в нашей стране, поменявшей вектор своего исторического развития, которая стала называться СССР произошёл переход от судебной модели предварительного следствия к его прокурорской модели, повлекшей за собой снижение процессуальной самостоятельности следователя. Деятельности следственных органов на протяжении всего советского периода их истории был присущ ряд существенных противоречий. В 20 и 21 веках в России сложилась и существует до сих пор полицентрическая система предварительного следствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. История следствия в России: Монография / Под общ. ред. Д.О. Серова, А.В. Федорова. - М.: Юрлитинформ, 2017. - 280 с
2. История органов следствия России: Хрестоматия. - М.: ЮНИТИ, 2015. - 223 с.
3. История суда и правосудия в России: монография / отв. ред. С.А. Колунтаев, В.М. Сырых. М.: Норма, 2016. Т. 1. 640 с.
4. Мамонтов А.Г. Становление института предварительного следствия в рамках судебной реформы 1864 г.: монография. М.: Московский ун.-т МВД России, 2005. 239 с.
5. Повести Древней Руси. XI-XII века / сост. Н.В. Поньрко. Л.: Лениздат, 1983. 574 с.
6. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность: монография / К. Титаев, М. Шклярчук. - М. : Норма, 2016. - 192 с.
7. Серов Д.О., Очерки истории российских следственных органов. М.: Юрист, 2015. 318 с.

© Шуралёв Алексей Васильевич (tom-shur@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

¹ Устав Уголовного Судопроизводства — был принят в рамках судебной реформы 1864 г. Устав устанавливал либеральные принципы рассмотрения уголовных дел судами. По Уставу большинство уголовных дел относилось к компетенции окружных судов с участием присяжных заседателей. В состав окружных судов с участием присяжных входили: во-первых, 3 коронных судьи (они решали вопросы права); во-вторых, 12 присяжных заседателей (решали вопросы факта). Устав уголовного судопроизводства включал «общие положения» и три книги: 1) «Порядок производства в мировых судебных установлениях», 2) «Порядок производства в общих судебных местах», 3) «Изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства». Всего в Уставе было 1254 статьи. Вместо розыскного уголовного процесса была введена смешанная форма, основанная на континентальной системе права, в которой подчеркивается подзаконность деятельности суда и отрицается возможность принятия решений судом на основе судебных прецедентов.

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Aristarkhov D. — Postgraduate student of the Bashkir State University», Ufa
Dimaris90@mail.ru

Batchaev M. — Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev
batchaev@yahoo.com

Bedenkov V. — Senior lecturer, Altai State University
bedenkov-1989@mail.ru

Botashev R. — Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev
botashevruslan@mail.ru

Efimova N. — Doctor of economic Sciences., Professor of the Moscow state University named after M. V. Lomonosov

Fedorin V. — Candidate of law, associate Professor, Central branch of Russian state University of justice
fedorin-ve@mail.ru

Filimonov A. — Senior lecturer of the Vladivostok Branch of the Federal State Educational Establishment of the Russian Federation for the Twenty Russian Interior Ministry
andrei_84-05@mail.ru

Filippova O. — PhD in law, Notary Public of Ekaterinburg Associate Professor of Civil Law Disciplines of the Ural Institute «All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation)», Member of the Russian Criminological Association Candidate of Law
r.ovz24@ya.ru

Firsov V. — Independent researcher
firsov_vg65@mail.ru

Gadzhigoroev G. — Applicant, Russian state social University
gadji05@bk.ru

Gasiev T. — Postgraduate Student, Moscow State University of Applied Biotechnology
timurgasiev@gmail.com

Gorchak M. — Russian Customs Academy
Gorchakmarina@mail.ru

Gorjunjva O. — Ph.D. (Engineering), Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics
goryunova-olga@yandex.ru

Gurcov R. — Post-graduate student of the Russian Academy of foreign trade by Ministry of economic development Russian Federation
RAGurkov@mail.ru

Ignatskaya L. — Candidate of economic sciences, Associate professor at the Vorkuta branch of Uhta state technical university, Russia, Vorkuta
lignat56@yandex.ru

Kamatesov P. — Post-graduate, St. Petersburg State University
KamatesovPa@yandex.ru

Kolesnikov Y. — Doctor of law, associate Professor, Federal state autonomous educational institution of the higher education «Southern Federal University»
yakolesnikov@sfedu.ru

Konnov I. — PhD in policy, associate professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), deputy director of Nizhny Novgorod Institute of Management - Branch of RANEPA
konnov-ia@mail.ru

Kornyshev O. — Moscow financial and industrial University «Synergy»
okornyshev@nes.ru

Likhtarova O. — Candidate of economics, associate professor, Samara state university of economics
lihtarova.olga@yandex.ru

Lukyanova A. — Doctor of Economic Sciences, Professor, Finance University under the Government of the Russian Federation
avlukyanova@fa.ru

Melnikov V. — Doctor of law, associate professor, Rostov Institute (branch) of the Federal state budgetary educational institution of the higher education «Russian state University of the justice (RPA of the Ministry of the justice of Russia)»
juliameln@mail.ru

Naaber Y. — Candidate of Economic Sciences, Professor of the Kyrgyz-Russian Slavic University
Naaber1937@mail.ru

Nikishova M. — Post-graduate student, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)
mary@nikishof.com

Nikolashvili K. — Postgraduate, Lomonosov Moscow state University
libra-92@mail.ru

Parfenyuk N. — Postgraduate student of the Tyumen State University, Tyumen
parn_2012@mail.ru

Shepelin G. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
line75@yandex.ru

Shuralev A. — Candidate of philosophical Sciences, associate Professor, Moscow Academy of The Investigative Committee Russian Federation
tom-shur@yandex.ru

Smorchkova L. — Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Somov E. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Kyrgyz-Russian Slavic University
e.somov@mail.ru

Trifonov D. — Postgraduate student of non-State educational private institutions of higher education «Moscow financial and industrial University «Synergy» (University «Synergy»)
d.triff@yandex.ru

Tyshchenko G. — Post-graduate student of the Altai state University
gleb.tyshchenko.2017@mail.ru

Vodorezova E. — Assistant, Plekhanov Russian University of Economics
Lab447@yandex.ru

Voronov A. — Doctor of Law, professor, chief researcher of Institute of the state and the right of RAS; professor of the MIA Academy of Management; expert of the Russian Academy of Sciences
adminlaw@igpran.ru

Zatsepin M. — Doctor of Jurisprudence (higher doctorate), professor, Senior Research Scientist of the Department of Scientific Research and International Collaboration of the Ural State Law University, Vice-President of the Russian Association for Criminology
mnz-1958@mail.ru

Zatsepin A. — PhD in law, associate professor, Head of the criminal law department of Ural Institute «All Russian state university of justice (RPA of the ministry of justice of the Russian Federation)», Associate Professor of Criminal Law department of Ural state law academy, Head of Russian criminological association
tp0507@ya.ru

Zhang Guoxia — Associate Professor, Suihua University, Suihua, China
zhang_g@list.ru

Zolotova S. — Ph.D. (Engineering), Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics
goldoni@yandex.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).

